

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

РАЗВОРОТ В НИКУДА

РОССИЯ В ПЕТЛЕ КУДРИНА

Annotation

Миллионы граждан России с надеждой ждали президентских выборов, воспринимая их как переломную точку в отечественной истории, после которой начнется разворот к возрождению нашего государства. Однако произошло совсем другое «возрождение» — старого-нового либерального правительства, которое стало символом разворота Российского государства в никуда — в пропасть дальнейшего кризиса, разрушения государственности в угоду интересам ТНК и презрения к «электорату», столь опрометчиво поверившему смутным предвыборным намекам и громким заявлениям. Новая книга Михаила Делягина посвящена важнейшим событиям российской политической, экономической и общественной жизни 2017–2018 гг., дает оценку сложившейся в нашей стране и в мире ситуации и прогнозы ее развития на ближайшее будущее.

- [Михаил Делягин](#)
 - [Либеральное людоедство\[1\]](#)
 - [Факторы британского превосходства\[2\]](#)
 - [Большой обман: завершение\[7\]](#)
 - [Пороки российской казны продолжают цвести пышным цветом\[8\]](#)
 - [Разворот в никуда\[9\]](#)
 - [У кого в России всё в порядке с психикой\[10\]](#)
 - [Бурный век\[11\]](#)
 - [«Петля Кудрина» снова на горле России\[12\]](#)
 - [О потенции новых министров\[13\]](#)
 - [Англосаксы точат друг на друга ножи\[14\]](#)
 - [Россия — пятое колесо в глобальных проектах Запада\[16\]](#)
 - [Время Березовского\[18\]](#)
 - [«В 90-е меня едва не уволили за слова «национальные интересы России»](#)
 - [Почему российская политика — не шахматы, а игра в карты в темной комнате\[20\]](#)
 - [Дикий лоббизм так же разрушителен, как и дикий рынок\[21\]](#)

- [Тереза Мэй готова объявить России войну\[22\]](#)
- [Ахиллесова пята российского государства\[23\]](#)
- [Человечество за порогом\[25\]](#)
- [Нужна только воля...\[26\]](#)
- [Фрагмент эволюции: от индивидуального сознания — к коллективному\[27\]](#)
- [Ликвидация, санация, национализация\[32\]](#)
- [Центробанк для России страшнее, чем НАТО, США и ИГИЛ\[33\]](#)
- [Россия боится краха американской экономики, скупая золото\[34\]](#)
- [Россия 300 лет жила под украинско-польским игом\[35\]](#)
- [Если США захотят, в один день мы лишимся своих денег, вложенных в их ценные бумаги\[38\]](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

- [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
-

Михаил Делягин

Разворот в никуда: Россия в петле

Кудрина

Либеральное людоедство^[1]

Пенсионная реформа — бессмысленное людоедство, как монетизация льгот 2005 года (когда пенсионеров попытались лишить даже пользования городским транспортом): у мужчин украли 5, у женщин — 8 лет жизни.

Либералы ограбили материальное наследие Советского Союза — заводы, фабрики и разведанные недра, и сейчас грабят его нематериальное наследие — системы здравоохранения, образования и сами наши жизни.

Причина пенсионного кризиса — не демография (как ни убеждай нас правительство Медведева, что в России развелось слишком много пенсионеров, и они живут слишком хорошо), а чудовищная, не имеющая аналогов система обложения доходов, выталкивающая в «тень» десятки миллионов людей.

Чем человек беднее, тем больше у него (с учетом обязательных соцвзносов) забирает государство: страна превращена в налоговый рай для миллиардеров и налоговый ад для всех остальных.

Разговоры о неприемлемости для нас прекрасной работающей во всем мире прогрессивной шкалы обложения налогов — ложь: богатых людей немного, и поэтому их легко контролировать, у них есть, что отдать, и они отдают это с радостью, чтобы избежать тюрьмы.

Даже олигархи понимали необходимость прогрессивной шкалы: налоги России не хотят платить только либеральные реформаторы.

Причина дыры в Пенсионном фонде — нежелание либеральных реформаторов платить налоги России (Франции, США, Великобритании и другим странам они платят с охотой).

Игнорирование этой причины не позволяет преодолеть пенсионный кризис.

В 2014 году у нас отняли реальные пенсионные права, заменив рубли баллами: доля расходов на дефицит Пенсионного фонда снизилась в федеральном бюджете на треть, с 21 до 14 %, — но этого хватило менее чем на 3 года.

Нынешнего повышения пенсионного возраста тоже хватит ненадолго.

При этом безработица пожилых и молодежи усугубится; пожилые станут умирать от нищеты, не дотянув до пенсии (вероятно, замысел реформаторов именно в этом).

Путин смягчит людоедскую реформу (может, продлит срок повышения пенсионного возраста, может, сократит повышение для женщин до 5 лет), но не отменит ее, ибо смотрит на экономику и социальную сферу глазами либеральных людоедов.

Похоже, либеральное правительство Медведева объявило войну на уничтожение каждому из нас.

Надо всерьез готовиться к неизбежному краху этого государства, — чтобы не разрушить себя, как Советский Союз в начале 90-х годов и тем более не как Украина в 2014-м.

Разговоры о патриотизм в ситуации, когда место бандеровцев заняло правительство РФ, просто утратили смысл.

Факторы британского превосходства^[2]

Взлет в мировые лидеры Британии и сохранение ее значения — важный урок

Еще в начале XVIII века, подорванная революциями и войнами, она была просто бедна. За счет чего же она менее чем за сто лет обрела могущество?

Открытость элит

Источник **внутренней демократичности** власти (не мешавшей жестокости к народу) — война Алой и Белой Розы (1455–1487 годы), в которой знать вырезала сама себя. Погибли почти все принцы крови, аристократы, рыцари и служилое сословие в целом. Число убитых оценивается в 105 тыс. чел. — 3,75 % населения.

Богатства истребленной аристократии достались торговцам, которые стали покупать аристократические титулы.

Истребившая себя феодальная знать не противостояла формированию прогрессивного по сравнению с ней абсолютизма, — и переход к нему прошел быстрее и проще, чем во Франции или Испании.

Абсолютизм опирался на мелких и средних дворян (в том числе бывших торговцев), сражавшихся не за убеждения и не против врагов, а за покровительство «своего» лорда-протектора, — место которого после гибели знати занял король.

Война Алой и Белой розы дала невиданное развитие спецслужбам. Похоже, с того времени всемерная помощь им стала нормой для английского джентльмена — и источником британской мощи.

Но главное следствие войны — **жесточайший дефицит элиты**, породивший уникальный социальный механизм: английское мелкое и среднее сельское дворянство (джентри), в отличие от континентального, было открытым сословием, пополнявшимся из

купцов и богатых крестьян. Торговцы, более всех выигравшие от последствий войны Алой и Белой розы, не в порядке исключения, а открыто и законно, массово пополняли ряды дворянства.

Опираясь на джентри, абсолютизм опирался тем самым на купцов и разбогатевших крестьян, расширив свою социальную базу до непредставимых на континенте масштабов. Это обеспечило внутренний демократизм и, соответственно, эффективность английской элиты.

Форсировало это и развитие рынка: новое английское дворянство (в отличие от старого континентального) было вскормлено им (пусть даже в форме спекуляций на выморочном послевоенном имуществе), а не враждебно противостояло ему.

Джентри — локомотив капитализма

Не сдерживаемый феодалами капитализм развивался уникально жестоко: через «огораживание».

Землевладельцы сгоняли крестьян с земли, превращая ее в пастбища. Продавать шерсть было выгоднее, чем зерно, и «овцы съели людей».

Впрочем, зверства «огораживания» преувеличивались даже современниками. После разрухи из-за чумы 1348–1349 годов и войны Алой и Белой розы Англия лежала в руинах, и еще в 1520-х годах «земли было больше, чем людей»; ее дефицит появился лишь в 1550-е годы. К 1500 году было выведено из долевого владения в частную собственность 45 % всех земель, а за весь XVI век огородили еще не более 2,5 %.

Болезненность «огораживаний» усиливалась тем, что с развитием капитализма им подвергались лучшие земли (так что на этих 2,5 % могло собираться 10 % урожая и жить 20 % крестьян). Кроме того, с земель сгоняли незаконно занявших их за годы разрухи, возделывавших их иногда поколениями, — и этих сквоттеров никто не считал.

Ключевая причина обнищания — приток серебра после открытия Америки, который обесценил его во всей Европе. За 1510–1580 годы в Англии цены на продовольствие выросли втрое, на ткани — в 2,5 раза,

что обогащало купцов и джентри при разорении крестьян и не занимавшихся бизнесом землевладельцев, чьи доходы были фиксированы. Это объясняет то, что земельная собственность джентри росла в том числе за счет земель крупных лордов и секуляризованных в XVI веке монастырей.

Когда вызванное обнищанием массовое бродяжничество стало проблемой, за него ввели смертную казнь, обеспечив крайне дешевой рабочей силой мануфактуры и поместья новых дворян, а затем и флот с его каторжными условиями. (Часть бродяг гуманно загоняли в работные дома, поневоле изобретя, чтобы хоть чем-то занять их, пригодившееся в эпоху паровой машины разделение сложного труда на простейшие операции). В XVI веке за бродяжничество было казнено свыше 160 тыс. чел. — в полтора раза больше, чем погибло в войне Алой и Белой розы.

В итоге крестьянство было уничтожено как класс, деревня перешла на капиталистические рельсы, но главное — сложился открытый характер формирования элиты: успешные торговцы и богатые крестьяне становились дворянами. Их укрепление породило конфликт с абсолютизмом, увенчавшийся революцией 1640–1660 годов.

Банкирские дома — ускоритель прогресса

Джентри вкладывали и в Англии, и за границей и вступили в союз с банкирскими домами. Те возникли в итальянских городах-государствах, прежде всего Венеции (а также в Генуе и Ломбардии; уже в первой трети XIII века они, как отмечал А.И.Фурсов, «опутали долговой сетью значительную часть Европы», разжигая для последующего финансирования самые разные войны. Вслед за переносом центра деловой активности (из-за укрепления Османской империи, развития морских путей в Индию и Новый Свет) они стали переносить центр своей деятельности в Западную Европу.

А.И.Фурсов отметил, что в 1582 году венецианская аристократия решила превратить в свой плацдарм Голландию, но Тридцатилетняя война показала уязвимость последней. Кроме того, венецианцам пришлось конкурировать в Голландии с евреями-марранами,

бежавшими туда из Испании и Португалии. «Единственной альтернативой Голландии была Англия — мало того, что остров..., но государство с...сильной потенцией превращения в ядро североатлантической мир-экономики... Англия была уже подготовлена венецианцами в качестве запасной площадки — они работали над этим с конца 1520-х годов...»

Венецианские финансисты (вместе с еврейскими банкирскими домами, в которых они со временем растворились) во многом сформировали английскую элиту, оплодотворив косную среду джентри богатейшей и изощреннейшей политической и интеллектуальной традицией Венеции (и иудаизма).

В Английской революции 1640–1660 годов финансисты поддерживали парламент, бывший оплотом джентри (Елизавета I взяла под контроль денежное обращение, ущемив их интересы). Оплачивая Кромвеля во время гражданской войны, после его победы они обеспечили себе контроль за экономикой Англии.

От союза монархии и джентри — к союзу парламента и купцов

Процветание Англии в первой половине XVII века было неустойчиво: после запрета вывоза необработанной шерсти 80 % экспорта составляли шерстяные ткани. Английские купцы нуждались в защите от голландских конкурентов, правительство — в повышении доходов; результатом стало усиление протекционизма.

Навигационные акты 1651–1673 годов установили, что импорт может поступать в Англию только прямо из страны-производителя и только на английских, либо ее кораблях. Это исключило из английской торговли Голландию. Нужные Европе колониальные товары (включая табак и сахар) шли в Англию, — и колонисты покупали все необходимое в ней. Это сделало английских купцов посредниками между колониями и Европой, обеспечив им сверхприбыли искусственно созданной монополией.

Голландия начала стагнировать, а Англия бурно развивалась (за XVII век число ее кораблей и таможенные доходы выросли вдвое) и заняла ее место торгового лидера Европы (в том числе в работоторговле).

Реставрация не противодействовала бизнесу: Карл II вернулся в другую страну и не пытался ее переделать (кроме заигрываний с католицизмом, которые дали ему союз с Францией против Голландии и субсидии от Людовика XIV, позволившие ему в конце правления отказаться от налогов, регулировавшихся противостоявшим ему парламентом). Сложившиеся в середине 1670-х тори (сторонники монархии и англиканства) и виги (сторонники парламента и протестантов) были объединены неприятием католиков и французов. Это уберегло их от военного конфликта друг с другом, что стало шагом к цивилизованному устройству государства, не ослабляемому, но усиливаемому внутриполитической борьбой.

Ставший королем после отравления Карла II ртутью в ходе алхимических опытов его младший брат Яков II («веселый король» Карл II, только признавший 14 внебрачных детей, не оставил законных наследников) восстановил против себя Англию за три года: народ возненавидел его за поощрение католицизма, элита («новое дворянство» и финансисты) — за попытку вернуть абсолютизм.

Виги и тори объединились против Якова II, но нового Кромвеля не нашлось, и банкиры профинансировали Славную революцию 1688 года — интервенцию Вильгельма Оранского и госпереворот. Результатом стал Билль о правах 1689 года, знаменовавший переход Англии к конституционной монархии, в которой король подчиняется законам, издаваемым парламентом.

Виги победили, но лишь при поддержке тори. Славная революция породила компромисс; основанное на выгоде единство элиты укрепилось, включая партнерство между парламентом и купцами, — и оказалось направлено против Франции. *Через сто лет оно сокрушит Францию, направляя Великую революцию через сеть тайных обществ и скрытого финансирования (правда, это будет ответом на предоставление Людовиком XVI в июне 1776 года 1 млн. ливров на войну североамериканских колоний против Англии: по Макиавелли, не смертельный удар убивает нанесшего его).*

Тривиальный госпереворот в ходе интервенции зовется революцией (да еще Славной) не только из-за жажды самовозвеличивания. Она сформировала фундаментальный фактор британской конкурентоспособности: **патриотическое объединение управленческой и коммерческой элиты общим стратегическим**

интересом, основанным на использовании государства как своего инструмента во внешней конкуренции.

Осознание этого единства — мощный стабилизирующий фактор, способствующий систематическим **компромиссам** во внутривполитической борьбе и **урегулированию внутренних конфликтов за счет внешней экспансии.**

***Финансовая революция: банк Англии как первый частный
центральный банк мира***

Славная революция, обеспечив единство английской элиты, создала предпосылки для глубочайшего преобразования финансовой системы: купцы и лендлорды с охотой стали кредитовать правительство, которое они контролировали через парламент, а королевский долг стал национальным и превратился в локомотив развития страны. (Во Франции одалживать королю деньги было рискованно, что ограничивало кредит — этот двигатель экономики — и способствовало поражению в конкуренции с Англией).

Оборотной стороной стали сверхприбыли финансистов. Кредитуя торговлю, они с удовольствием финансировали и вызываемые ее расширением войны, используя кредитование государства для укрепления своего влияния на него.

Так, в 1690 году победители в Славной революции — Вильгельм III Оранский и парламент — взяли большие займы под гарантированно высокие проценты для войны со сторонниками Якова II и с Францией. Денег в казне просто не было, как часто случается после революций, да еще славных.

Средства снова понадобились уже в 1693 году, но финансисты отказали ради вывода своего влияния на новый уровень: создания частного банка в качестве центрального и установления этим контроля за всеми финансами общества. Ситуация была настолько отчаянной, что для поиска денег создали специальный комитет палаты общин.

Идея такого банка для эпохи государственночастных компаний, когда классическое государство только формировалось, не было чем-то выходящим из ряда вон: финансисты предложили в своей сфере тот же

механизм, который купцы уже давно использовали в торговых компаниях.

Новизна заключалась в сфере деятельности: не внешняя торговля, а финансирование государства. Обязательства частного банка были обеспечены государством и выпускались для оплаты долга правительства. **Парадокс (и смысл частного центрального банка) заключался в том, что его обязательство (банкнота) было, в конечном счете, долгом правительства перед ее держателем, — а выпускаться могла без согласования с правительством.** Правда, банкноты Банка Англии из-за крупного номинала были недоступны большинству населения, и их появление заметила только элита.

Другим фактором новизны стало изменение характера государства. После Славной революции оно отделилось от короля; нормальное для абсолютизма «государство — это я» было уже неправдой. Поэтому вхождение короля в учредительный капитал, по инерции, возможно, еще воспринимавшееся современниками как естественное участие государства в «государственно-частном партнерстве», на деле было участием частного лица, пусть даже обладавшего исключительным влиянием.

Таким образом, приватизация государства нового типа, отделенного от королевской семьи и представляющего собой общественный, а не частный институт, в Англии произошла почти в момент его создания.

И стала одним из факторов будущего могущества, поскольку приватизаторы воспринимали себя как неотъемлемую часть Англии, не приобретая за последующие века иной идентичности, кроме английской (несмотря на свой, вероятно, пестрый этнический и конфессиональный состав).

Как отмечал А.И.Фурсов, Банк Англии — первый в мире частный центральный банк — был создан в 1694 году (национализирован в 1946) для финансирования войны с Францией так же, как ФРС в 1913 году был создан для финансирования Первой мировой войны. Но, если для американских финансистов XX века раздуваемая ими война была инструментом завоевания господства над всем миром, их английские предшественники использовали ее в более скромных целях: как способ загнать государство в безвыходное положение и захватить экономическую власть в нем.

Акт парламента от 27 июля 1694 года основал Банк Англии как акционерное общество в результате соглашения между почти обанкротившимся к тому моменту правительством и группой финансистов. Для покупки акций банка в момент его учреждения инвесторы, чьи имена так никогда и не были названы, должны были предоставить 1,25 млн. фунтов стерлингов золотом (иногда называют 1,2 млн. фунтов). Но, как отмечается А.Овчаровым в «Истории денежного обращения в Британской империи», уплачен был лишь 1 млн. фунтов.

Вероятно, в число основателей Банка Англии вошли король и наиболее влиятельные члены парламента; это объясняет поразительный механизм оплаты его капитала, по наглости сопоставимый с махинациями российских либеральных реформаторов.

Мало того, что был оплачен лишь 1 млн. фунтов (возможно, Вильгельм III как король просто не стал платить). Из этого миллиона золотом не было оплачено ничего. Лишь 20 % суммы было внесено обязательствами банкирских домов (возможно, по завышенной оценке).

Основную же часть капитала — 80 % — внесли средневековыми «мерными рейками» — деревянными деньгами, ценившимися тогда до 60 % ниже номинала. Правительство, оплатив заем, обеспечило сверхприбыльную операцию для создателей банка. Внеся рейки вместо золота и получив возврат деньгами, они только на этом, без процентов получили почти двукратную (48 %) прибыль (с учетом не оплаченного капитала рентабельность операции для учредителей составила 2,3–2,4 раза)^[3]!

«Мерные рейки» как казначейские обязательства для защиты от подделки монет ввел около 1100 года Генрих I. На деревянные полированные рейки наносились зарубки, обозначающие сумму, после чего они расщеплялись вдоль так, чтобы зарубки сохранялись на обеих частях. Фактура дерева, характер расщепления и зарубок исключали возможность подделки. Одна часть оставалась у короля, вторая выплачивалась как его обязательство и принималась в уплату налогов. Формально их хождение было отменено лишь в 1826; пожар, уничтоживший здание парламента в 1834 году, был вызван сожжением большого числа реек, загромождавших архив. Возможно, они хранились так долго для влияния парламента на Банк Англии на

случай конфликта с ним — как свидетельство грандиозного мошенничества, с которого началась его история.

Угроза конкуренции Банку Англии

В 1711 году под руководством канцлера казначейства, в том же году ставшего лорд-канцлером (премьер-министром) Роберта Харли, ранее бывшего спикером Палаты общин, была основана Компания Южных морей.

Предполагалось, что она получит исключительное право на ввоз рабов из Африки в испанские владения в Южной Америке — в обмен на обещание выкупа на деньги акционеров госдолга (налоги едва покрывали половину расходов правительства).

Рост госдолга (с 1,25 млн. фунтов в 1694 до 16 млн. в 1698 и 22,4 млн. в 1711 году) считался тогда угрозой: перед глазами был пример Шотландии, в 1707 году утратившей независимость и объединившейся с Англией из-за банкротства.

Придя к власти, тори провели аудит контролируемого вигами Банка Англии и обнаружили, что госдолг на 9 млн. фунтов (40 % его суммы) не обеспечен источниками выплаты (что естественно при его использовании в качестве локомотива развития). На эту сумму не обеспеченного госдолга и были выпущены акции Компании Южных морей, обмененные на него. Процентные ставки были снижены с 6,25-9% до 6 % годовых, а компания гарантировала отказ от требования его скорого погашения.

Ожидания компании оказались чрезмерными: она начала работу лишь в 1717 году, привилегии оказались меньше обещанных и подрывались массовой нелегальной работоторговлей. Не имея источника погашения принятого на себя госдолга Англии, компания стала наращивать спекуляции.

Время благоприятствовало этому: с 1717 по 1720 годы инвестиции населения в акционерные фонды выросли в 2,5 раза. В 1719 году парламент дал Компании Южных морей право выпустить дополнительные акции в обмен на госдолг. В 1720 году, благодаря интригам (включая подкуп парламентариев), компания получила в

управление 64 % всего госдолга на 30 млн. фунтов под обязательство снизить его стоимость до 5 % к 1727 году и до 4 % потом.

Получение этого госдолга финансировалось через публичные размещения акций компании. Спросу способствовала возможность рассрочки, взятки акциями представителям элиты и распускаемые слухи.

Акции взлетели в цене почти в 8 раз: со 128 фунтов в январе до 1000 в начале августа 1720 года. Известие о продаже директорами компании своих акций обрушило их котировки до 150 фунтов. 24 сентября банк компании объявил себя банкротом; потеряла деньги почти вся элита, включая руководителя Монетного двора Ньютона и его яркого критикана, патриота Ирландии Джонатана Свифта. Часть акций компании были распределены между Банком Англии и Ост-Индской компанией, а сама она работала до 1855 года.

Банкротство банка Компании Южных морей не привело к «сжиганию» госдолга Великобритании: достигнув максимума в 1720-м и 1721 году (54,0 и 54,9 млн. фунтов), он незначительно — лишь на 4 % — снизился в 1722-м. Разорились спекулянты, но ее реальный актив — госдолг — сохранился.

Нежелание банкротить компанию и списать принадлежащий ей госдолг выражало интерес ее крупных владельцев (купивших акции по неспекулятивным ценам или получивших их даром — в качестве взяток), а также стремление сделать госдолг Англии самым надежным финансовым инструментом и тем самым — основой ее экономического могущества.

В политике виги вернули себе лидерство, и тори более никогда не пытались создать собственный финансовый инструмент, перейдя к конкуренции за влияние на существующий.

В 1716 году конкурент Банку Англии появился во Франции, которая попыталась скопировать английский опыт, уступив после смерти Людовика XIV настойчивым предложениям шотландца Джона Ло (*финансовая грамотность шотландцев — автором идеи о создании Банка Англии был шотландец Петерсон — была вызвана бегством туда, наряду с Португалией и Швейцарией, разгромленных во Франции тамплиеров с их деньгами*). Английский опыт копировали до деталей, но с лета 1719 по февраль 1720 года шло раздувание спекулятивного пузыря Индийской компании (как и в случае с

Компанией Южных морей, переоценка возможностей вылилась в искусственное повышение курса акций для построения финансовой пирамиды). После ее банкротства оказалось, что значительная часть банкнот была обеспечена ее акциями. Паника из-за краха компании привела к их массовому предъявлению к оплате.

Банкротства банков Компании Южных морей и Джона Ло (в одном и том же 1720 году, что усиливает подозрения во внешнем вмешательстве) оставили английскую пирамиду госдолга единственной. Банк Англии не пытался использовать спекуляции для обеспечения своих обязательств, ограничиваясь налоговой базой правительства, и эта консервативная политика обеспечила успех.

Крах Компании Южных морей, вызвав общенациональную панику, не только подверг Банк Англии натиску вкладчиков, но и обеспечил ему еще одну монополию, подтверждающую его исключительность: право приостанавливать платежи золотыми и серебряными монетами. Оно свидетельствовало: управление госдолгом — важнейшая государственная функция, ради которой можно пренебрегать обычным правом.

Эффект от нее один из основателей геополитики контр-адмирал Мэхэн описал так: «Хотя мы вышли из тяжелой войны в 1697 году обремененными долгом, слишком значительным для погашения его в течение кратковременного мира, мы... уже около 1706 года, вместо того, чтобы видеть флот Франции у наших берегов, ежегодно посылали сами сильный флот для наступательных действий против неприятельского».

Исаак Ньютон как подлинный отец Британской империи

Помимо временной утраты контроля за госдолгом из-за его перехода в частные руки, ослабление власти после Славной революции способствовало усилению порчи монеты (не говоря о банальном фальшивомонетничестве), что стало самостоятельной причиной финансового кризиса.

Основой денежного обращения был серебряный шиллинг крайне низкого качества чеканки. Отсутствие ребристого ободка делало

массовой практику срезания части монет с последующей ее переплавкой.

Английское правительство еще в 1662 году начало чеканить высококачественные монеты, в том числе с надписью на ребре, что не позволяло обрезать их, — но последних в силу сложности производства было немного, и их либо сразу прятали как сокровища, либо переплавляли в серебряные слитки и вывозили в Европу (из-за порчи монеты серебро в качестве товара было дороже, чем в качестве английских монет).

В результате в обращении оставались лишь обрезанные монеты все более низкого качества, что стало одной из причин начавшихся в 1694–1695 годах массовых банкротств. По оценке Ньютона, около 12 % серебряных денег в обращении было фальшивыми, а у оставшихся было срезано около 48 % их общего веса.

Для спасения Англии, ведущей тяжелую войну с Францией, надо было оздоровить денежное обращение. Сочетание взявшихся за эту задачу людей демонстрирует уникальность английской политической культуры: ученик Ньютона Чарльз Монтегю, внесший билль о создании Банка Англии и назначенный после этого канцлером казначейства; Джон Сомерс — глава партии вигов, с 1697 года — лорд-канцлер Англии; Джон Локк — врач, философ, теоретик парламентаризма, с 1696 года — комиссар по делам торговли и колоний; Исаак Ньютон — автор великих «Математических начал натурфилософии».

Причина появления среди денежных реформаторов философа и ученого — роль науки в тогдашнем английском обществе. Страшные и длительные социальные катаклизмы скомпрометировали все его институты. И королевская власть, и церкви, и аристократия, и суды, и парламент, и купцы, и юристы, и банкиры многократно совершали все неблагоприятные действия, какие можно представить, — и потому не годились на роль арбитра в столкновениях интересов. В результате таким арбитром стали ученые как сословие, сочетающее интеллект с определенной независимостью, вызванной оторванностью от политической и хозяйственной жизни.

Ключевая проблема была проста: кто должен платить за замену порченной монеты на полновесную? В перечеканку XVI века монеты менялись по весу — по стоимости сданного серебра. Это обернулось

разорением населения: после обмена человек получал в 1,5–2 раза меньше, чем сдавал, а долги и налоги оставались прежними. И обобранное население с удвоенной энергией бросилось портить уже новую монету.

Ньютон настоял на оплате перечеканки правительством: деньги менялись по номиналу, и даже обрезанные до половины шиллинги менялись на полновесную новую монету один к одному.

Обмен обошелся в 2,7 млн. фунтов стерлингов — почти полтора годовых доходов казны, основную часть которых пришлось занимать у английских и голландских банкиров и купцов, заинтересованных в стабильности фунта стерлингов. Монтегю прославился гуманностью, отказавшись от налога на печные трубы в пользу налога на окна (бывшего тогда налогом на богатых). Ю.Л.Менцин отмечал: *«В 1992 году...Гайдар заявил, что компенсация обесцененных вкладов потребует суммы, равной доходу бюджета за 6 кварталов. Величина этой суммы произвела на депутатов огромное впечатление, но именно такую сумму в относительных масштабах государство выплатило англичанам в конце XVII века».*

Логично, что автора идеи назначили ее исполнителем, — но обмен, едва начавшись, был сорван (что вынудило впервые в Европе выпустить в обращение кредитные билеты): Монетный двор не мог отчеканить нужное количество денег. В нем царили пьянство и воровство; нормой были дуэли, чеканы продавали фальшивомонетчикам.

Ньютон добился от парламента диктаторских прав, вплоть до создания своей тюрьмы и сыскной полиции (первой финансовой полиции Европы), а также статуса Главного обвинителя короны по финансовым преступлениям^[4].

Существенно, что 16 июня 1696 года приказ лорда Казначейства дал Ньютону право получать сверх жалованья (как и директору Монетного двора) определенный процент с каждой отчеканенной монеты, — хотя, конечно, его рвение в ходе перечеканки и последующей денежной экспансии определялось далеко не только этой причиной.

Английское государство в целом достигло установленного Ньютоном уровня контроля и управляемости, по оценкам, лишь в середине XIX века! Его порядки были столь эффективны, что

сохранились в Монетном дворе почти четверть тысячелетия. Так, архивы, связанные с его управлением Монетным двором, в 1936 году выставили было на аукцион в Лондоне, но тут же засекретили, так как их сведения о правилах Монетного двора могли помочь немецкой разведке.

Ньютон спас Англию менее чем за два года, ликвидировав катастрофический дефицит наличности уже к концу 1697^[5]. Но созданный им лучший в мире Монетный двор стал не нужен: огромные (и дорогостоящие) мощности лишились загрузки.

Выходом стала чеканка серебряных монет для международных торговых компаний. Чтобы обеспечить «фронт работ», Ньютон добился установления цены серебра почти на 10 % ниже среднеевропейской. Это крайне удачно вписало Англию в мировое разделение труда и уже в 1699 году стало основой ее финансовой стратегии.

Для торговли с Востоком надо было щедро платить серебром (бывшим главной мировой валютой), и несколько компаний-монополистов, сосредоточивших в своих руках основную часть мирового торгового капитала, испытывали постоянную нужду в нем, особенно в высококачественной монете. Монетный двор Ньютона удовлетворял их жажду (да еще и по льготной цене, и быстро, и в любых объемах) в обмен на льготные кредиты Англии, обеспечившие быстрый рост ее хозяйства.

Подобный вывоз серебра в торговле с Востоком и ранее использовался Венецией, Антверпеном и Амстердамом. Ньютон использовал опыт венецианских банкиров, перенесших свою активность через Голландию в Англию, в новых условиях: когда торговые компании, свободные капиталы Европы и уникальный баланс политических сил дали ему возможность превратить госдолг в мотор развития.

Ньютон поставил на службу комплексному преобразованию Англии, включая создание емкого внутреннего рынка и необходимое для полноценности государства преодоление разрыва в уровне развития между центрами торговли и остальной страной (задача, решенная тогда только Англией, а во многих странах не решенная и сейчас!), весь мировой торговый капитал. Дешевый кредит, преобразовав страну, позволил собирать беспрецедентно высокие

налоги — около 20 % ВВП. *(В других европейских странах пределом, грозящим бунтом, считалось 10 % ВВП; попытка достичь его стала в конце XVIII века роковой для Франции. Англия же без труда собирала почти ту же сумму налогов, что и Франция, имевшая в 2,5 раза больше населения.)*

Спецификой английского госдолга стало идеальное обслуживание, — вероятно, вызванное тем, что король и верхи политической элиты, как тайные совладельцы Банка Англии, оказались на стороне кредитора, а не заемщика (парламента). Отказ короля от абсолютной политической власти (в Славной революции) сопровождался захватом им (при учреждении Банка Англии) части власти экономической; это дополнило «систему сдержек и противовесов» в политике такой же системой в экономике. Знать, уступив торгово-финансовому капиталу часть политической власти, захватила в обмен часть власти экономической и вместо противостояния с капиталом слилась с ним в единый властно-хозяйственный механизм.

Это слияние было подготовлено внутренним демократизмом элиты стало основой британской мощи: энергию, которую другие нации растрачивали на внутреннюю борьбу за власть, англичане направили вовне, на расширение своего влияния.

Уже к середине XVIII века госдолг достиг 140 млн. фунтов стерлингов и стал самым большим в мире, вызывая (как сейчас госдолг США) ужас публицистов (которые начали осознавать его значение лишь к концу века) и энтузиазм кредиторов. *Когда в 1782 году после поражения в войне с североамериканскими колониями Великобритания попросила у банкиров Европы заем в 3 млн. фунтов, ей немедленно предложили 5 млн.*

Благодаря механизму госдолга Англия стала объектом вложения всех свободных капиталов мира, получив неограниченный кредит. Он обеспечил ее стремительную модернизацию в ходе промышленной революции: паровые машины мог строить кто угодно, а вот средства на массовое оборудование ими фабрик были, как подчеркивал Ю.Л.Менцин, только у Англии.

Систематическая недооценка серебра по сравнению с золотом (для стимулирования торговли с Востоком, требовавшим серебро) вела к ввозу в Англию золота и вывозу серебра. В результате английский

фунт стерлингов стал первой валютой новой Европы, основанной на золотом стандарте, — и затем увлек за собой весь мир.

Будущее этой системы не было безоблачным.

Достаточно вспомнить потерю североамериканских колоний: проживший в Лондоне почти 17 лет Бенджамин Франклин^[6], отстаивая их интересы и протестуя против чрезмерного налогообложения, имел несчастье объяснить англичанам их расцвет использованием своей валюты, выпускаемой в строгом соответствии с потребностями. В результате в 1764 году парламент Великобритании запретил колониям свои деньги, обязав выплачивать налоги только золотом и серебром. К 1775 году это обескровило колонии, поставив их перед выбором между гибелью и восстанием, и привело к возникновению США.

А с 1797 года из-за войны с Францией был введен обесценивающийся бумажно-денежный стандарт, сохранившийся до 1821 года.

Но в целом пирамида госдолга Англии, наряду с симбиозом аристократии и предпринимателей обеспечивающая ее могущество и опиравшаяся на него, рухнула лишь в XX веке — вместе с Британской империей.

Вероятно, подобные общественные организмы, использующие общность интересов и патриотизм элиты, госдолг как инструмент привлечения свободных капиталов всего мира, а также науку и разведку, обеспечивающие разумность управления, могут погибать лишь по внешним причинам.

Большой обман: завершение^[7]

Ожидания нападения украинских нацистов в связи с чемпионатом мира по футболу, похоже, не сбылись: функции бандеровцев с успехом и упоением приняло на себя правительство Медведева.

Государство воспользовалось радостью от чемпионата для протаскивания решения о «непопулярных», то есть заведомо и откровенно антинародных реформ: повышения ставки НДС с 18 до 20 % (что на четверть повысит криминальные доходы от его неуплаты, а заодно повысит цены, то есть ограбит потребителей) и пенсионного возраста на 5 лет мужчинам и 8 лет женщинам (чтобы сэкономить деньги и без того захлебывающегося от них бюджета и задержать на работе последних квалифицированных работников, успевших получить образование в СССР).

После переназначения Медведева премьером (в порядке только что объявленных «обновления» и «прорыва») один из ведущих российских журналистов под камеру поинтересовался, чувствую ли я себя облитым фекалиями, — и мне нечего было ответить, кроме «конечно, разумеется, а как же иначе?»

Последние недели десятки людей, не связанных друг с другом, пишут мне в соцсетях примерно одно и то же: «Голосовал за Путина. Интересно, я один чувствую себя обманутым?»

Воссоединение с Крымом, истощающая ненависть Запада, многие яркие события — от победы на Сочинской Олимпиаде до ввода в действие Крымского моста и чемпионата по футболу — дали государству, как когда-то крах ГКЧП Ельцину, колоссальный кредит доверия. Ему прощалось практически все: и наглая, напоказ, коррупция, и откровенно демонстрируемая сословность, и ложь, и репрессии по пресловутой «русской» 282-й статье, и принципиальный отказ от развития...

Слишком силен был шок от торжества фашизма и массового террора у наших родных и близких, слишком внезапной и патологической была агрессия Запада и доморощенных либеральных нацистов, слишком сильно контрастировала нормальная и местами

даже улучшающаяся жизнь в России с внезапно разверзшимся адом Украины и демонстративной деградацией Запада.

К сожалению, время, когда можно было утешать себя формулой «зато у нас нормально», закончено.

Иллюзии развеяны самим российским государством: у нас — не нормально.

Либерализм, превращающий государство в инструмент ограбления народа глобальными финансовыми монополиями, торжествует, и власть не только не намерена его ограничивать, но и дает ему карт-бланш на все новые разрушающие Россию реформы. Заклинания «хитропланщиков» о том, что к развитию перейдут после проведения правительством

Медведева «непопулярных реформ», развеиваются их откровенной ненужностью (зачем правительству дополнительные доходы при профиците бюджета и 7,8 трлн. руб. неиспользуемых остатков?), вымариванием всеми силами всех способных к организации развития специалистов и полной дискредитацией идеи развития не в качестве колонии Запада (не на основе пресловутых «иностранных инвестиций»). Да и сами тщетные и полностью оторванные от реальности заклинания о наличии «хитрого плана» за последние 4 года превратили их адептов в секту наподобие «свидетелей Навального» и пропагандистов «рептилоидов с планеты Нибиру».

Робость и слабость действий МИДа, вновь напоминающего «похоронную контору», свидетельствует, что влияние либералов распространилось далеко за пределы социально-экономической сферы. Это подтверждает и фактическое табу даже на размышления о возможности защиты национальных интересов России в глобальной конкуренции (включая дружную травлю тишайшего и академичнейшего С.Ю.Глазьева).

Государство, приподнявшее было голову весной и летом 2014 года, упоенно занимается самокастрацией по худшим лекалам 1990-х годов.

Да, оно демонстрирует военную мощь и даже проводит локальную операцию в Сирии (из которой, похоже, просто не знает, как выпутаться), — но для суверенитета, обеспечения свободы и благосостояния своих граждан это было недостаточно даже сто лет

назад. Что же говорить о нынешнем дне, когда войны ведутся технологиями социальной инженерии — и не только пропагандой и переформатированием сознания противника с превращением его в раба, но и разрушением его жизненной инфраструктуры.

Ведь сегодня желающий получить квалификацию и путевку в жизнь молодой человек должен стремиться получить образование на Западе (во многих странах которого оно бесплатно не на словах, а на деле), — в том числе и чтобы заработать там на спасение жизни своих родителей лечением на том же Западе (ибо сегодня в России врачи в массе своей не имеют знаний и не заинтересованы в здоровье пациента, а рост смертности в больницах официально трактуется как успех реформы здравоохранения).

Да, государство восстановило сотни необходимых стране заводов, — вот только для обеспечения независимости их нужно тысячи, так как мы должны производить (даже по либеральным оценкам), сами или у союзников, любой нужный нам товар или услугу, который не производится в мире тремя независимыми друг от друга фирмами. А рабочих и инженеров нет: либеральная система образования неумолимо перемалывает все новые поколения россиян, выжигая им мозг, лишая их способности самостоятельно думать и убивая их трудовую мотивацию.

Похоже, российское государство осталось тем, чем его, насколько можно предположить, создавали в 1990 году, — машиной по разграблению страны в частных интересах. В силу своей природы оно способно к заведомо обреченной на крах стратегической обороне, но не к развитию, — и потому погибнет.

Его крах будет еще ужасней, чем на Украине, в силу наличия у нас глубоких межнациональных проблем и развитой уголовной культуры (и пресловутое АУЕ — еще цветочки).

При этом Запад является врагом не именно этого, крайне ему полезного, во многом им созданного и на его интересы ориентированного (чем и вызвана детская обида чиновников на санкции) государства, а России как таковой. Поэтому противодействие государству в его вынужденном и нелепом в своей ограниченности противостоянии Западу и тем более активная борьба с ним на стороне Запада и его прислужников-либералов есть лишь форма самоубийства.

Россия оказалась между молотом западной агрессии и наковальней государства: частью либерального, частью тупо-коррупционного, а частью креативно-импотентного (но зато вправду забавного).

Попытка соскочить с этой наковальни в другие страны удастся лишь все более узкому (из-за либерального уничтожения образования) слою квалифицированных специалистов — и во все меньшей степени. Рост вражды к России, являющийся превентивной защитой Запада от современной социальной инженерии (как когда-то маккартизм был защитой США от социальных технологий, которыми он же подорвал СССР), порождает «дискомфорт», на который осмеливаются жаловаться уже даже самые укорененные эмигранты.

Главное же заключается в том, что предстоящий в течение 2–5 лет срыв в глобальную депрессию разрушит и фешенебельные страны, причем первыми жертвами станут чуждые для них, но не способные к коллективной защите (в отличие от мусульман) «белые» мигранты. Поэтому бегство на Запад сегодня — такое же бегство на «Титаник», которым летом 2012 года было бегство на Украину.

В этой ситуации наиболее рациональным поведением представляется подготовка к краху нынешнего либерального, прозападного (несмотря на весь ура-патриотический писк) и потому в значительной степени коррупционного государства в результате предпринимаемых им «непопулярных» (то есть антинародных) мер или глобального кризиса.

Подготовка должна заключаться в формировании, по А.И.Фурсову, «субъекта стратегических действий», объединяющего надежные финансовые и интеллектуальные ресурсы, связывающие свою судьбу с Россией, а не с ее разграблением и последующим уничтожением. Одних интеллектуалов и уличных проповедников для этого недостаточно, так как они легко подавляются весьма эффективным в этом отношении госаппаратом.

До последнего времени создание такого субъекта было невозможно, так как финансовый капитал объективно, в силу образа своего действия был агентом Запада и потому противостоял России. Однако приближение срыва в глобальную депрессию и распада единых рынков на макрорегионы разделило глобальный управляющий класс, выделив в нем ориентирующихся именно на такое развитие

событий. Понимая неизбежность распада, они хотят управлять им в своих интересах и для обеспечения своего контроля за миром и в глобальной депрессии.

Такой контроль требует максимального числа макрорегионов, — и, соответственно, укрепления России, чтобы она могла создать собственный макрорегион. Поэтому мировой (и связанный с ним в качестве младшего партнера российский) капитал перестал быть абсолютно враждебным нам: в нем появились группы, объективно заинтересованные в укреплении и развитии нашей страны, нашего общества, нашей цивилизации.

Они нам не друзья, но значительно больше: до начала выхода из глобальной депрессии они являются нашими вынужденными стратегическими партнерами.

В сегодняшнем государстве им говорить не с кем и не о чем, о чем свидетельствует длительный и печальный опыт, — и задача интеллектуалов заключается в том, чтобы достучаться до этих групп капитала (начиная с российского) и сформировать с их участием субъект стратегического действия, который вернет Россию на ее исторический путь созидания и прогресса.

Обществу же следует не уповать на интеллектуалов (ибо они могут уберечь от Смутного времени, как было при отмене крепостного права, а могут и не справиться со своей задачей) и форсировано создавать низовые социальные сети для взаимопомощи и совместного (индивидуального и семейного) развития, а в условиях кризиса — и для самозащиты.

Пороки российской казны продолжают цвести пышным цветом^[8]

Пороки бюджетной политики России общеизвестны и, за редкими исключениями, сохраняются в трогательной неприкосновенности со времен кудринщины.

Средства регионов и муниципалитетов высасываются в федеральный бюджет, который потом выдает их часть обратно в индивидуальном порядке, — с понятными ошибками вроде недофинансирования необходимого и перефинансирования ненужного. Вспоминать о требовании Бюджетного кодекса оставлять регионам не менее половины собранных в них доходов (не связанных с внешней торговлей) так же неприлично, как об экстремистском для либералов лозунге Манежной площади «Закон един для всех!»

Федеральный бюджет может захлебываться от денег и изнемогать под бременем сверхдоходов (560 млрд. руб. только за январь-апрель 2018 года), — но дети будут умирать с официальным диагнозом «нехватка бюджетных средств». Бюджетные резервы немногим не достигают половины годовых доходов, международные резервы превышают необходимый для гарантирования валютной стабильности уровень (определяемый международно признанным «критерием Редди») более чем вдвое, — но страна может рассчитывать лишь на «отлитое в граните» «денег нет, но вы держитесь».

Безусловным достижением стало прекращение с осени прошлого года вывода бюджетных резервов (только за январь-май они выросли на 1,6 трлн. руб. — до 7,8 трлн.) за рубеж, на поддержку стран Запада, развязавших против нас пока холодную войну на уничтожение. Но мысль о том, что деньги России должны служить России, похоже, остается абсолютной ересью для либералов правительства Медведева. При этом они прилагают колоссальные усилия для усиления фискального давления на экономику и, соответственно, ее торможения.

Бюджет замораживает на своих счетах не только средства налогоплательщиков, но и все новые займы. Только за первые четыре месяца 2018 года и только на внутреннем рынке через размещение

ценных бумаг привлечен заведомо не нужный триллион рублей. Выплачиваемые по займам проценты, с одной стороны, — заведомо бессмысленные траты, чудовищная бесхозяйственность, длящаяся самое позднее с 2004 года, а с другой — систематическая подкормка финансовых спекулянтов за счет налогоплательщиков.

Другой порок бюджетной системы — прощение колоссальных внешних долгов (не менее 151 млрд, долл.), включая долги весьма платежеспособных государств (вроде Вьетнама, Алжира и Ливии Каддафи), — при абсолютной беспощадности к долгам российских граждан, в том числе таким, в которых они заведомо не виноваты, и лютом нежелании обеспечивать им достойный уровень жизни. Так, после решения президента В.В.Путина о привязке минимального размера оплаты труда к прожиточному минимуму с 1 мая 2018 года (то есть о гарантии права на жизнь официально занятым полный рабочий день) — и, возможно, в ответ на него, — тогдашняя глава Счетной палаты Голикова заявила о желательности отмены самой категории «прожиточного минимума» (и, вероятно, прав на жизнь вместе с ней). После этого в либеральном правительстве Медведева Голикова стала вице-премьером — и как раз по социальной сфере!

Эти режущие глаз и рвущие душу пороки бюджетной политики, которыми, похоже, искренне гордятся либералы, отвлекают внимание наблюдателей от других ее недостатков, которые также дезорганизуют социально-экономическую жизнь, — в частности, от неравномерности исполнения бюджета.

Она стала нормой после отставки правительства Е.М.Примакова — Ю.Д.Маслюкова, стабилизировавшего страну после чудовищной катастрофы дефолта 1998 года, и остается таковой по сей день.

В течение года Минфин, как правило, всеми силами сдерживает выдачу средств бюджетополучателям. В «нулевые» причиной называлась их неспособность оформить документы, но последние годы к этой смехотворной отговорке в силу ее откровенной нелепости, чтобы не сказать лживости, уже не прибегали, просто не комментируя собственные действия. Возможно, чиновники таким образом наивно пытаются сдерживать инфляцию в течение года (вправду веря, что бюджетные расходы влияют на нее), а, возможно, Минфин стремится выдавать средства как можно позже потому, что неистраченное бюджетополучателями до конца года возвращается в бюджет.

Так или иначе, каждый декабрь расходы резко увеличиваются: недодаваемые в течение 11 месяцев средства приходится выплачивать «в последний момент», создавая порой дикий хаос и «траты ради трат», на фоне которых меркнет любая советская неэффективность. Дезорганизуя работу бюджетополучателей, это резко снижает эффективность бюджетных расходов и может даже сделать их контрпродуктивными.

Министр финансов (в новом правительстве — еще и первый вице-премьер) Силуанов, не говоря об этой проблеме официально, похоже, осознавал и пытался ее решить. Если в 2011 году, основную часть которого Минфином руководил Кудрин, декабрьские расходы федерального бюджета превысили среднемесячные расходы предыдущих 11 месяцев в 2,7 раза, то в 2012 превышение было сокращено до 2,4, а в 2013 году — и вовсе до 2,2 раз. В 2014 году в силу внешнеполитического шока и двукратной девальвации декабрьские расходы превысили средние более чем втрое, но уже в 2015 году неравномерность была снижена до прежних 2,2 раз. В 2016 она подскочила до 2,7 раз, но в 2017 году произошла маленькая тихая революция: декабрьские расходы превысили среднемесячный уровень января-ноября менее чем вдвое.

Никто не бил по этому поводу в литавры, но это безусловное достижение, похоже, сыграло свою роль (пусть и второстепенную) в карьерном росте министра финансов.

К сожалению, неравномерность другого рода, — между исполнением расходных статей федерального бюджета, — при этом не только не уменьшилась, но даже выросла.

Все статьи бюджета финансируются по-разному: одни с опережением графика, другие с отставанием (что затрудняет работу бюджетополучателя), а третьи и вовсе недополучают деньги даже по итогам года. Приход Силуанова на пост министра финансов сопровождался восстановлением и даже увеличением прозрачности исполнения бюджета, что позволило судить и об этой стороне дела.

Так, по оперативным данным Минфина (без учета так называемых «завершающих оборотов»), в 2012 году хуже всего были профинансированы расходы федерального бюджета на ЖКХ: на 4,6 % меньше бюджетных проектировок. А на безопасность и правоохрану, напротив, выдали на 0,7 % больше, чем предполагалось. В 2017 году

лучше всего финансировались СМИ (на 100 %), а хуже всего — культура, недополучившая 8,9 % (кстати, общегосударственные нужды недополучили 6,5 %, а оборона — 6,8 %).

Каждое отклонение имеет свои причины, иногда уважительные: где-то деньги не успели использовать, от каких-то проектов отказались, а какие-то потребовали дополнительных расходов (из-за роста цен или ошибок в планировании). Но каждое отклонение от много раз согласованных бюджетных проектировок — сигнал неблагополучия, так как дезорганизует бюджетополучателей или является признаком их дезорганизации.

Об общем уровне этих отклонений свидетельствует среднеквадратичное отклонение основных статей расходов от среднего уровня исполнения бюджета с учетом величины этих статей (большое отклонение по незначительной статье может значить меньше, чем маленькое — по одной из основных статей расходов).

В 2012–2013 годах среднеквадратичное отклонение от бюджетных проектировок составляло 1,7 % от расходов федерального бюджета. В 2014–2015 годах оно подскочило до 2,3 %; в 2016 его удалось вернуть на уровень 1,6 %, но радость оказалась временной: в минувшем году оно достигло беспрецедентных 2,4 %.

Таким образом, неравномерность исполнения федерального бюджета по месяцам удалось снизить лишь ценой роста неравномерности финансирования по статьям расходов.

Решить эту проблему достаточно просто: надо лишь включить равномерность исполнения бюджета в перечень критериев, по которым оценивается качество работы Минфина.

Если, конечно, в либеральном правительстве это по каким-то причинам и вправду кому-то нужно.

Разворот в никуда^[9]

Филигранная работа организаторов XXII Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ), беспрецедентного по числу участников (15 тысяч человек из 70 стран), широте обсуждаемых вопросов (от завоевания доверия «потребителя завтрашнего дня» до «квантового дуализма»), разнообразию и качеству павильонов, комфортного преобразования не самой удобной выставочной среды конгресс-центра во многом отвлекла внимание от самого содержания форума.

Было удобно ходить даже в самой плотной вроде бы толчее (в отличие от прошлых раз), в любом месте можно было протянуть руку и взять кофе, чай или воду, почти в любом месте — перекусить; одних российских сыроварен я насчитал четыре (Олега Сироты, презентовавшего «ориентированный на английский рынок» сыр «Новичок», из Крыма, Липецкой области и Татарстана); представители на большинстве стендов наконец-то научились общаться с проходящими мимо людьми, и в целом этот форум стал уникален не только по уровню представительства, но и по комфортности для его участников.

ПМЭФ ещё раз развеял пропагандистский бред Запада и доморощенных либеральных кликуш об «изоляции» России. Президент Франции Макрон, премьер Японии Абэ, директор-распорядитель МВФ Лагард и, что самое главное, вице-президент Китая Ван Цишань отвлекли общественное внимание от огромной волны иностранных бизнесменов (включая первых лиц многих глобальных энергетических компаний), буквально рвущихся на рынок России. Возможно, они стараются застолбить здесь участки в ожидании времени, когда их правительствам удастся уничтожить нас и привести нашу страну в состояние «территории», на которой не существует иных норм, кроме желаний «иностранных инвесторов».

Однако победа российской дипломатии, выразившаяся в привлечении на форум целого ряда глобальных политиков и бизнесменов, вызывает радость, благодарность и уважение к ней.

Вместе с тем эта победа, как и победы раннего Горбачёва, вызывает тревогу, так как легко может оказаться всего лишь «увертюрой» к новому предательству.

Косвенным признаком этого стал не замеченный общественностью инцидент: заместителя председателя Китая Ван Цишаня (исключительно значимого в китайской системе власти человека, непосредственно руководившего всей борьбой с коррупцией, то есть внутренней политикой, до осени прошлого года) в аэропорту встречали лишь представитель МИДа в Санкт-Петербурге и зампред Комитета города по внешним связям, — в то время как несравнимо менее значимых с точки зрения реального влияния и глобальной политики руководителей Франции и Японии встречали Директор департамента государственного протокола МИДа и глава Комитета Санкт-Петербурга по внешним связям.

Конечно, формально Ван Цишань является не главой, а лишь вторым лицом государства, — но формализм способен оказать лишь дурную услугу, а о суверенитете Франции или Японии можно говорить с большой долей условности. Да и вице-президента США — при всей декоративности этого поста — встречали бы совершенно по-другому.

Хотя «китайские церемонии» канули в Лету, китайцы крайне внимательно относятся к протоколу, — и это знают и в МИДе, и в мэрии Санкт-Петербурга. Поэтому, вероятно, произошедшее расценено представителями Китая как признак пренебрежения: «Запад опять мельком проявил к нам внимание и, возможно, даже снова пообещает когда-нибудь «жениться», и поэтому мы хотим принять его сторону в отношениях с Китаем». Боюсь, такая оценка верна, тем более, что далеко не все из немногих высокопоставленных союзников России получили возможность выступить на интересующих их секциях, а российские медиа крайне неохотно упоминали об участии в форуме Ван Цишаня, — в отличие от Макрона, Абэ и Лагард.

А ведь то, что единственный заместитель Си Цзин-пина выбрал для своего первого визита именно Россию, — это тоже определённый сигнал, хотя и строго противоположный по своему значению.

Приезд Макрона, Абэ и Лагард не отменяет общей и нескрываемой враждебности к нам Запада, с удовольствием верящего любой, даже бесспорной лжи о нас и использующего эту ложь для нанесения нам максимального ущерба. Болтающие о сотрудничестве

лидеры Запада не собираются отменять санкции против нас, даже если они наносят их экономикам ущерб: они приехали принуждать нас к новым уступкам, а не договариваться о взаимной выгоде.

На пленарном заседании с участием президента В.В. Путина директор-распорядитель МВФ Лагард без тени стыда сказала о блокаде Ленинграда как о «трагедии, которую люди сами могут навлечь на себя», по сути, обвинив в ней самих ленинградцев. И, поскольку эти слова не были исправлены при размещении на официальных ресурсах, они не ошибка перевода, а выражение отношения к нам одной из умнейших и влиятельнейших женщин современности.

И это отношение надо понимать и учитывать в полной мере.

Приезд директора-распорядителя МВФ на форум — наша безусловная победа. А вот то, что российские официальные лица вновь слушают её и вновь выстраивают всю социально-экономическую политику России в соответствии с требованиями МВФ, этого «могильщика» даже не стран, а целых народов, не может не вызывать ужас.

По данным Минфина, по состоянию на 1 июня в федеральном бюджете валяется без движения 7,8 трлн, руб.; правительственные либералы оценивают расходы на реализацию майского указа президента в 8 трлн. руб. (хотя это наверняка завышенная оценка) — и застывают в трагическом недоумении: откуда же взять деньги?

Единственный ответ, который приходит им в голову (помимо очередного урезани пенсионных гарантий повышением пенсионного возраста, повышением налогов и обязательных платежей), — новые займы, в том числе и внешние. Это «гайдаровский рецепт» из начала 1990-х, это гарантия возврата от социально-экономического закабаления России к закабалению полному, как в вожаделенные для либералов лихие 1990-е. Ужасно не то, что глава МВФ, этот «врач, который выписывает рецепт, не интересуясь диагнозом», повторяет вечную либеральную «мантру» о необходимости внешних займов — ужасно то, что российское правительство, насколько можно понять из выступлений его членов, вполне с ней согласено.

ПМЭФ вновь, в очередной раз, объединил в едином пространстве две совершенно разные и, строго говоря, несовместимые друг с другом России.

Одна работает изо всех сил, тяжело, изобретательно, изыскивая всё новые и новые возможности там, где, казалось бы, их просто не может быть, буквально бросаясь на специалистов в поиске новых идей, возможностей, решений и технологий.

А другая уничтожает первую всеми силами, всеми возможностями, используя для этого всю мощь государственной социально-экономической политики, в первую очередь — искусственным созданием «денежного голода».

И власть — у второй. Вся федеральная власть.

Первая Россия вынуждена применяться к ней, терпеть, хвалить, улыбаться, жать руки и предлагать косметические меры улучшения своего положения.

Но никаких талантов, никакой изворотливости, никакого везения не хватит для того, чтобы вывернуться из-под финансового молота, неумолимо гвоздящего российские предприятия.

И главное настроение, испытываемое улыбающимися и щегольски одетыми участниками форума, связанными не с сырьем, бюджетом или связанными с ними финансами, — безысходность. Сохранение Набиуллиной во главе Банка России стало приговором российской экономике, но сохранение либерального правительства Медведева сделало этот приговор ясным даже для самых далёких от политики участников рынка.

В условиях пока холодной войны «на уничтожение», развязанной Западом против России ещё 4,5 года назад, социально-экономическую политику страны по-прежнему определяют либералы, считающие, что государство должно служить западному бизнесу, в том числе против народа.

Это производит впечатление худшей формы самоубийства.

Пол Крейг Робертс, бывший замминистра финансов США (в администрации Рейгана), пишет по итогам форума: «Российский центральный банк с легкостью мог бы профинансировать всё внутреннее экономическое развитие..., но вместо этого финансовые институты руководствуются американскими неолиберальными воззрениями, чтобы занимать за рубежом деньги, в которых они не нуждаются... чтобы обременить Россию иностранными долгами, которые требуют перевода российских ресурсов в выплаты процентов по долгам Западу...

Путин борется за то, чтобы Россия интегрировалась в западную экономическую систему, сохранив России суверенитет. Эта цель не реалистична. Та часть российской элиты, которую правильнее было бы назвать западной, а не русской, убедила его в том, что экономическое развитие России зависит от её интеграции в западную экономику. А поскольку неолиберальная экономическая элита контролирует экономическую и финансовую политику России, Путин верит в то, что он должен принимать провокации Запада или отказаться от своих надежд на экономическое развитие России».

На деле эта политика оборачивается полным отказом от экономического развития и дискредитацией государства.

Российские предприниматели видят, что единственно возможная форма интеграции России в западную экономическую систему — это «интеграция еды в желудок», и либеральное правительство Медведева и Банк России Набиуллиной уверенно и последовательно отправляют их по этому пути — вместе со всей страной.

Официальные лица оперируют статистическими данными, которые уже около полутора лет в силу хаотических искажений не выражают почти ничего. Вслед за официальной статистикой умирает и неофициальная: то, что в разрекламированном инвестиционном рейтинге регионов на первых 20 позициях не оказалось, например, Липецкой области с её великолепным именно инвестиционным климатом, созданным совместными усилиями и региональных, и федеральных (надо отдать им в этом должное) властей, свидетельствует о нереальности рекламируемых «экспертных оценок».

«Бизнес» самых разных отраслей прямо говорит в кулуарах об отсутствии перспектив и о прямом запрете кредитов реальному сектору, — и уверен, что, если он заикнётся об этом в публичном пространстве или даже на официальных сессиях форума, он будет беспощадно уничтожен.

Российскую экономику ведут в будущее игнорирующие реальность либералы, считающие, насколько можно судить по их политике, смыслом своей жизни поставить российское государство на службу тем, кто уже давно изо всех сил пытается его уничтожить.

Так что надежды премьера Абэ (если они искренни) на то, что Россия перейдёт в «турборежим» развития, и «это будет благом для

всего мира» точно не сбудутся при нынешнем руководстве социально-экономической сферой.

Как разъяснил в частной беседе один из ведущих и обычно крайне хорошо информированных российских аналитиков, сейчас пусты даже «воровские общаки»: все их деньги ушли на кредитование предприятий, так как у реального сектора России, за небольшими исключениями, просто нет иного источника оборотных средств.

Криминальные кредиты предоставляются беспроцентно, но в обмен на долю в капитале предприятия, которая обычно оформляется сложными, но юридически вполне корректными способами.

Это создаёт страшный и понятный риск для прибегающих к такому финансированию собственников, — но он всё же лучше разорения и банкротства, являющихся, как правило, единственной альтернативой.

Кроме того, эти риски не намного выше рисков кредитования у некоторых крупнейших банков, склонных, насколько можно судить по ряду сообщений, к использованию кредита для передела собственности. В таких случаях кредитование внезапно обрывается (или его условия меняются на заведомо непосильные, или требуется досрочный возврат кредита), и единственной альтернативой банкротству (с вероятным уголовным преследованием) оказывается передача кредитору весомой доли в бизнесе.

Насколько распространена такая практика, сказать трудно, но значительная часть предпринимателей напугана ею, и для них прямое участие организованной преступности в капитале оказывается не только несравнимо более доступным, но и существенно менее опасным способом получения жизненно необходимых оборотных средств, чем нормальное банковское кредитование.

Конечно, есть и иные примеры: истринский сыровар Олег Сирота взахлёб рассказывал, как в его районе Подмосковья государство активно помогает предпринимателям и не может их найти, чтобы помочь ещё (и это вызывает уважение к губернатору Воробьёву даже на фоне продолжающейся весь год «мусорной катастрофы»), — но, похоже, это то исключение, которое лишь подкрепляет правило.

Таким образом, политика либералов Банка России Набиуллиной и правительства Медведева по искусственному созданию денежного голода и финансовому удушению нашей страны по рецептам начала

1990-х объективно ведёт к стремительному расширению влияния организованной преступности на экономику России. По сути, криминал берёт «невидимый реванш» за поражение, понесённое им во второй половине 90-х в ходе создания крупных олигархических групп, прямо опиравшихся на репрессивную мощь государства и потому быстро выбивших мафию с интересовавших их предприятий.

Пока этот реванш касается максимум среднего бизнеса, но с учётом роста финансовых проблем даже у внешне благополучных предприятий, Набиуллина и Медведев обеспечивают российской организованной преступности великолепные — не только чисто хозяйственные, — но и политические перспективы.

Тем более, что, поскольку значительная часть российского бизнеса находится под контролем тех или иных силовых структур, такое кредитование и фактическое совместное владение означает объективное сращивание этих силовых структур с организованной преступностью. Сращивание, которое вполне может уже в обозримом будущем породить принципиально новое «качество государства».

Даже на фоне президента В.В. Путина, «созвездия» других глобальных политиков и руководителей крупнейших корпораций мира, едва ли не главным ньюсмейкером форума стал Сбербанк.

Сначала деловую общественность взбудоражило сообщение об увольнении скандального аналитика с убеждающей фамилией Фак (или, по другим источникам, Фэк), автора разгромного, но ни у кого не вызвавшего содержательных возражений отчёта по патологической неэффективности «Газпрома». Этот аналитик не вызывал симпатий, так как один из прошлых его докладов был по сути доносом Западу на одного из российских нефтяников, имеющего-де виноградник в Крыму и потому являющегося объектом будущих санкций Запада (что требует, по мысли автора, превентивного ограничения сотрудничества с его корпорацией уже сейчас).

Однако специфика корпоративной аналитики заключается в её полной свободе, более того — в поощрении «отмороженности» авторов, так как главной ценностью современного мира является именно «свежий взгляд». А вот публикация того или иного доклада либо его использование только внутри корпорации — это совсем другой вопрос, которым должны заниматься другие люди, и наказывать аналитика за сбой в их работе просто непристойно.

Сам Фак (или Фэк) объяснил выпуск доклада в мир и своё последующее увольнение тем, что ни сам Греф, ни его окружение в силу плохого знания английского не были способны понять смысл его текста. Однако в нормально организованной структуре решения такого рода принимает не первое лицо и не его «присные», а специалисты, работающие именно с этим аналитиком, — и обязанные понимать не только его речь, но и возможные скрытые мотивации.

Тем не менее, Греф, по слухам, разогнал аналитическую структуру Сбербанка в целом (что нелепо, так как она была хороша) и даже заявил о своём намерении заменить аналитиков «искусственным интеллектом». Что свидетельствует не только о глубоком непонимании им смысла произносимых слов (в частности, сути «искусственного интеллекта», ограниченного своей неспособностью к необходимым для грамотного анализа творческим озарениям), но и стратегических рисках, которые должны теперь «замаячить» на горизонте у всех партнёров Сбербанка.

Косвенным подтверждением этого стали сообщения телеграм-каналов, посыпавшиеся в последние два дня работы форума: о проблемах с переводами физических лиц через Сбербанк и якобы с признанием Сбербанка о нехватке его мощностей для их проведения. Отсутствие официального опровержения или разъяснения делало их правдоподобными — особенно на фоне многолетних разговоров Грефа об организации в крупнейшей в России IT-компании (которой действительно является Сбербанк) «потока инноваций».

Дело в том, что изменение отлаженного механизма обычно конфликтует с ним и требует подгонки.

Поэтому «поток инноваций» требует опережающего его «потока корректировок», так как иначе он превратится в «поток сбоев». Похоже, юрист Греф и его окружение, повторяющие рекламные заклинания из глянцевого буклета, об этом не подозревают. И нам, их клиентам (потому что в условиях уничтожения банковской системы России под видом её санации деваться особо некуда, и на общем фоне Сбербанк — действительно один из лучших банков страны), — пора готовиться к последствиям этого.

Пленарная сессия Сбербанка была посвящена влиянию новых технологий на бизнес, общество и человека, и людей на ней было отчётливо больше, чем на торжественном открытии форума (и уходили

из зала намного меньше). Греф очень чётко, ясно и убедительно поставил вопросы, связанные с развитием информационных технологий. Специалистам и просто интересующимся они очевидны с конца 1990-х, но для российского либерала Греф действительно выглядел «интеллектуальным титаном».

Проблема в том, что, будучи в состоянии поставить вопросы, он, насколько можно судить, не в силах осмыслить ответы на них, в целом понятные основной массе специалистов, — и это же касается и основной массы приемлемых для него в силу либеральной идеологии экспертов. Ведь либерализм накладывает жёсткие ограничения на интеллектуальные способности: если человек способен осознать, что для него лично означает главная идея современного либерализма — подчинение государств глобальным финансовым монополиям — он, как правило, не становится либералом (примерно по тем же причинам, по которым евреи, за известным исключением, не становились гитлеровцами).

Осознание проблем при интеллектуальной неспособности найти решения обычно вызывает ощущение беспомощности и толкает людей в объятия мистики. Возможно, этим вызвано приглашение Сбербанком на свои мероприятия известного индийского мистика Садхгуру, который, несмотря на экзотический вид, говорил разумные и полезные (хотя и самоочевидные) вещи. Правда, нельзя исключить, что Греф использовал его для привлечения внимания к Сбербанку или же в качестве примера крайне успешного бизнесмена из необычной сферы.

Тем не менее, XXII Петербургский международный экономический форум принёс и подлинные интеллектуальные прорывы. В частности, весьма существенным (и услышанным рядом экспертов) стало предупреждение, сделанное президентом В.В. Путиным, о том, что вызванный распадом мира на макрорегионы кризис коснётся всех и отбросит мир в прошлое, вплоть до снижения производительности труда и утраты многих технологий.

Во избежание этой перспективы президент призвал к созданию легитимного, разрабатываемого совместно и равноправно механизма изменения международных норм; однако, похоже, в российском государстве есть здравые силы, понимающие надвигающуюся на нас реальность «глобальной депрессии» и, по крайней мере, пытающиеся подготовить страну к ней.

У кого в России всё в порядке с психикой^[10]

Психология необходима: это ремонт, — если не души, то личности. И стрессы, и новый уклад жизни, рождаемый новыми технологиями, делает ее все более нужной даже для благополучных людей (преодоление депрессий, травматических шоков и посттравматических состояний я сознательно не рассматриваю: это необходимо, как скорая помощь).

Но необходимое — не значит свободное от недостатков.

Самое отвратительное в современной практической психологии (основанной на западных теориях и прикладных наработках), на мой взгляд, — все более распространенное стремление привадить клиента, польстить ему, чтобы ему было комфортно и чтобы он приносил в клювике деньги снова и снова, снятием с него ответственности за те или иные неудачи его жизни обвинением в них его родителей. (Такой подход характерен лишь для одной школы психологии, — но именно она в силу своей простоты и эффективности распространяется максимальными темпами.)

Это они, «изверги» (а чаще просто недоумки — в интерпретации психолога), не позволили раскрыться хрупкому и чувствительному «я» сорокалетнего дитяти, это они нанесли ему психологические травмы, не позволившие сделать карьеру и жениться на первой любви (а то и вообще жениться), это они виновны в том, что он зарабатывает меньше, чем ему хочется, имеет менее высокую должность и искренне не понимает, зачем живет.

Это они, давшие ему жизнь, тут же ее и поломали.

Конечно, с педагогикой у нас беда, — и в семье тоже.

И мамаша, визжащая на ребенка на весь торговый центр, и запугивающие из-за неумения (а чаще лени) мотивировать детей родители, бытовое пьянство взрослых, семейные измены (не говоря о стремительно деградирующей под давлением либеральных реформ школе) бьют по психике детей.

Бьют сильно, — но все же меньше, чем войны.

Самое здоровое психологически поколение, которое я помню, в детстве и юности пережило войну.

Его представители видели ад и иногда попадали в него. Они выключали телевизоры, когда показывали даже лучшие военные фильмы, или просто уходили из комнаты, — чтобы не беречь раны, не зажившие никогда. Воспоминания приходилось буквально вытаскивать из них клещами, — и обычно неудачно.

Война сломала жизни многих из них в прямом смысле: гибелью любимых, пожизненными болезнями от детского недоедания, невозможностью стать тем, кем хотели, несбыточностью мечтаний, изматывающим страхом за будущее.

Они были свидетелями Победы, но очень редко — сознательными участниками борьбы за нее, и не говорили «наша Победа», потому что помнили ее создателей: фронтовиков и тех, кто работал до изнеможения в тылу.

Но в них не было и тени комплексов, которые я вижу вокруг себя, они отвечали за свою жизнь и свои поступки и принимали удары судьбы спокойно и мужественно, пока те не ломали их.

Они были психологически здоровы, и им и в голову не могло прийти обвинять в своих неудачах родителей, — хотя многие из них были неграмотны, некультурны, не занимались или мало занимались своими детьми, а то и навсегда озлобились в хаосе гражданской войны.

Поэтому рассказы нынешним пациентам психологов о вине родителей — сказки для старших. Вина есть всегда, но детская психика прочна и, за малыми исключениями, способна преодолеть последствия самого ужасного детства.

А психологи, насколько я могу судить, просто снимают с инфантильных людей ответственность за собственную жизнь, — а вместе с ней и вину за неудачи, и возможность преодолеть свои недостатки и даже (если есть) пороки.

Это классическая формула «комфорт за отказ от улучшения», — и вид этих пациентов из среднего класса вызывает во мне растущее уважение ко многим отечественным либералам.

Будучи тоже несчастными, запутавшимися и бессильными людьми, не способными найти себя в слишком сложном для них мире, они тоже пытаются снять с себя ответственность за свою неудавшуюся

(как им кажется) жизнь, — но перекладывают ее не на своих родителей, а на факторы политической жизни: Советскую власть, РПЦ, «проклятых коммуняк», «народ-богоносец» и на что еще хватит воображения и ненависти.

Ненависть к своей стране (органичная для либералов, стремящихся отдать ее под власть глобальных финансовых монополий) не только подла, но и убога, свидетельствует о глубочайших личностных проблемах, отключивших даже глубинный инстинкт самосохранения и включивших программу самоуничтожения (которая есть у психики так же, как у физиологии), — но имеет свою оборотную сторону.

За редчайшими исключениями, эти люди очень тепло относятся к своим родителям, — даже те из них, кто принадлежит к поколению нежеланных среди интеллигенции детей, родившихся из-за запрета аборт. Они находят им оправдания (порой смешные), они плачут об их загубленных жизнях (порой потрясающе успешных по любым меркам) — и им даже в голову не приходит обвинить их в своих бедах.

Конечно, это плоды советского образования и не до конца изжитой в себе даже либералами русской культуры, — но в том числе и проявление психической нормальности, значительно большей, чем демонстрируют нам нахватавшиеся стандартных западных процедур психологи.

Мы живем в правильной стране: даже либералы у нас нормальней, чем психологи Запада.

И, как ни крути, это приятно.

Бурный век^[11]

Для России настало время подумать о своих интересах

Беспрецедентная трансформация человечества, в которую входит мир, делает наступающее президентство В.В. Путина временем тектонических социальных сдвигов.

Мировая экономика будет распадаться на макрорегионы, проваливаясь в глобальную депрессию и формируя новые системы глобального и локального управления. Преображаемые новыми технологиями социальная структура общества и сама личность станут полем столкновения вырождающейся в «новое средневековье» и саморазрушающейся рыночной парадигмы со стремлением к прогрессу и гуманизму.

Этот путь ведёт через войны — тотальную «гибридную агрессию» Запада, уже развязанную пока лишь против России, и пресловутые «конфликты малой интенсивности», легко способные «запалить» новую глобальную войну (например, в случае удара Израиля и США по Бушеру и другим атомным объектам Ирана и ответному блокированию им Ормузского пролива).

Нам предстоит перейти к новому пониманию стабильности, соответствующему новой, информационной эпохе: сохранение неизменных институтов становится невозможным, и стабильность заключается в стабильности потока изменений, нацеленных на решение поставленных обществом стратегических задач.

России, помимо задач адаптации к новой реальности и её использования, а также специфической задачи «поколенческого транзита власти», под страхом уничтожения русской цивилизации придётся решать откладываемые со времени распада СССР задачи обретения полноценной идентичности и создания механизмов реализации своих интересов, включая системы «социальной инженерии».

Продолжение в этих условиях либеральной социально-экономической политики, направленной на подавление интересов

России в интересах глобальных монополий, сохранение полного контроля либерального клана за социально-экономическим блоком государства и, более того, расширение активного политического контроля либералов на Счётную палату (чреватое блокированием развития ВПК под благовидным предлогом контроля за бюджетными расходами) способно вызвать чувства отчаяния и безысходности.

И, действительно, ближайшие один-три года до срыва во внутренний кризис России или всего мира — в глобальную депрессию, скорее всего, потеряны для прогресса нашего общества: возможные варианты касаются лишь скорости его разграбления и порождаемой ею деградации.

Однако это не только не отменяет, но и делает более актуальными задачи возрождения и преобразования России.

Предварительный этап: восстановление субъектности России

Ключевая часть управленческой элиты России исповедует либеральную идеологию, по которой государство должно служить не своему народу, а глобальным монополиям. Либерализм «информационной эпохи» подобен фашизму «эпохи индустриальной», заменяя из-за изменения характера доминирующих монополий (которые встают над государствами) национальный геноцид социальным.

Либеральная идеология свойственна далеко не только «офшорной аристократии», рассматривающей Россию как эксплуатируемую территорию и объективно предающую её глобальным конкурентам (в первую очередь Западу, развязавшему против нас холодную войну на уничтожение), но и значительной части искренне считающих себя патриотами, но не представляющих себе (в силу пороков образования или особенностей жизненного пути) возможностей нелиберального развития, то есть развития общества в своих собственных интересах.

Россия сможет решить минимальную задачу выживания только при условии очищения своего государства от носителей разрушительной и несовместимой с жизнью либеральной идеологии.

Смена элит — весьма травматичный процесс: заменяемые с точки зрения уходящей системы ценностей ни в чём не виноваты и в любом

случае, как бы мягко с ними ни поступали и какие бы гарантии ни предоставляли им, будут отчаянно и беспощадно сопротивляться. В то же время новые кадры обречены на серьезные ошибки в силу неопытности, безграмотности (следствие либеральной реформы образования) и практически полной утраты культуры комплексной подготовки и реализации масштабных проектов. Однако без очищения государства от либералов и «офшорной аристократии» наше государство будет служить нашим врагам против нас, и русская цивилизация (не только государство и народ, но и цивилизация как таковая) погибнет в силу неумолимой логики глобальной конкуренции.

Формирование привлекательного и открытого «русского проекта»

Геополитические поражения России (уход из «третьего мира», Восточной Европы, Средней Азии, Украины и Закавказья, дискредитация на Западе, утрата союзников) всего 30-летия национального предательства в стратегическом плане вызваны прежде всего отсутствием глобального проекта, открытого и полезного для его сторонних участников. Потребность в «русском проекте» признают даже противостоящие России исламские экстремисты (самое позднее — с конца Второй чеченской войны).

Новая элита должна модернизировать Россию так, чтобы создать возможность нового глобального будущего под её управлением, привлекательного для всех желающих. Русская культура, основанная наприятии и переработке самых разнородных элементов, сочетающая мессианство с гуманизмом и склонностью к технологическому прогрессу, этой задаче вполне соответствует. В то же время этнический характер «китайского проекта» и очевидная выработанность проекта западного качественно усиливают объективную глобальную потребность в «русском проекте».

Его очевидные уже в настоящее время компоненты:

1) возвращение справедливости, закона и порядка в качестве безусловной нормы международных отношений (сейчас эта позиция не имеет значения из-за отсутствия у России поддерживающей её силы, вызванной отсутствием остальных компонентов «русского проекта»);

2) модернизация России на основе технологий завтрашнего дня (о чём отчасти говорилось в Послании президента В.В. Путина Федеральному собранию 2018 г.) с превращением её в пример для подражания остальному миру предоставлением максимальных возможностей для коллективного и индивидуального, технологического и социального творчества (правда, что для решения этой задачи предстоит сделать с сегодняшней бюрократией: от «эффективных менеджеров» до «молодых технократов», — страшно даже подумать);

3) доступ для геополитических союзников (и только для них) к использованию «закрывающих» (сверхэффективных) технологий без их передачи даже в самых малых масштабах.

Разработка и начало реализации «русского проекта» — необходимое (хотя и не достаточное) условие выживания России, русской цивилизации и русского народа.

Формирование идентичности: адаптация истории к «русскому проекту»

После уничтожения Советского Союза и гибели советского народа Россия так и не обрела полноценную идентичность. Опираясь на стихийные частные достижения, необходимо в кратчайшие сроки доконструировать новую, эффективную в условиях нарастающего глобального кризиса русскую цивилизацию с использованием тех же социальных технологий, которыми на наших глазах за одно-два поколения искусственно были созданы — на основе ненависти и потому заведомо нежизнеспособные — качественно новые латвийский, литовский, эстонский, польский и, пока отчасти, украинский народы.

Чтобы общество приняло новое, поверило в него и поддержало его, это новое необходимо представить возвращением к истокам, к проверенным поколениями, но затем забытым и извращённым традициям. Это стандартная формула успеха любого новаторства, зафиксированная ещё Лютером.

А чтобы создать народ, надо написать его историю.

История русского народа и России написана политически приемлемым, спланированным образом лишь в части некоторых фрагментов Великой Отечественной войны. При этом допетровская история представляется почти полностью фальсифицированной немецкими специалистами (против чего восставали ещё Ломоносов и Татищев, но потерпели поражение). В то же время изучение нашего общества велось и ведётся до сих пор на основе европейских наработок, что просто не позволяет видеть колоссальные явления, не существующие в Европе и потому не знакомые разработчикам европейских методов (например, масштабы и характер деятельности староверов-беспоповцев на всём протяжении российской истории после раскола и их роль как движущей силы в событиях первой половины XX века). Не стоит забывать и первый Международный конгресс историков 1903 года в Риме, в значительной степени искаживший историю всей Европы, причём отнюдь не только ради согласования «национальных самолюбий».

Проведённые после войны в Советском Союзе тщательные исследования выявили множество фактов, в принципе не соответствующих официальной отечественной истории и истории ряда соседних стран и во многом опровергающих их (чего стоят одни Змиевы валы на Украине!). На основе систематизации этих фактов были построены разнообразные, но в целом мало противоречащие друг другу гипотезы, жёстко заблокированные официальной идеологией. После уничтожения СССР в силу исчезновения идеологического пресса их значительная часть была опубликована, но заниматься ими в условиях Катастрофы было просто некому.

Сегодня они могут быть собраны, систематизированы, доработаны и лечь в основу реальной истории русской цивилизации во всей её сложности и внутренней противоречивости.

Уже очевидно, что данная история (свидетельствующая о большей мощности, древности и открытости, а также о большем родстве народов Южной и Восточной Европы, чем принято считать) будет способствовать созиданию российской идентичности и народа России на наиболее широкой и открытой основе ценностей политической нации: образа жизни и образа действия, — в полном соответствии с тем, как русский народ исторически и формировался.

Поскольку написание реальной истории объективно направлено против её фальсификаций (как древних, так и современных) и неминуемо коснётся и истории Запада, оно означает вступление России в «историческую войну» Запада, развязанную им против нас, в активной форме. Однако на фоне тотальной пока холодной войны Запада на уничтожение России это представляется совершенно необходимым и без каких бы то ни было новых исторических фактов.

Более того: раскрывая европейцам и другим глаза на их прошлое, мы будем завоёвывать среди них сторонников, в том числе в элитах, хранящих фрагменты знаний о своём прошлом.

Приведение институциональной структуры общества в соответствие цивилизационной специфике

Одна из уникальных черт русской культуры — органическое сочетание индивидуализма с коллективизмом, регулярно порождающее творцов, отторгаемых основной частью общества и управленческих структур. Поэтому развитие объективно требует создания специальных режимов для творческой деятельности (будь то монастыри, «шарашки», спец-комитеты при Совмине, стимулирование в рамках сталинского «метода повышения эффективности производства» или «научограды»), результаты которой затем применяются обычной, «линейной» системой управления.

Неуклонный рост значимости творческой деятельности в условиях распространения информационных технологий требует создания соответствующих «гибридных управляющих систем», защищающих подготовку и самовыражение творцов от исполнительной иерархии, а её, что представляется не менее важным, — от недисциплинированности и стихийного анархизма творцов.

Освоение и развитие закрывающих технологий»

Советский ВПК был единственным в истории человечества институтом, обеспечивавшим (в отличие от современного едва ли не

тотального «грантоедства») массовые дорогостоящие исследования без заранее гарантированного результата. Благодаря этому в нём было создано большое число так называемых закрывающих технологий, сочетающих сверхэффективность с дешевизной и простотой.

В СССР и после его распада они отторгались и подавлялись бюрократией и монополиями (которые зарабатывают за счёт роста издержек и потому всячески противодействуют их снижению). Распад глобальных рынков на макрорегионы, качественно ослабляя глобальные и обычные монополии, впервые открывает стратегический простор для применения «закрывающих технологий» и создаёт массовую потребность в них (так как многие макрорегионы в силу меньшей по сравнению с глобальной ёмкостью рынка не смогут развивать и даже сохранять многие привычные технологии, в том числе и жизнеобеспечения).

В преддверии этого следует найти максимальное количество «закрывающих технологий» и коммерциализировать их, предоставив разработчикам заметную часть капитала (от позволяющего участвовать в работе совета директоров до блокирующего пакета) соответствующих структур и комфортное текущее содержание, а также всемерную поддержку и снятие с них всех нетворческих задач.

Активное участие в глобальной конкуренции

Необходим переход от пассивной обороны (это единственная стратегия, гарантирующая поражение при любых условиях) к навязыванию своей повестки дня всем значимым субъектам глобального развития, реализующим собственные проекты.

Главный субъект глобального развития — глобальный управляющий класс (он же «суперкласс», «корпоратократия» и т. д.), политическая «надстройка» глобального бизнеса. Взаимодействие с ним необходимо (без этого наша дипломатия напоминает общение с охранниками, официантами и уборщицами при игнорировании пригласивших на приём хозяев), однако требует комплексного и кропотливого изучения этого класса, которое у нас не ведётся со времен Сталина.

Стратегическое стремление США как оргструктуры глобального управляющего класса уничтожить нас как слабейшую из альтернатив Западу, создаёт потребность не только в модернизации России, но и в отвлечении всех сил США исключительно на решение внутренних проблем. Необходимо (по примеру американской политики в отношении нас) всемерно содействовать росту всех форм отдельных от официального самосознаний в американском обществе, в первую очередь этнических. Афроамериканское (в меньшей степени испаноязычное, в ещё меньшей — выходцев из Юго-Восточной Азии) сообщество находится в мучительном поиске идентичности, которую ему следует помочь выработать крайне дефицитной для него системной интеллектуальной поддержкой (в конце концов, Россия обладает великолепной культурологической школой, которой вполне по плечу решение этой задачи). Однако стратегически наиболее перспективны американские немцы — крупнейшая американская община (до 60 млн. чел.), занимающая ключевые позиции в государственном и корпоративном управлении. Пробуждение немецкого самосознания (а немцы эмигрировали в США до создания Прусской империи и являются поэтому носителями подлинной, не искажённой империализмом немецкой идентичности) способно навсегда отвлечь американскую управляющую систему от России, если вовсе не разрушить ее.

Превращение Европейского Союза в Европейский Халифат в ближайшие тридцать лет представляется неизбежным. Поэтому наряду с поддержкой дружественных нам консервативных и патриотических сил в Европе следует системно готовить управленческие кадры грядущего Халифата. Это позволит создать стратегический «социальный лифт» для выходцев из Средней Азии (ослабив связанное с ними напряжение в России и частично восстановив наше влияние в Средней Азии и исламском мире в целом) и обеспечить сохранение достижений европейской культуры (в частности, восприимчивости к технологиям и абстрактное мышление) после её этно-религиозного «переформатирования».

Современное развитие требует комплексной модернизации инфраструктуры на основе завтрашних технологий (с упреждающим принятием связанных с этим рисков), кардинально снижающей издержки и повышающей деловую активность. В силу самой природы инфраструктуры (результат инвестиций достаётся всему обществу, а не инвестору) такая модернизация по силам только государству, действующему от имени и в интересах всего общества. Это единственная сфера, в которой государство гарантировано от недобросовестной конкуренции с частным бизнесом.

Для проведения модернизации надо ограничить финансовые спекуляции, коррупцию, произвол монополий, установить разумный протекционизм (хотя бы на уровне Евросоюза), гарантировать гражданам право на жизнь (реальный, а не фиктивный прожиточный минимум), переориентировать здравоохранение и образование с «утилизации» общества на его «созидание», урегулировать пенсионный кризис восстановлением прогрессивного обложения личных доходов.

Для достижения технологического лидерства разумно воспользоваться исключением Западом Крыма из сферы действия международного права и превратить его в интеллектуальный офшор (идея Павла Дурова), отменив в нём действие всех патентов стран, не признавших его территориальную принадлежность. Это с минимальными затратами превратит Крым в территорию свободного развития технологий (далеко не только компьютерных) и обеспечит Россию собственной Силиконовой долиной, привлекательной для специалистов со всего мира.

Без форсированного решения указанных задач сохранение до 2024 года стабильности и самой российской государственности с учётом внешних и внутренних напряжений представляется невозможным.

Отказ государства от их решения создаст потребность в самостоятельных действиях здоровых сил общества с учётом неизбежности дестабилизации и высокой вероятности уничтожения российской государственности.

«Петля Кудрина» снова на горле России^[12]

В Счётной палате Кудрин занял свое место: бухгалтера. Но её проверка — страшное оружие

Восприятие Кудрина как преобразователя — пример торжества рекламы над памятью. Он реформатор лишь как член клана «либеральных реформаторов», ставящих наше государство на службу глобальным спекулянтам, в том числе и против народа России.

Более 11 лет пробыв министром финансов с властью, порой превышавшей власть премьера, Кудрин не дал направить нефтедоллары на наше развитие. Он реализовал чудовищную политику накопления бюджетных резервов и их вывода за рубеж. «Принцип Кудрина» прост: деньги России под страхом инфляции должны служить не России, а США, еврозоне и Великобритании.

Российский бизнес, изнемогая от искусственно созданного «денежного голода», был вынужден брать в кредит за рубежом (если дадут), по сути, свои же деньги, заплаченные государству в виде налогов и выведенные им из страны. Эту «петлю Кудрина» разорвали лишь санкции.

При Кудрине государство простило 68 млрд, долл, иностранным государствам (включая платежеспособные), — но ни копейки своим беднякам, пенсионерам, обманутым дольщикам.

Кудрин сделал нормой размещение за рубежом под 1,5–2 % годовых денег, занятых под 5–7 %. В любой сознающей свои интересы стране и одна такая операция привела бы в тюрьму всех ее участников, — а в России она длится долгие годы, и ее организатор в почёте. Так либералы «кормят» спекулянтов за счет налогоплательщиков.

Недаром, отвечая на публичный вопрос, не считает ли он себя преступником, Кудрин говорил 8 минут, но не сказал «нет».

В 2011 году он был уволен из-за не только личного конфликта с Медведевым, но и категорического несогласия с ростом расходов на

оборону. Победы он тогда — и сейчас мы могли бы быть безоружны (вероятно, к восторгу его коллег-либералов).

В отставке Кудрин делал редкие по нелепости призывы (вроде сокращения расходов на оборону ради технологий, — хотя из-за его курса вне ВПК технологий почти не осталось), со вкусом критиковал власть за плоды своей же политики и тщетно тужился над программой развития. При поддержке президента Путина он собрал специалистов, но «программа» осталась, насколько можно судить, бессвязными лозунгами в духе гайдаровщины.

В Счётной палате Кудрин занял свое место: бухгалтера. Но её проверка — страшное оружие, которое ещё не направляли в политических целях; теперь оно может служить либеральному клану. Под их парализующий удар могут попасть противники либералов или исполнители неугодных им функций вроде защиты России, что может помочь Западу раздавить нас.

О потенции новых министров^[13]

Президент назначил нового старого премьера — Д. Медведева. Шоком это не стало, дай в составе его нового кабинета оказались не только «не совсем новые» персонажи, но и совсем новые.

— Михаил, здравствуй! Многие из наших читателей ждали каких-то перемен после выборов президента, что будет новый экономический курс, и мы наконец-то сдвинемся с мертвой точки, когда у нас, то ли есть экономический рост, то ли его нет. Обманутые в своих ожиданиях люди почувствовали себя как-то некомфортно. Скажи, а что чувствуешь ты?

— В. Путин в своем послании Федеральному собранию, и позднее — в инаугурационной речи сказал, что нам нужны изменения. Выступил за обновления, против бюрократической заскорузлости. Но что-то наверху не срослось. Или как сегодня принято говорить — что-то пошло не так. Я только что провёл опрос в интернете как сторонников, так и противников Путина. Так вот — отношение всех к Медведеву объединило и тех, и других. Примерно 55 % людей говорят, что считают себя сторонником Путина и выступают против назначения Медведева. Примерно 35 % интернет-аудитории говорят, что считают себя противником Путина, и они тоже против Медведева. При всей непрезентативности моего опроса, мы имеем единство 90 % общества.

— Может быть, дело в том, что премьер — это церемониальная фигура и страной управляет администрация Президента? И вице-премьеры, а Медведев нужен на «всякий случай»?

— Нет. Премьер-министр занимается всей экономикой, всей социальной сферой. От него зависит очень многое.

— Можно объяснить такой выбор Путина?

— Конечно, но только из того, что мы знаем. Первое, президент не занимается экономикой по уважительной причине — не его

компетенция, как говорили при Ельцине, «не царское это дело хозяйством заниматься». Но президент назначает премьера и главу Банка России. Они и должны заниматься экономикой, он в это не вмешивается. В нашем случае президент назначает премьера по политическим соображениям. Кто такой Медведев? Самый надежный чиновник в мире, и это правда. Человек, которому реально дали власть, он ее 4 года подержал, а потом отдал обратно тем, кто действительно знает, зачем эта штука нужна и как с ней обращаться.

— Давай поговорим с тобой о вице-премьерах, об их функционалах, потому что может быть весь этот либерально-экономический «схема-тоз» созрел, и скоро мы станем в один уровень с либеральной экономикой Италии, Франции или США?

— Чтобы попытаться этого достичь, нужно для начала ограничить финансовые спекуляции. Но пока Набиуллина в Банке России — этого не будет, пока Медведев во главе Правительства этого не будет ни при каких обстоятельствах.

— В чем их финансовая спекуляция?

— Грубо говоря, финансовые спекуляции — это когда вы направляете деньги в экономику, а они немедленно приходят на валютный рынок. Потому что покупка валюты — это самый выгодный бизнес в условиях неэффективного управления.

— И всё же — давай начнем с нового вице-премьера Юрия Борисова.

— Юрий Борисов — один из очень уважаемых заместителей г-на Шойгу. До того он был заместителем министра промышленности и торговли, курировал ГЛОНАСС. У Шойгу он курировал военнотехническое обеспечение, и вполне логично, что он заменил г-на Рогозина, потому что рогозинский пиар — это хорошо, но помимо пиара надо что-то и делать ручками. Это не вина Рогозина, но с инженерами должен разговаривать человек, имеющий представление об инженерном деле.

— У Борисова образование инженерное?

— Он выпускник 1985 года факультета вычислительной математики и кибернетики МГУ. Он военный технарь и, что важно, его очень уважают в военных кругах. Это тот случай, когда человек сделав карьеру, заработал уважение людей, которые связаны с техникой, а не с распилом.

— Получается — что-то сдвигается в лучшую сторону.

— Второе назначение, которое тоже можно приветствовать — это Константин Чуйченко. Да, он студенческий друг Медведева, и понятно, какая это характеристика. Но человек с 2001 по 2008 год возглавлял юридический департамент «Газпрома». Это были годы, когда «Газпром» отвоевывали государству обратно, и он этим занимался. Это было время, когда капитализацию «Газпрома» повысили в 10 раз. Потом Чуйченко стал помощником президента Медведева и с 2008 года возглавлял контрольное управление вплоть до сегодняшнего дня. Это достаточно тяжелая работа, она не видна, но здесь человек должен отчитываться реально: «Ребята, а указы президента не выполнены, вы можете что угодно рассказывать на публику, но на самом деле они не выполнены».

Это достаточно конфликтно. Но он на этой должности уцелел, что свидетельствует о том, что он хороший аппаратчик. С этой должности начинал Путин в Москве.

Третье назначение, которое можно приветствовать — это Максим Акимов. Это человек, связанный с калужским инвестиционным чудом. Когда вы, выезжаете из Московской области в Калужскую, граница видна на местности: с калужской стороны стоит стена заводов, а со стороны Подмосковья конь не валялся. Понятно, что это заслуга в первую очередь губернатора Калужской области Артамонова, но Акимов с 2004 по 2007 годы был мэром Калуги, потом заместителем Артамонова. В 2012-м его взяли замом руководителя аппарата Правительства. И через год он стал первым замом. Для человека, пришедшего из региона, это хорошая карьера. Должность не видная, но очень тяжелая, очень серьезная.

— За что он будет отвечать в правительстве?

— За инновации там, где это у нас действительно есть — это транспорт, связь, цифровая экономика. За пределами этого, что-то

современное есть у нас только в ВПК, и естественно, в энергетическом комплексе и атомной энергетике. Это то, что можно однозначно приветствовать.

Другое хорошее назначение — Алексей Гордеев, отличный губернатор Воронежской области с 2009 по 2017 годы. В губернаторы пробился из рядовых депутатов. Воронежской области катастрофически не везло с 1990-го года на руководителей. Местные отчаивались, люди приезжали в Москву и говорили, что дайте нам кого угодно! В Москве и давали кого угодно, и катастрофа усугублялась. А Воронеж — это город-миллионник, там ВПК, там черноземы, там свои элиты, которые сгрызут кого угодно. Там в ходе межэлитных конфликтов реально взрывали остановки, реально был терроризм, причем собственный, доморощенный. И вот приехал Гордеев в 2009 году, когда все было ужасно, и как-то все затихло, и очень быстро всё стало развиваться в правильном направлении. Спокойно, уверенно.

До этого Алексей Гордеев в правительстве Касьянова были вице-премьером и министром сельского хозяйства. Министром стал ещё в 1999 году у Путина. И министром сельского хозяйства был совсем не плохим, и вице-премьером был не плохим. Он человек профессиональный, и это важно.

Дальше Дмитрий Козак. Это выдающийся юрист, с ним связано три реформы, катастрофизм которых как-то забыли. Это реформа судов в начале нулевых, реформа разграничения полномочий между уровнями власти, которую мы помним как людоедскую монетизацию льгот, и реформы местного самоуправления, после которых о нем практически не вспоминали. Это все Козак. На мой взгляд, он как юрист не видит разрыва между буквой закона и практикой правоприменения. Среди прочих сфер его деятельности было развитие Крыма. На сегодня есть Крымский мост, и есть управленческая катастрофа, в которой существует Крым. Да, там много проблем решено, там много чего, чем можно похвастаться, но в целом Крым — это управленческая катастрофа.

Козак как вице-премьер не мог с этим справиться, у него нет полномочий, но, тем не менее, он мог громко орать, мог энергично бороться, — а он вел себя относительно тихо. Сейчас он приходит на промышленность и энергетику, прости господи. И здесь непонимание

разрыва между буквой закона и практикой их правоприменения может стать катастрофическим.

Козак хороший специалист, отличный управленец, специалист по госстроительству, много хорошего сделал, но его перемещают в ту сферу, где он может стать опасностью. На этом позитивчик, по-моему, и заканчивается.

Самое феерическое — это Мутко. Я понимаю, что президент хотел его оставить. Но почему бы не выбрать сферу, которую не жалко? Сделайте его вице-премьером по открытому Правительству. Мало в Правительстве сфер, которые никому не нужны? Сделайте его вице-премьером по экологии, вице-премьером по продвижению мягкой силы России за рубежом, по пропаганде... А его сделали вице-премьером по строительству.

— Но это же строительные бюджеты, они самые привлекательные. На них чужого человека, даже хорошего строителя, не поставишь.

— Перефразируя Александра Хейга, я хочу сказать, что есть вещи поважнее распила. Конечно, я как экономист понимаю важность распила, важность воровства, коррупции и прочих системообразующих, как некоторые утверждают, явлений. Но строительный комплекс находится в глубоком кризисе, вызванным с одной стороны объективным сокращением бюджетных расходов, с другой стороны, сложившейся культурой безответственного воровства, когда воруют одни, а садятся другие, исполнители.

Когда приходит г-н Мутко, для Медведева это демонстрация власти, потому что главная демонстрация власти — это способность делать и принимать безумные решения, и не одна сволочь не посмеет возразить. Мутко имеет свою большую клановую поддержку, но в этом новом правительстве практически все вице-премьеры, кроме Мутко, люди, которые с Медведевым связаны, которые для него комфортны, и этот состав Правительства означает, что у Медведева есть реальная власть. Все разговорчики, которые мы слышали в конце апреля, что да, Медведев сохранится, но он сдаст все — это разговор ни о чем, это в пользу бедных. Да, он сдал людей, которые себя дискредитировали полностью и чудовищно, как Дворкович. Но даже Шувалов сохранит хорошую позицию во власти.

— Мутко — первый в списке людей, которых ты не хотел бы видеть в правительстве. Кто еще?

— Есть великолепный специалист Татьяна Голикова, это был лучший первый замминистра финансов за все время после распада Советского Союза. Отличный бухгалтер, прекрасный специалист, председатель Счетной палаты очень хороший, наверное, лучший. Куда ее убрали? На ту должность, которой она заведомо не соответствует: она будет курировать всю социалку, включая труд и пенсионную сферу. Помните, когда она была министром здравоохранения и социальной защиты, ее прозвали «мадам Арбидол»? Это была катастрофа. Это человек, который с социальной сферой не связан, не понимает ее. Социальную сферу подставили этим назначением, это признак того, что кудринские реформы будут реализовываться в масштабах, которые и самому Кудрину не снились. Пенсионный возраст она повысит для женщин на 8 лет, для мужчин на 5. Расходы социальной сферы будут наращиваться, как они наращивались при ней во главе Минздравсоцразвития. Только идти эти расходы будут не на решения реальных социальных проблем, а на обогащение бизнеса, который на этих проблемах паразитирует. Может быть, какие-нибудь крошечки вниз и просыпятся.

— Остается г-жа Голодец.

— Я еще несколько лет назад относился к ней резко отрицательно, человек из корпоративной среды, занималась социалкой в «Норильском никеле», предельно жесткая. Но занявшись социалкой она, судя по всему, прониклась этой сферой, несчастьем людей, она выдвигала инициативу в пользу прогрессивной шкалы подоходного налога, говорила о необходимости введения пособия по бедности. Это вызывало лютую ярость у Медведева, отчаянную ярость. Ее с социальной сферы и убрали. Сейчас будет заниматься спортом, которым она не занималась никогда.

Понятно, что Мутко спортом заниматься уже не будет. Ей расхлебывать то, что Мутко оставляет после себя, в чужом пиру похмелье.

— Михаил, почему не взяли в Правительство Александра Хлопонина?

— Он богатый человек, выходец из «Норильского никеля». После того, как ушел с должности губернатора Красноярского края, он погас. Его не было видно и слышно на федеральном уровне вообще. Хотя он решал очень сложные задачи, занимался болезненными вопросами, но его не было слышно и видно, это беда. Я думаю, что он ушел закономерно. Вот Трутнева жалко и непонятно. Он показал себя достаточно хорошо на Дальнем Востоке.

— Кому-то перешел дорогу. На Дальнем Востоке сейчас намечаются огромные программы, строительство портов, заводов. Это миллиардные бюджеты.

— Он столкнулся лоб в лоб с Кудриным по некоторым вопросам.

— Но это, когда Кудрин уже был никем.

— Когда он уже формально был никем, но влияние у него остается. Уход Трутнева — это тоже проявление того, что большое количество людей чувствует себя просто с ног до головы в некоей непотребной субстанции.

Да, я забыл главного — Силуанова! Первый вице-премьер на хозяйстве. Он действительно хороший аппаратчик, исполнительный, за это получил повышение. Хороший бухгалтер, нормальный министр финансов, хоть и выкормыш Кудрина. Но он будет заниматься всей экономикой, экономическим развитием. А это человек, который ни разу не употребил слово «инвестиции», для него, как и для Кудрина, инвестиций не бывает, бывают только траты. И он не будет заниматься экономическим развитием — это не его. И это большая трагедия.

Англосаксы точат друг на друга ножи [\[14\]](#)

Со времен Второй мировой войны Англия [\[15\]](#) остается верным младшим партнером США.

Несмотря на диалектичность этого партнерства (США вместе с СССР до начала 60-х уничтожали Британскую империю как общего стратегического конкурента), Англия в политическом отношении традиционно ближе к США, чем к континентальной Европе, и играет роль их верного представителя и в НАТО, и Евросоюзе (пока). Формула «не мочись в Атлантику!» — неоспоримая квинтэссенция всей внешней политики Соединенного Королевства. Тем не менее, в последний год отношения верного вассала со своим сюзереном внезапно приобрели оттенок соперничества.

Глобализм Обамы пробудил британское политическое самосознание

Толчок к этому, похоже, дала стратегия Обамы по разрушению глобального рынка в интересах США. Транстихоокеанское и Трансатлантическое торговоинвестиционные партнерства (ТТР и ТТИР) должны были не просто вырвать из мировой торговли посмевающие задуматься о суверенитете страны БРИКС, но и принципиально изменить взаимодействие государств с глобальными (преимущественно американскими) корпорациями.

Главное содержание указанных партнерств (равно как и продвигавшегося одновременно с ними Соглашения о торговле услугами — TISA), насколько можно судить (ибо они были секретными, и их участники не имели права открыто сообщать, что же они подписывают), — рассмотрение споров государств с корпорациями не государствами на основе их собственного или международного права, а специальными арбитражными органами,

создаваемыми под решающим влиянием глобального бизнеса. Таким образом, отношения глобальных корпораций с государствами, на территории которых те действовали, должны были регулироваться самим корпорациями, что низводило государства до положения их региональных представительств, не имеющих обязательств перед своими народами.

Стратегия Обамы провалилась и, более того, вызвала перенапряжение и провал глобалистской Америки, ознаменованные победой Трампа.

Но Евросоюз, рабски зависимый от США и живущий в рамках задаваемой ими повестки дня, обсуждал TTIP всерьез, — хотя оно означало уничтожение его экономики по образцу Восточной Европы (так как свободная торговля с США, Канадой и Мексикой делала ее неконкурентоспособной из-за больших социальных и административных издержек) и ликвидацию суверенитета как европейских стран, так и ЕС, причем в пользу даже не США, а глобальных монополий.

Серьезность этой перспективы вызвала шок в английском правящем классе, и во многом предопределила Brexit: находиться в одном Евросоюзе с настолько обезумевшей, утратившей идентичность и чувство реальности континентальной элитой для англичан стало невозможно. Именно поэтому противнице Brexit Терезе Мэй пришлось заниматься им, несмотря на рекомендательный характер и неоднозначные итоги референдума.

Наследников Британской империи шокировала именно готовность европейцев отказаться от своей идентичности и превратить свои государства в придаток глобального бизнеса. Свободная торговля с НАФТА для Англии, превращенной либеральной политикой в финансовый бутик с добычей газа, не создавала проблем: большинство своих производств страна уже утратила, — что и было подтверждено скорым после Brexit созданием зоны свободной торговли с Канадой (а значит, и всей НАФТА).

Но Brexit серьезно подорвал интересы США в ЕС.

Удар в спину США

Англия была, по сути, представителем США и единственным значимым донором ЕС, постоянно поддерживавшим безумное иждивенчество режимов, созданных США в Восточной Европе. (Колониальное освоение последней корпорациями «старой» Европы лишило их экономики перспектив и превратило элиты, за редким исключением, в оторванных от своих народов наемников, скупленных США и используемых для ослабления Евросоюза, чтобы он не стал полноценным глобальным конкурентом.)

Англия обеспечивала 10 % бюджета Евросоюза, потеря которых ускорит сокращение финансирования с 2020 года стран Восточной Европы (на их поддержку, — а точнее, на обеспечение прибылей в них корпораций «старой» Европы, — идет сейчас 43 % бюджета ЕС). Помимо ускорения национальной катастрофы стран Восточной Европы (хозяйственной — прежде всего Прибалтики и Болгарии, политической — прежде всего Польши и Венгрии), это подорвет саму модель Евросоюза, являющегося финансируемой населением «старой» Европы зоной гарантированных прибылей для ее корпораций, и придаст ему забытый и неконтролируемый динамизм.

Этот динамизм распахивает новые перспективы перед Россией (равно как и создает новые угрозы), но впервые с формирования Веймарской республики выводит ситуацию в Европе из-под контроля США, что неприемлемо для них.

В Вашингтоне не питают ни малейших симпатий к английскому правящему классу, непокорство которого грозит ускорить превращение Европы (средний класс которой едва удалось отвлечь от его обеднения угрозой безопасности, созданной наплывом мигрантов) в Большой Ближний Восток.

Кроме того, отделившейся от ЕС Англии приходится думать о своем позиционировании в мире — роли «младшей сестры» США становится мало (особенно с учетом падения значения этой роли, больше не сопряженной с присмотром за европейцами). И здесь, просто следуя своей исторической памяти, британский правящий класс невольно начал подрывать американское доминирование — и более независимым поведением в арабском мире, и выстраиванием оси с Китаем (пусть даже пока более символической, чем стратегической).

Активизация Англии, более не сдерживаемой путами в виде ЕС, на пространстве бывшей Британской империи воспринимается США

как стратегическая угроза, — и вызывает ответную, хотя, возможно, и инстинктивную, не осознаваемую в своей целостности реакцию.

Солсбери — Париж: первые зарницы невидимой грозы

Применение химического оружия против предателя Скрипаля и его дочери, их похищение и развязанная вокруг этого безумная антироссийская истерика удивительны своим непрофессионализмом. Английские спецслужбы отличаются глубоким пониманием реальности (вызванным и традицией инициативной поддержки гражданами, включая специалистов, своего государства); данный же скандал изобилует нелепыми заявлениями и чудовищными для западного сознания действиями (вроде умерщвления домашних животных), дискредитирующими правительство Мэй даже на современном западном информационном фоне.

Эта дискредитация вызывает ощущение как минимум побочной цели организаторов провокации (как могут работать английские спецслужбы, можно судить по убийству собравшегося вернуться в Россию Березовского или по серии «загадочных» смертей ряда других видных эмигрантов из России).

Ведь крах правительства Мэй может привести Англию обратно в «европейское стойло» (косвенный признак надежд на это — отсутствие активации шотландского проевропейского сепаратизма при том, что в Шотландии находится половина английской промышленности, включая почти всю добывающую). Главный европейский интересант этого — Германия — утратила навыки стратегической игры, но США могли рассчитывать на резкий протест России, превративший бы Мэй в недоразумение и всемирное посмешище.

Но России — в силу противоречия интересов с развязавшими против нее беспрецедентную по своей всеобъемности агрессию США — нужна Англия вне Евросоюза и, соответственно, нужно правительство Мэй. Поэтому (хотя нельзя сбрасывать со счетов и фактор политической импотенции) Россия не поддалась на провокацию, включающую отравление и похищение своих граждан.

Возможная модель действий американских спецслужб против англичан была отработана на Украине на малазийском «Боинге»: непосредственно руководившие хунтой американские специалисты, похоже, просто обманули своих подопечных, объявив малазийский рейс личным самолетом В.В. Путина и потребовав его сбить. Выполнив команду, украинские фашисты стали заложниками своих американских хозяев, которые могут в любой момент отдать их под суд (и даже организовать их смертную казнь) за спровоцированное самими американцами преступление.

Вероятно, в истории со Скрипалями английские спецслужбы получили от американцев команду похитить их и обеспечить соответствующие заявления в рамках протоколов «трансатлантической солидарности» или сотрудничества в рамках НАТО. Скорее всего, американцы потребовали немедленных действий, обещая представить доказательства позже, — а, когда англичане, подчинившись им, загнали себя в капкан, отказали им. Возможно, в рамках этой провокации английские спецслужбы осознанно сработали против правительства Мэй на стороне американцев.

Не сумев свалить правительство Мэй провокацией со Скрипалями, США взяли за его реформу «изнутри». Приznak этого — замена министра внутренних дел, уличенной в намерении бороться с нелегальной иммиграцией, на израильского мусульманина Джавида, публично мечтающего о жизни своих детей в Израиле (его уже прочат на место Мэй).

Почти незамеченным на фоне скандала со Скрипалями прошел беспрецедентный арест Саркози с его не менее беспрецедентным 25-часовым допросом (правда, с перерывом на ночлег дома). То, что за последующие почти 3 месяца нахождения под судебным контролем это не вызвало истерики дрессированных медиа Европы, означает, что проанглийский президент Макрон лишил проамериканского экс-президента Саркози глобального политического статуса: теперь это обычный подозреваемый.

Формальный повод бесспорен: Саркози, по-видимому, действительно брал деньги на президентскую (как минимум) кампанию у лидера Ливии Каддафи и действительно развязал чудовищную агрессию против Ливии, чтобы замести следы своего преступления.

Но Саркози был всецело поддержан США, которые возглавили начатый им крестовый поход против суверенитета, законности и демократии. И суд над Саркози уже в силу официального обнародования на Западе (пусть даже в качестве лишь версии) реальных причин нападения НАТО на Ливию нанесет серьезный ущерб и США, и проамериканской части английской элиты, и пресловутой «атлантической солидарности» (то есть подчинению европейцев американцам в НАТО и мировой политике целом).

Поэтому «дело Саркози» во Франции — эффективная антиамериканская акция английской элиты.

Прозрачное англо-американское измерение имеет и «цветная революция» в Армении, осуществляемая, как и на Украине, со второй попытки (после «энергомайдана»).

Основные битвы тихой войны между США и Англией еще впереди, — и пока все, что мы видим, представляется разведкой боем.

Непосредственным полем столкновения, скорее всего, станет Ближний Восток (возможно, в связи с вероятным нападением на Иран США по инициативе Израиля и Саудовской Аравии), а объективной задачей США является возвращение Англии в Евросоюз. Эта цель недостижима, хотя промежуточный этап, — привод к власти в Англии проамериканского правительства, объективно противостоящего королевской семье, — представляется реальным.

Россия — пятое колесо в глобальных проектах Запада^[16]

Вся наша государственная политика либеральна. Не только социально-экономическая, которая исходит из того, что мы должны служить глобальным спекулянтам. Даже внешняя политика, являясь патриотичной по форме, остается либеральной по сути. Она сводится к одному — как бы нам не обидеть «больших белых хозяев». В этом её главный смысл.

На протяжении четырех с половиной лет холодной войны, которая против нас ведется... впрочем, можно считать и начиная с мюнхенской речи Путина, но в явном виде все же с конца 2013 года вся наша внешняя политика — это «ребята, давайте жить дружно!». Тем временем к нам применяют политику 41-го года, нам говорят: ребята, мы сейчас к вам придем и возьмем все, что нам нужно, а если что-то забудем, то вы нам сами напомните. Мы вас поставим в такие условия, что вы расскажете сами. А мы говорим: давайте лучше будем вместе тяжело и много работать, давайте будем вести политику 88-го года.

К сожалению, наша внешняя политика, которую мы ведем неплохо, в основе своей остается либеральной. Буквально на прошлой неделе я спросил одного из выдающихся лидеров российской дипломатии, отцов-основателей: «Вы же видите, что наши меры не работают, наша политика провоцирует усиление агрессии, а не останавливает ее. Может быть, нужно как-то изменить методы, расширить палитру применяемых действий?» Я всегда очень вежливо отношусь к людям и вопрос задал очень корректно. Разговор был искренний, без записи. Человек посмотрел на меня и сказал: «А какими еще могут быть механизмы защиты национальных интересов? Мы себе вообразить не можем». Точка, кавычки закрываются... Это ментальная катастрофа, глубокое внутреннее рабство. Когда идеология с одной стороны имеет популярность 3,6 %, а с другой — является основой государственной политики, то это глубокий внутренний разрыв. Он чреват большими неприятностями в лучшем случае, а в

худшем — полной дестабилизацией, причем в форме не революции, а смуты.

Наш цирк разворачивается на фоне глобального кризиса. Надо отметить первое и самое главное: в мире происходят изменения, каких не было с момента изобретения огня и появления членораздельной речи. На протяжении всего своего существования человек, развиваясь, занимался изменением окружающего мира. Последние 30 лет он меняет собственное восприятие этого мира. Технологии, которые обеспечивали глобализацию и предельно упростили наши коммуникации, сделали наиболее рентабельным видом бизнеса и, следовательно, наиболее массовым занятием в рыночной экономике формирование человеческого сознания. Раньше это было доступно только церкви и государству, окупалось за несколько поколений, сейчас это доступно любому участнику рынка без преувеличения и, в общем-то, приводит к фантастическим результатам.

У меня в Липецке есть знакомые зубные врачи. Они взяли к себе на работу парнишку нетрадиционной ориентации, а он оказался больших талантов и сказал: давайте-ка сделаем страничку в «Инстагра-ме». Липецк — совершенно не интернетизированный город, но после того, как он сделал страничку, врачи стали работать без выходных. Весь город, вся округа ломанулись только к ним. Их основная специализация — брекеты, а это десятки тысяч рублей, очень дорого и болезненно. При этом в соседних клиниках пусто, у всех кризис клиентов, а к ним идет вал, они уже проклинали все... Владелец фирмы говорит: «Скоро мои врачи начнут бить меня в подъезде, потому что у них один выходной в неделю и отпуска неизвестно когда». Тем не менее, это фантастический успех, потому что пришел скромный, не всем приятный мальчик и показал, как формировать сознание. И мир изменился кардинально.

Именно это происходит последние 30 лет, в результате чего и выяснилось, что формировать сознание рентабельнее, чем менять мир. И мы, полностью приспособленные для изменения мира, инструменты для его изменения, носители соответствующей идеологии — уже более поколения мы занимаемся несвойственными и противоестественными для себя действиями и будем заниматься ими какое-то время еще. Это шок, каких прежде не было. Мы к таким изменениям не готовы — мы не понимаем, что происходит. Мы просто оказались в другом мире, как

рыбка, которая на плавничках вылезла на сушу. Совсем не факт, что она выживет. Глубина изменений, боюсь, непредставима. Причем я повторяю эту фразу лет 20, а она, эта глубина, так и осталась непредставима. Я все надеялся, что хотя бы система управления к этому адаптируется, но ничего подобного за поколение не произошло.

На этом фоне мировые проблемы достаточно просты и прозаичны. Резко выросла производительность труда, и оказалось, что для производства материальных и нематериальных благ нужно сильно меньше людей, чем есть сегодня. Образовался большой излишек людей, возник вопрос: что с ними делать? Ведь если человек живет ради прибыли, в рамках рыночных отношений, то лишний человек — он и есть лишний: он что-то потребляет, но производит отчетливо меньше. Его нужно как-то утилизировать. Причем наибольший разрыв между потреблением и производством не у тех людей, которые в Африке больны СПИДом и живут на полтора доллара в день, а у среднего класса развитых стран. Они много потребляют и очень мало производят, если вообще что-то производят. Задача самоутилизации встает перед человечеством в полный рост, это фундаментальная вещь, в отличие от Мальтуса^[17]... Мальтус как говорил: «Слишком много людей развелось, нужно сократить часть человечества, и тогда земли хватит на оставшихся». Сейчас речь идет не о земле, а о рынках — о том, что люди производят слишком много для себя самих. Даже если пойти по пути утилизации лишних людей, все равно будут появляться новые, новые и новые... Это будет процесс сжимания — вроде шагреневой кожи — и самоубийства.

В неразвитых странах проблема решается физиологическим путем: от войн и конфликтов так называемой малой интенсивности до политики сокращения рождаемости... Кстати, чем война отличается от конфликта малой интенсивности? На войне опасное место — это фронт. В конфликте малой интенсивности фронт безопаснее, потому что жертвы среди мирного населения существенно выше.

В развитых же странах речь идет о том, чтобы отправить людей в виртуальный мир. Как командировка в один конец — чтобы человек забился в конурку, жил в виртуальном мире насыщенной, яркой жизнью и никому больше не мешал. Проблема, однако, в том, что такой образ действий все равно не рыночный. Вот когда из человека

удастся при этом еще что-то получать, извлекать из него какую-то выгоду, тогда это будет массовая успешная процедура.

Этому самоубийству пока, к счастью, противостоит логика «человек как цель». Иначе говоря, человек ведь в принципе-то живет не для прибыли, а ради самосовершенствования — нам всегда казалось так. Но, когда мы пытаемся эту логику реализовать, то сталкиваемся с рядом нерешенных человечеством проблем. Прежде всего с той, с которой столкнулся Советский Союз: есть много свободного времени и нет внешней угрозы. Нет стимулов, которые заставляли бы личность совершенствоваться. «Как заставить человека совершенствоваться?» — это вопрос, который СССР не решил и от которого, собственно говоря, и погиб, если брать фундаментальные причины.

Вторая проблема — это отсутствие целевых функций, ведь личность многомерна. С деньгами все просто: прибыль есть — хорошо, убыток — плохо. Это одномерно. А как быть с личностью, у которой много разных параметров? Очень часто бывает, что гений оказывается мерзейшим человеком, а приятнейший, хороший человек оказывается абсолютной посредственностью, совершенно бесполезной для общества. Классический пример — Обломов и Штольц. Советская педагогика пыталась заниматься совершенствованием личности, но быстро скончалась.

В целом мы наблюдаем тенденцию отказа человечества от рыночных отношений. Главным становятся информация и культура, которые принадлежат всему обществу. Попытки заблокировать их при помощи цензуры или патентного права на интеллектуальную собственность проваливаются. Мы видим, что деньги теряют значение — значение приобретают технологии. Мы видим, что человечество уже управляется социальными сетями, которые перерастают в социальные платформы. Люди принимают решения абсолютно свободно, но при этом абсолютно предопределенно, потому что, когда вы находитесь на социальной платформе, вся ваша информационная среда контролируется создателем этой платформы. Уже появился термин «алгоритмические общества» — это общества, которые управляются через формирование разного рода социальных платформ. Там нет насилия, нет принуждения — они не нужны. Просто все, что вы слышите, знаете, на основании чего вы принимаете решения, — все

это толкает вас в нужную сторону. Если в обществе будет сохраняться логика прибыли, то это, понятно, архаизация и новое средневековье, которое быстро перестанет быть компьютерным. Если же целью станет человек, то это очень хорошо, красиво и гуманно звучит, но это абсолютная неопределенность. Мы не знаем, как в такой среде действовать.

На этом фоне достаточно быстро формируются новые конфигурации мира. Экономический кризис никуда не делся и продолжается с конца 1990-х годов вопреки профессиональному оптимизму. Механизм его прост: сложился глобальный рынок, на глобальном рынке сложились монополии, и вот, пожалуйста, — они загнивают. Загнивание глобальных монополий в первую очередь проявляется в нехватке спроса. За спрос дерутся, это абсолютный дефицит. Необычайно интенсивная борьба разрывает глобальный рынок на части. После кризиса 2008 года единственной страной из «Большой двадцатки», которая не усиливала протекционистскую защиту своей экономики, была Россия. Но если вся рота идет не в ногу, а в ногу один поручик, который не понимает слов, то поручика приводят к общему знаменателю. Нас привели к общему знаменателю санкциями, теперь мы тоже шагаем «не в ногу». Впереди нас ждет распад глобальных рынков, а когда они распадутся, мы сорвемся в глобальную депрессию.

На уровне глобального бизнеса, глобального управляющего класса есть две группы. Одна считает, что нужно любой ценой сохранить глобальный рынок, ведь это основа бизнеса и могущества. Другая понимает, что от распада рынков никуда не деться и данным процессом нужно руководить в своих интересах, чтобы потом дирижировать в новом мироустройстве. Борьба между этими двумя группами — это и есть та борьба, которая сейчас идет вокруг Трампа, хотя проект разделения мира вел еще Обама. Формально он был представителем глобалистских сил, которые хотели сохранить единые рынки, но его транстихоокеанское и трансатлантическое партнерства заключались именно в том, чтобы вырезать из мира территорию, контролируемую США, и отгородиться от всех остальных. Уже Обама планировал не просто резкую сегментацию, а действительный распад, глобальный разрыв. Трамп просто сокращает эти масштабы до территории США.

Мы, к сожалению, неприемлемы ни для одной из групп. Люди, которые хотят видеть мир глобальным, считают, что для сохранения американской экономики нужно, чтобы весь мир за нее платил, чтобы весь мир покупал американские госбумаги. Пирамида американских госбумаг устойчива доходности ниже рыночной. Чтобы люди вкладывались в нерыночную доходность, у них должна быть нерыночная мотивация. Понятно, что любовь — это не про рынки, значит, должен быть страх. Следовательно, чтобы люди покупали американские госбумаги, их нужно запугать, а единственный способ запугать серьезных людей — непрерывное расширение зоны хаоса на весь мир. С начала 1990-х годов, с Югославии, стратегия США — это расширение зоны хаоса. Весь мир боится, трясется и несет свои деньги в единственную тихую гавань — Соединенные Штаты Америки.

Мы им напортачили очень здорово: мы остановили расширение хаоса в Сирию, не ввязались в войну на Украине, по крайней мере, пока, и мы не ввязались в войну с Турцией. Надеюсь, что уже. Истерики-скал ненависть к нам Хиллари Клинтон, в общем-то, вполне обоснована, потому что три раза наступить на одну и ту же мозоль — это надо уметь. Поэтому мы абсолютно неприемлемы для тех, кто хочет сохранить глобальные рынки.

Для условных патриотов, которые считают, что глобальные рынки распадутся, мы неприемлемы по другой причине. Отказавшись от Украины, мы вместе с тем отказались от собственного интеграционного проекта. С 2006 года с нами пытались вести переговоры о том, что, мол, ребята, создайте свой макрорегион, потому что чем на большее количество кусков распадется мир, тем нам удобнее. Больше кусков — больше возможностей играть на противоречиях между ними. Условным американским патриотам было нужно, чтобы у нас состоялся свой макрорегион. Отказавшись от Украины, мы отказались и от этого проекта. Мы стали стратегическим тылом Китая, и, пардон, в условиях лютого противостояния между США и Китаем, когда, кем бы ни был представитель американской элиты, он является антикитаистом, кроме Киссинджера, по нам нужно бить, как по тылу Китая. Бить напрямую по Китаю страшно — он серьезный, а по нам бить — одно удовольствие. Таким образом,

крайности, которые воюют друг с другом в США, на наш счет вполне сошлись.

Имеет место также общий шок от нашего непослушания в связи с Крымом. Проблема не в том, что мы с ним воссоединились, а в том, что мы не спросили разрешения у американцев перед этим. Они отвыкли от таких действий, не поняли, что происходит. Насчет первого такого эпизода с Грузией они решили: «ладно, черт с ним». К тому же через месяц случился глобальный экономический кризис, им было не до того, они списали инцидент на случайность. Сейчас выяснилось, что это не случайность, что на территории заводится некий суверенитет, который нужно быстро вычистить.

При этом выявились очень глубокие расхождения в ценностях — наших и западных в целом. Сегодняшние технологии настолько мощны, что могут менять природу человека, и оказалось, что, если ее изменить, то человек и потреблять начинает по-другому. Не просто жить иначе, но и потреблять. Потребляя по-другому, человек открывает новые рынки, а это главная ценность в условиях тотального и лютого дефицита спроса. Здесь-то и возникло глубочайшее расхождение между нами и американцами.

Еще раз: для развития нужны новые рынки, а для их создания необходимо менять человека. При этом западная цивилизация, сформированная в котле капитализма, вместе и одновременно с ним, действительно живет ради прибыли. Если ради прибыли нужно изменить человека, то нет вопросов — какая разница, синей или черной ручкой я пишу, главное, чтобы она писала. Давайте и человека менять.

Но наша цивилизация, оказывается, существует ради человека. У нас человек является ценностью. Мы совершенно не понимаем, что это такое, относимся друг к другу очень плохо, при слове «гуманизм» лихорадочно лезем в «Яндекс» выяснять, что это такое. И тем не менее мы живем ради человека. Менять свою природу ради денег, которые в нашей системе ценностей являются важным, но всего лишь подтверждением правильности наших действий, мы совершенно не готовы. Это расхождение выяснилось по анекдотичному для нас поводу, когда Путин в сентябре 2012 года заявил, что мы не позволим растлевать детей гомосексуальной пропагандой. Для нас это было хи-хи-ха-ха и вполне естественно. Конечно, значительная часть людей,

которая воспитывалась на снижении Березовским возраста согласия до 14 лет, были этим недовольны, но с другой стороны — ладно, подождем до 18 лет, а потом пусть они делают с собой все что хотят.

Для нас это было чем-то самоочевидным, а для Запада это стало декларацией принципиальной ценностной несовместимости, того, что мы другие. А поскольку мы не китайцы и не индусы, мы тоже европейцы, значит, эта альтернативность грозит Западу. У нас почти та же самая культура, и потому возникновение альтернативы означает, что западные ценности не уникальны. Неуникальность ценности обесценивает ее. Если вы признаете, что рядом с вами есть кто-то равноценный, но другой, вы тем самым обесцениваете себя. Запад этого вынести не смог, в чем и заключается фундаментальная причина наших больших неприятностей.

В данной ситуации перед нами открываются хорошие перспективы, но традиционное восприятие, к сожалению, не работает. Практика показывает, что западный бизнес прекрасно распечатывает последнюю природную кладовую, а мы им еще и аплодируем за иностранные инвестиции. Евразийский транзит может пройти по краешку Российской Федерации и Казахстана в Европу, может вообще обойти нас, хотя, конечно, беспорядок в Средней

Азии, в Закавказье, на Ближнем и Среднем Востоке значительно круче любой нашей негативной бюрократии. Мы конвейер по производству самого редкого природного ресурса — гениев и революционеров, но этот ресурс мы так и не научились сохранять у себя. На протяжении всей нашей истории удачные примеры развития заключались в создании особых территорий, где людям давали свободу для самовыражения. Это мог быть монастырь, могла быть тюрьма в виде шарашки, да что угодно — хоть наукоград, лишь бы особая огороженная территория. Но только все, что люди свободно на этой территории придумывали, реализовывалось потом в рамках обычной системы управления — теми, кто неплохо тиражирует, но давит любых творцов.

Время Березовского^[18]

*Истинные — и искренние — жемчужины
либерального мышления и мировосприятия*

Видный либерал Петр Авен, министр внешнеэкономических связей правительства Гайдара, председатель совета директоров «Альфа-банка», издал под названием «Время Березовского» сборник бесед со своими единомышленниками. Отвечая на вопросы Авена о Березовском, либералы разных мастей через призму его личности весьма красочно и убедительно показали свое восприятие этого проклятого для России времени, демографические последствия которого сопоставимы с последствиями гитлеровского нашествия.

Помимо бесчисленного потока привычного в устах либералов бесстыдства, в этом сборнике интервью блеснул целый ряд подлинных жемчужин, представляющихся исключительно ценными с сугубо познавательной точки зрения.

С глубокой и искренней благодарностью к Авену мы предлагаем их вашему любезному вниманию: не по значимости, чтобы не навязывать вам своего видения, а просто по порядку — с минимальными комментариями.

* * *

«К тому времени, когда я стал генеральным директором, ЛогоВАЗ уже существовал несколько лет. И за эти несколько лет накопилось колоссальное количество проблем... Не буду говорить про ситуацию с налогами, которая была просто катастрофической, потому что если копнуть, бюджета Российской Федерации не хватило бы, чтобы заплатить задолженность по налогам».

(Юлий Дубов, один из ближайших друзей Березовского на протяжении длительного времени, стр.172 — яркое свидетельство либерального отношения к налогам даже в то время, когда налоги

были совсем невысоки, и в целом уровня либеральной ответственности по отношению к государству и обществу. Напомню, что Березовский рассматривается в книге не как выродок, а именно как символ, как наиболее полное, яркое и целостное выражение сути своего времени).

* * *

«Власть изменилась. И все, абсолютно все люди бывшего Советского Союза считали, что теперь каждый должен стать миллионером. И деньги должны сыпаться миллионами»

(Марк Шейман, ранее Исмаилов Магомед Ужахович, с 1989 по 1994 г. заместитель по безопасности генерального директора СП ЛогоВАЗ, стр.194 — яркое и точное выражение мироощущения момента сразу после распада СССР, разумеется, не «абсолютно всех людей», а их активной предпринимательской части. Далеко не все представители этой части считали людьми тех, кто не был вовлечен в бизнес.)

* * *

Залоговые «аукционы создали класс по-настоящему богатых людей, концентрация огромных ресурсов в руках которых отныне действительно давала им возможность влиять на судьбу страны. Хотя бы просто потому, что теперь на предприятиях каждого работали сотни тысяч человек. А за успех выборов Ельцина власть чувствовала себя благодарной и обязанной тем же крупнейшим бизнесменам... Начал в полной мере складываться симбиоз бизнеса и власти, определивший наше будущее...»

(Петр Авен, стр.210 — полное, хотя и политкорректное, описание механизма создания олигархии).

* * *

Березовский «видел себя особенным...претендовал на особые права и на политическое влияние; а после 1996-го — в явном виде на управление страной. Если, как он считал, большой бизнес обеспечил победу Ельцина, то естественно и участие его в управлении. И компенсации, типа «Сибнефти» и НТВ, тоже естественны» (Петр Авен, стр.211 — стоит отметить, что это относится не только к Березовскому, но и ко многим из тех, кого автор ему противопоставляет. Просто им хватает ума, такта или простого опыта выражать свои претензии на власть менее откровенно).

** * **

Петр Авен: «В начале 1990-х годов директора и губернаторы были еще старой формации, вообще деньги меньше значили...»

Евгений Швидлер: «[Они] просто думали о том, что хорошо их народу, что хорошо их сотрудникам, — а сотрудников 200 тысяч, а жителей региона — 3 миллиона человек. Этими бытовыми копейками они не марались. И таких было много...»

(Евгений Швидлер, в 1995–2005 — вице-президент, президент «Сибнефти», стр.284 — стоит вспомнить признание бессменного ректора Высшей школы экономики либерала Кузьминова и мужа председателя Банка России Набиуллиной: «Чтобы выдавить «красных директоров»...в начале 1990-х годов... породили класс «малиновых пиджаков», которые благодаря своему животному интересу выдавили предшественников». «Красные директора» — это те самые близкие к святости люди, которыми после их истребления восхищаются либералы Авен и Швидлер, «малиновые пиджаки» — бандиты, «выдавливавшие» этих честных директоров физическим уничтожением, а «порождали» бандитов либералы, как можно понять даже из слов Кузьминова, вполне осознанно).

** * **

«Наш бизнес просто не созрел..., чтобы мы взяли ответственность за свою страну. Каждый преследовал свои

корпоративные интересы на более высоком уровне. Когда все стали богатые, появилось больше инструментов в руках, и все начали друг друга рвать, используя государственный ресурс. Мы теряли лицо перед обществом, в котором живем... Вся страна... понимала, что у бизнеса нет ничего святого. И мы получили... страну... без закона, без права, где есть только установки и понятия. То же самое произошло на Украине — их олигархи разорвали страну. Нет никакого порядочного отношения к своей стране, к своей власти».

(Юрий Шефлер, бизнесмен, живет в Великобритании с 2002 года, когда Генпрокуратура возбудила против него уголовное дело, стр.345 — четкое, хотя и крайне сдержанное описание ситуации 1990-х, воспринимаемых либералами как святое, идеальное время, в которое надо опять запихнуть Россию).

* * *

«У Чубайса всегда была такая позиция, что... он задавал правила, которые предоставляли возможность нечестно играть. С другой стороны, сам он пытался при этом остаться честным.»

(Петр Авен, стр.392 — математически точное описание противоречия, из-за которого сверхуспешная блистательная карьера Чубайса гармонично и без каких бы то ни было видимых потрясений увенчалась полным личным жизненным крахом.)

* * *

«Копеечные гонорары за книжку. По 50 тысяч долларов за брата».

(Петр Авен, стр.397 — о «книжном скандале» 1997 года, из-за которого правительство очистили от Чубайса и части его группы. В полностью нищей благодаря их деятельности, разоренной стране с массово недоедающим населением, пресловутым «русским крестом» — двукратным падением рождаемости и ростом смертности — для жирующих и наслаждающихся этим адом либералов 50 тыс. тогдашних долларов, действительно, были копейками.)

* * *

«Еженедельные совещания в администрации по телевидению — о том, что должны показывать Первый и Второй канал, — начал отнюдь не Березовский и отнюдь не Путин. Их начал проводить Чубайс».

(Петр Авен, стр.415 — истинная правда: еще одна демонстрация того, что в России — да и в мире, наверное, — нет носителей более тоталитарного сознания, чем либералы, и нет более лживых людей, ибо они постоянно и повсеместно отрицают свою тоталитарную природу, обвиняя в ней своих противников.

Но нельзя исключить, что упоминание этого и ряда других фактов, — на фоне умалчивания других фактов в отношении других людей, — аккуратная форма мести Чубайсу за несогласие с Авенем по ряду вопросов, которые будут раскрыты ниже.)

* * *

«По мне, так лучше контроль легитимной власти, чем группы богачеев».

(Петр Авен, стр.416 — едва ли не кощунственная для либерала мысль, но не переживайте: думаю, если уточнить, то «легитимной» властью даже для самого совестливого либерала окажется не та, которую поддерживает народ России, а та, которую признает таковой госдепартамент США как страны базирования основной части глобального бизнеса или власти иной западной страны. Ведь либерал со времен Керенского — это тот, кто считает, что государство должно служить не своему народу, а глобальному бизнесу против своего народа.)

* * *

«...Евгений Максимович был человек совсем не коррумпированный... Поэтому..., безусловно, Примаков — это была большая угроза завоеваниям 90-х.»

(Петр Авен, стр.447 — исчерпывающе точно о коррупционной сущности как «завоеваний 90-х», так и поклоняющихся этому времени либералов).

* * *

«Березовский держался на аморальности общества в целом. На том, что никакие нормы не являются незыблемыми, все является вопросом переговоров».

(Михаил Фридман, председатель наблюдательного совета «Альфа-Групп», стр.452 — точнее, не общества, а «власти»: но олигархи, по-видимому, и воспринимают как «общество» то, что для народа является «властью». И сказанное относится и к большинству либералов: Березовский был просто наиболее ярким и полным выражением общей тенденции, о чем, собственно, и написана вся книга Авена.)

* * *

Демьян Кудрявцев, в 2006–2012 генеральный директор ИД «Коммерсант»: — [В 1996 году, после 1990 года в Москве поразило] странное ощущение постоянного риска, постоянного страха, огромного количества никогда не виданных мною советских бедных людей, которых я замечал, в отличие от тех, кто жил здесь в 1991-м и 1993-м. С их точки зрения, бабушек, которые торгуют вязаными носками у метро, к 1996 году даже стало меньше. А я сравнивал с 1988-м, например, и сам тот факт, что они были, все время заставлял меня оборачиваться.

Петр Авен: — На самом деле в 1988 году было еще беднее, просто бабушек гоняли с улиц.

Демьян Кудрявцев: — ...Моя бабушка получала пенсию-28 рублей... С другой стороны, совершенно все было можно. Когда никаких правил нет...кроме первых трех заповедей ничего тебя не интересует. Я не говорю "десяти".

(Стр. 456. Для понимания морального облика российских либералов 90-х стоит напомнить эти три заповеди, которые единственные действовали для Кудрявцева, — и далеко не только для него одного (заповеди общие для иудаизма и христианства): «да не будет у тебя других богов», «не сотвори себе кумира», «не произноси имени Господа всуе». «Почитай отца твоего и мать твою» — пятая, «Не убий» — шестая, «не укради» — восьмая, «не произноси ложного свидетельства» (то есть не клеветчи) «на ближнего своего» — девятая. Даже «чти субботу» (у христиан воскресенье) — четвертая.

Таким образом, либералы с ностальгией и восторгом вспоминают 1990-е годы в том числе потому, что в то время вполне искренне считали (по крайней мере, некоторые из них) себя вправе убивать, красть, клеветать и пренебрегать родителями, — оставаясь при этом в своих глазах глубоко верующими и моральными людьми.

Ощущение разлитого в воздухе в 1990-е страха и неуверенности передано Кудрявцевым фотографически точно. Какую жизнь прожила его бабушка, что на излете Советской власти ее пенсия была 28 руб./мес., было бы интересно узнать (скажем, моя мама, не выработавшая полностью необходимый трудовой стаж из-за моих болезней и работавшая младшим научным сотрудником с небольшой зарплатой, получала пенсию в 94 рубля, что было даже с учетом лекарств достаточно для скромной, но вполне нормальной жизни даже в 1990 году, уже после краха потребительского рынка СССР), — но жизни бывают разные.

А вот фраза Авена о том, что в 1988 году люди жили беднее, чем в 1996, — прямая, явная и по-либеральному любующаяся своей наглостью ложь. Возможно, он бессознательно переносит на бабушек свою биографию: он действительно жил в 1988 году значительно беднее, чем в 1996, когда 50 тыс. долл. были для него «копейками», и думает, что так было со всей страной.

Бедные и даже нищие, конечно, были и при Советской власти, — однако их было мало, и крошечную нищету, которой грохнули по стране Авен и его либеральные поделники, никто не мог вообразить не только в 1988, но даже и после 1 июля 1991, когда уже заморозили вклады в Сбербанке. В 1988 году торговать на улицах было нельзя просто потому, что «бабушек», не выживших бы без этого, было исключительно мало. А в 1992 году Гайдар и его команда поставили на

грань выживания почти весь народ. Просто либералы отлично заработали на этом, — и до сих пор, прикрываясь по-западному бредовыми мантрами в стиле «дела Скрипалей», не хотят даже думать о чудовищных муках, на которые они обрекли десятки миллионов людей, и об уничтожении, на которое они обрекли миллионы.)

* * *

«Однажды Потанин и Фридман вошли в столовую, и люди начали вставать при появлении Потанина. Потанин сказал Фридману: «Они должны чувствовать мою биологическую исключительность»».

(Петр Авен, стр.472 — это характерно для российских реформаторов. Авен уточняет: «Человек, который это сказал, в принципе не может быть либералом», — явно имея в виду либералов времен Вольтера, а не времен Березовского, потому что с другим отношением к людям невозможно уничтожать их так, как делали и делают это своей политикой российские либералы. Сейчас столь же современное либеральное отношение к, например, детям «простолюдинов» демонстрирует новая икона либерального клана К.Собчак.)

* * *

«Беспринципность, возведенная в принцип, — это вот он [Березовский]».

(Евгений Швидлер, стр.703 — и то же, пусть и в меньшей степени, можно сказать и обо всем либеральном клане в целом. Исключений — и по отдельно взятым людям, и по отдельно взятым принципам, — не так уж и много. Березовский лишь гротескно, предельно выпукло обозначил главные свойства либерального клана.)

* * *

«У нас модель российская, она не может быть американской. Потому что нам на тысячу лет больше, потому что Россия в другом месте расположена и имеет другую историю. И не надо считать, что у нас должно быть так же, как их взаимоотношения между CNN и NBC: эти поют за демократов, а эти за республиканцев. Нет. У нас по-другому».

(Анатолий Чубайс — человек, который своей личностью дискредитирует любые истины, которые произносит; вполне как Березовский компрометировал патриотизм и демократию своими пламенными патриотическими и демократическими статьями из Лондона. Стр.712).

* * *

«Мы были не по размеру той задачи, за которую взялись».

(Анатолий Чубайс, стр.715.Но, думаю, если у него появится шанс еще раз взяться за уничтожение страны, этот человек его не упустит.)

* * *

«Для меня идеология о том, что свобода больше родины и что родина — это не территория, — не обсуждается...»

(Петр Авен, стр.717 — и из разговора дальше следует, что, если люди его страны не согласны с Авеном, то тот их будет перевоспитывать, априори считая несогласных и инакомыслящих «вертухаями лагерей» и не интересуясь их мнением. Судя по тону его беседы с Чубайсом, выглядящим на его фоне относительным гуманистом, не поддающиеся принудительному перевоспитанию подлежат для Авена уничтожению, как насекомые, — и при этом он без тени сомнения, вполне искренне считает себя гуманистом и демократом, либералом в стиле Вольтера!)

* * *

«Березовский заказал убийство Юлии Владимировны Тимошенко... Эту информацию... я получил... из генеральной прокуратуры Украины».

(Станислав Белковский, политолог, стр.749 — Белковский, разумеется, не настаивает на точности этой информации, но, судя по контексту разговора, не сомневается в ней. И, зная это, он продолжал общаться с Березовским и учиться у него. Хотя, с другой стороны, если даже для чувствующих себя высокоморальными верующими либералов действительны только три первые заповеди, — в чем проблема?)

«В 90-е меня едва не уволили за слова «национальные интересы России»

Гость «Антикризисного клуба» «БИЗНЕС Online» о своей работе в Кремле и правительстве с Ельциным, Немцовым, Примаковым и Касьяновым ^[19]

«Если вы хотите что-то сделать, то вам к Березовскому, но могут убить», — так когда-то консультировал Бориса Немцова его тогдашний советник Михаил Делягин. В интервью он впервые подробно рассказал, как начинал свою карьеру в 90-е в группе экспертов Ельцина, как, работая у главы МВД Куликова, мечтал посадить всех либералов и за что Путин прогнал Касьянова.

— Михаил Геннадьевич, я помню, как в одном из ваших старых интервью вы признавались, что в 1990 году были вполне «правоверным либералом», а разочарование в либерализме пришло к вам несколько позже. Более того, США вы тогда воспринимали примерно так, как жители Европы в 1945 году советскую армию, — как освободителей.

— В среде демократической интеллигенции, в которой я варился, такое чувство действительно было распространено. Нельзя сказать, чтобы его испытывало большинство, однако оно было очень заметным и очень интенсивно пропагандировалось, в том числе самим ельцинским государством.

Студенческая среда на экономическом факультете МГУ, где я учился с 1985 года, была очень разнородной. Там были и ребята-рабфаковцы, которые на жизнь смотрели уже очень рационально и трезво. Были карьеристы. Но была и романтическая молодежь, — пару раз ребята приходили на лекции после митингов с головами, перебинтованными окровавленным бинтом. Были выходцы из национальных республик, включая Прибалтику.

— Со стороны прибалтов уже ощущалось негативное отношение к русским?

— Нет, русофобию тогда у нас невозможно было себе представить. В общении они выглядели вполне нормальными. Но помню, как прибалтийская девушка делилась своей проблемой: «Я связалась с русским — и зачем? И что мне теперь с этим делать?»

Тогда это казалось легкой эпатажной шуткой, но потом события показали, что это была совсем не шутка: у нее дома это уже было неприемлемым.

В ноябре, по-моему, 1987 года я приехал в Москву в отпуск из армии (служил с 1986 по 1988 год — *прим. ред.*) и написал открытое письмо в защиту только что попавшего тогда в опалу Бориса Ельцина. Народ это письмо с удовольствием подписывал, после чего оно ушло по назначению. Я уехал обратно в армию, и тут начался цирк: на факультете стали искать организатора. Собрали у всех студентов образцы почерка и поняли, что никто из них этого письма не писал: имело место загадочное внешнее воздействие. Стали трясти людей, но меня не выдал ни один человек из двух-трех групп как минимум! Ни один из нескольких десятков, большинству которых я был совершенно безразличен! Если бы выдали, меня точно бы отчислили задним числом. Так ребята, подготовившие аналогичное письмо на истфаке, вылетели из МГУ с «волчьим билетом».

— Судя по вашей официальной биографии, в околуправительственные круги вас ввел ваш научный руководитель в университете Игорь Нит.

— На третьем курсе я написал у Игоря Васильевича Нита исследование советских монополий. Действительно хорошая работа: придумал, как оценивать показатели советских монополий, по открытым источникам классифицировал их, выявил и проанализировал их конкуренцию, причем даже в динамике, и объяснил эту динамику. Теорию административного рынка я тогда не знал, но описал его значимый фрагмент, причем даже количественно. Как раз когда я над ней корпел, к нам на факультет приехал Лев Суханов, помощник Ельцина, трепетно выступал, предлагал сотрудничать и записываться в сторонники. Но мне было лень, и я не пошел записываться. А вот Игорь Васильевич пошел и записался, и в итоге стал самым первым помощником Ельцина по экономике. Когда Ниту понадобились люди для работы, в июле 1990 года он набрал своих аспирантов и одного студента — меня, за хорошую курсовую работу.

Борис Ельцин в тот момент был председателем Верховного Совета РСФСР, и Нит возглавлял группу его экспертов. Во всем аппарате Ельцина, включая охрану, было тогда 27 человек. Правда, нас

на двух или трех ставках было семь человек — может, с другими ставками была та же история.

Общение с журналистами было категорически запрещено: тот, о ком из нас узнали бы журналисты, был бы уволен сразу. Потом это смягчилось, так что, когда в декабре у меня вышла первая статья, я с трудом, но удержался на работе...

С самим Ельциным я не сталкивался, напрямую с ним общался Игорь Васильевич. Один раз был на его встрече с Геннадием Бурбулисом.

Будучи студентом, я сначала был в экспертной группе техническим сотрудником — «подай, принеси». Но учился и читал все, что носил: с точки зрения изучения экономики, да еще после армейского опыта, это был лучший университет. Демократическая научная атмосфера позволяла слушать дискуссии старших и участвовать в них, а огромный объем работы заставлял давать ее всем, кто был надежен и теоретически мог справиться. Меня быстро посадили на изучение писем граждан, шедших огромным потоком, их сортировку, извлечение из них ценных идей и важных проблем, ответы на них. Затем стали доверять и составление бумаг — вплоть до участия в подготовке разгромной рецензии на программу Григория Явлинского «500 дней» (программа перехода от плановой экономики СССР к рыночной экономике, разработанная Явлинским и Шаталиным — *прим. ред.*). Вначале предлагалась программа «400 дней», которую пытались двигать через директора кирпичного завода Михаила Бочарова (был такой широко известный тогда «прораб перестройки»), потом Явлинский дописал последние 100 дней — описание всеобщего счастья после реализации программы — и стал двигать ее уже от своего имени. Основной причиной отказа от программы было противоборство союзных и российских властей — Горбачева и Николая Ивановича Рыжкова с Ельциным, — но и наше отрицательное заключение сыграло тогда свою роль. И было не очень забавно, когда либеральные реформаторы, работавшие на Явлинского, написали на нас в «Аргументах и фактах» коллективный пафосный донос в стиле 1937 года. Из всех его соавторов перед Игорем Васильевичем потом извинился, по-моему, только Евгений Григорьевич Ясин — при том, что они были идеологическими и даже житейскими антагонистами.

— От чего, как вы думаете, вам тогда удалось уберечь Россию, блокировав программу Явлинского?

— От экономического и политического краха страны, который наступил бы на год раньше. Но не факт, что «500 дней» были бы реализованы, даже если власти захотели бы претворить их в жизнь: программа была слишком безумной, причем безумной откровенно. Тогда, осенью 1990 года, государственность все-таки еще существовала. Гайдар стал возможен лишь тогда, когда государство было уничтожено, и любые сложные действия стали уже невозможными. А в 1990 году безумие еще представлялось нереальным, и все еще видели, что это безумие. Мы — в качестве не главного, но все равно важного фактора — остановили программу Явлинского и этим спасли хотя бы год жизни для людей.

— Это был последний год жизни СССР. Распад Советского Союза вы встретили, будучи в ельцинской экспертной группе?

— Да, я даже был еще студентом (МГУ Делягин закончил с отличием в 1992 году — прим. ред.). Мы видели, что советская система умирает, что она обречена. Потребительский рынок Союза рухнул в ноябре 1987 года: из армии я вернулся в другую страну. Но было ощущение огромных возможностей, мы действительно имели влияние и остановили много глупостей. А стрельба пошла позже. Было ощущение, что старый мир кончается, и была надежда, что получится создать новый мир лучше старого. Советская бюрократия показала полную недееспособность. ГКЧП стало символом этого. Люди, которые взяли власть, чтобы провести пресс-конференцию и оказаться на ней посмешищами, а потом броситься спасаться к вроде бы отстраненному ими же от власти Горбачеву, свидетельствовали об этом вопреки своей воле, самым своим поведением. Было ясно: советская система умерла. Я не понимал тогда важных деталей и того, как горбачевская партийная номенклатура убивала Советской Союз, я не видел столкновения КГБ с КПСС. Но, принося до ГКЧП документы на Старую площадь (комплекс зданий ЦК КПСС), я общался там с теми, кого уничижительно именовали «партократами». И видел, что это милые, приятные, добрые люди, которые страшно боятся обидеть народ, — и которые совершенно беспомощны и могут только разводить руками и бормотать что-то несуразное. Умирало то, что не могло жить.

Мы тогда были совершенно романтично настроены. Группа Нита еще в конце 1980-х участвовала в подготовке регионального хозрасчета, я подрабатывал в их проектах, это было совершенно официально. Помню, как мои товарищи ездили в Азербайджан и куда-то еще, и представить себе, что из этого вырастет распад страны, тогда было невозможно. Но сразу после распада Союза ощущение его враждебности было абсолютным. Показательный случай: в середине 1992 года обсуждался какой-то проект, высказывались мнения за и против, и один из нас категорично заявил, что проект «будет экономическим возрождением Советского Союза». Это был приговор — он означал, что проект нельзя продвигать ни при каких обстоятельствах. Но мироощущение изменилась быстро: уже году в 1994-м, еще до войны, я чуть не сцепился в очереди в Сбербанк с каким-то ухоженным азербайджанцем — и вдруг он сказал что-то хорошее про Союз. И мы сразу почувствовали себя братьями. Тезис о необходимости «реинтеграции постсоветского пространства с участием России» я вбросил в медиа где-то во второй половине 1995-го — и не был наказан.

Но вначале романтизм был сильный. Еще при Советской власти, в 1991 году, когда все уже рушилось, при мне обсуждали, что депутаты Верховного Совета РСФСР получают квартиры. Это было шоком: «Как же так? Мы строим демократию — какие могут быть привилегии?» Мы были очень нетипичным элементом в госсистеме. Служебной машины на группу экспертов не предоставляли никогда. Над теми, кто пользовался «членовозами», все откровенно глумились. У кого были автомобили, ездили на своих. Один из наших руководителей, Павел Медведев (экс-депутат Госдумы пяти созывов и экс-финансовый омбудсмен — *прим. ред.*), даже как-то подвозил Ельцина на личной машине. А о том, что можно отдохнуть в санатории, я узнал только году в 1994-м уже на другой работе. Да, можно было по льготным условиям, по списку и с небольшой очередью купить продукты. Рабочий день был ненормированный, помню, как-то ночью все страшно проголодались, а купить еду было уже негде, и какая-то женщина буквально со слезами отдала ораве мужиков пачку сосисок. На каждого пришлось по половине, мы съели их сырыми. Зарплата была поначалу хорошей — я получал одну пятую ставки, 110 рублей, для студента со стипендией в 40 рублей это были

огромные деньги. Конечно, те, кто начинал бизнес, порой зарабатывали десятки тысяч, но в их мире уже начинали постреливать. А здесь было государство, здесь ты определял будущее мира и своих близких. Мысль, что можно ездить не на метро или троллейбусе, просто физически отсутствовала.

— *В 1993 году вы ушли из группы экспертов по идеологическим соображениям или по каким-то иным причинам? Ведь к тому времени вы числились уже главным специалистом?*

— Группу потихонечку отодвигали, ее влияние заканчивалось. С другой стороны, в стране была уже абсолютная нищета, а я окончил университет и понимал, что нужно кормить себя и маму. Можно было продолжать нищую жизнь, но при этом надо было понимать, ради чего. Цели уже не было, и я пошел в малый бизнес.

— *Фирма «Коминвест»?*

— Да, это была посредническая контора. Я вначале ушел в отпуск на основной работе, чтобы посмотреть, что это такое — малый бизнес. Из отпуска я вернулся в ноябре — как раз расстреляли Белый дом, я был при его расстреле, при мне погибали люди, мой сослуживец спасся от пулеметов в «Останкино». Все казалось безысходным, надежды кончились, и я уволился.

— *То есть в политике постреливали, как и в бизнесе. А там, куда вы ушли, как обстояли дела?*

— Там было понятно. Да, иногда приходилось общаться с людьми, сильно пугающими, но при этом были представления о правилах. Пока говоришь «нет» при серьезных людях — ты живой. Сказал «да» — возникли обязательства.

Я спокойно работал, но где-то в апреле 1994 года, когда пробежал по делам мимо Старой площади, меня чуть ли не за галстук поймал Ясин: «Чем занимаешься?» Я объяснил. «Не хочешь вернуться на госслужбу?» — «А сколько платят?» Ясин спросил, сколько я получаю в долларах. Я ответил. Он пообещал: «Ровно столько же, но в рублях».

Коммерция была эмоционально насыщенным, но после армии и работы в Кремле — довольно скучным занятием, и перспектив видно не было. Малый бизнес в классическом понимании умер через несколько месяцев после моего ухода. А я в мае 1994 года вышел на работу в Аналитический центр при администрации президента РФ — на Старой площади.

Ясин меня ценил как человека, способного писать и думать, и помогал очень сильно. Он мудрый человек; надеюсь, кое-чему у него научился. Когда он уходил на должность министра экономики РФ, обещал забрать меня на хорошую позицию, но потом не срослось, и он предложил работу на ступеньку ниже. Мне в принципе было все равно, я исследовал агонизирующую под руками страну, но, воспитанный коммерцией и армией, ухудшения согласованных условий принять не мог.

Помню «черный вторник» октября 1994 года. Хотели сделать девальвацию на 20 процентов, поддержав экономику, но, поскольку почти каждый кристально честный реформатор слил информацию всем своим банкирам, то вместо 20 процентов получилось 38. Тогда слетели почти все реформаторы, в отставку отправили председателя Центробанка Виктора Владимировича Геращенко. Ушел Шохин, а Чубайс стал первым вице-премьером. До этого он был главой Госкомимущества — это была значимая должность, но не ключевая. Так, бегал по коридорам с тощей шеей. А став первым вице-премьером, превратился в крупную политическую фигуру, наиболее высокопоставленного либерала. Думаю, Ясин уговаривал тогдашнего премьера Виктора Черномырдина назначить Чубайса не менее трех дней. Когда он возвращался в кабинет, казалось, на нем даже пиджак был мокрым.

— Почему, кстати, этот выходец из ленинградского клуба «Перестройка», Анатолий Чубайс, получил такой вертикальный старт в Москве? Что этому способствовало?

— До клуба «Перестройка» товарищ Чубайс вступил в КПСС — то ли в 22 года, то ли в 25 (в 1977 году, по одним данным, по другим — в 1980-м — прим. ред.). Интеллекту вступить в партию было крайне сложно, в Питере — особенно. Но у Чубайса это получилось легко. По очень простой причине. Юрий Андропов готовил проект по переводу Советского Союза на рыночные рельсы и лишению КПСС власти. Многоуровневый проект включал в себя подготовку кадров. И в плеяду молодых экономистов Чубайс вошел в первых рядах. В первом призыве участвовал в работе Международного института прикладного системного анализа под Веной (International Institute for Applied Systems Analysis, — прим. ред.) Там были Петр Авен, Егор Гайдар и многие другие. Чуть меньше половины из них отсеялась, а половина

составила первую команду будущих реформаторов. Гайдара, кстати, взяли уже после смерти Андропова, потому что никогда при Андропове его не взяли бы в эту команду по его морально-волевым качествам. Что касается Чубайса, то он, как ее член, уже где-то в конце 1983 года был «в обойме» Политбюро, участвовал в подготовке знаменитого доклада, из которого потом выросли горбачевские реформы. Это и обеспечило ему хороший старт в Москве. Плюс он всегда умел организовать процесс так, чтобы этот процесс приносил прибыль какой-то группе людей. Она спланировалась вокруг прибыли и признавала Чубайса, которому всем была обязана, своим сюзереном, становилась его политической опорой. Так он проводил успешную часть своих реформ.

— *Вас окружали носители многих ярких, хотя неоднозначных имен. Кого еще можете вспомнить?*

— Из всех, с кем я работал, тусклыми были только Урнов (известный либерал, до сих пор преподает в ВШЭ) и еще один, уже умерший чиновник. На Урнова недавно даже его студенты написали жалобу, потому что он их довел своим либерализмом и русофобией. В 1995 году он едва меня не уволил за словосочетание «национальные интересы России». Правда, это действительно было большим криминалом, я просто этого не понимал.

У министра внутренних дел и вице-премьера Анатолия Сергеевича Куликова я работал советником по макроэкономике месяца три.

— *Это было для вас повышением, насколько я понимаю.*

— Было гораздо меньше ответственности, чем в группе экспертов и тем более в армии. А в качестве советника люди ко мне прислушивались, но решения принимались без моего прямого воздействия. Я готовил документы, докладывал ситуацию, а дальше учитывались другие факторы, которые я как экономист тогда понимал мало. Смысл работы у Куликова был прост: надеялся помочь посадить либералов — если не Чубайса, то хотя бы Альфреда Коха.

— *Вы полагаете, что власть Куликова могла позволить ему сделать это?*

— Была такая надежда. Он был командующим объединенной группировкой войск в Чечне во время «первой чеченской», и видел, что такое либерализм, не на примере нищеты и мелкой преступности, а

на примере вспоротых животов. Я знал, что, в отличие от меня, он видел настоящее лицо либерализма. При этом у него было четкое юридическое сознание: он понимал, что красть нехорошо. Этим люди в его окружении сильно отличались от моего прежнего окружения как экономиста и демократа.

Куликов не стеснялся расспрашивать. Так и говорил: «Я в том-то и том-то ничего не понимаю, рассказывай, как для дурака». Но при этом усваивал все сразу, а многое и знал очень хорошо — то ли себя проверял, то ли меня. Когда я понял, что даже Коха посадить не удастся, ушел к Немцову.

— *Но Немцов (Царствие ему Небесное) — это не просто либерал, а либеральный «принц», полуофициальный преемник Ельцина.*

— Я не понимал тогда политической ситуации, да она и была еще неопределенной. Лето 1997 года, в Белом доме появился новый человек из провинции, ставший первым вице-премьером. Он воспринимался как преемник Ельцина. Помню, пришел в его приемную и попросился к начальнику секретариата Крестьянину. Ему доложили — он, мягко говоря, удивился. Я просидел в приемной целый день, пока начальник все-таки не решил, что разобраться нужно, раз не уходит этот странный человек. Крестьянинов оказался очень интеллигентным и вежливым.

Я объяснил: «Вы здесь новенькие, а я старенький, с 1990 года. Если вам нужен проводник, который объяснит неписанные правила, — готов помочь. А нет так нет». Так я стал советником у Немцова.

Кстати, Немцов — мы с ним общались всего раза три за полтора года — сделал меня политологом. Сказал: «Разъясни, как у вас тут в Москве все устроено, как здесь решения принимаются». А я никогда об этом не задумывался прежде. Стал анализировать — понял, что решения принимаются экономически неправильно и безграмотно, и это не ошибка, а система. Готовя доклад Немцову, выявил и «размотал» оба клана, сложившиеся во власти и до сих пор определяющие ее структуру, и подробно их описал. Доклад получился страниц на 60 с чем-то. Открытия были таковы, что пришлось стереть его с компьютера и оставить единственный экземпляр.

Анализ интересов, мотивов и личных связей тогдашнего руководства страны вышел слишком подробным, за такое тогда можно было даже не сесть. Клань были тогда персонализированы Чубайсом и

Березовским, и логика выбора была простой: «Если вы хотите что-то делать, то вам к Березовскому, потому что там степеней свободы значительно больше. Но если что, вас могут убить. А у Чубайса „поводок“ очень короткий, потому что он жестко ориентирован на Запад, и там все определяют стратегические интересы Запада. Но зато Чубайс серьезно не накажет. Так что, если про дело, то к Березовскому, а если про безопасность, то к Чубайсу».

Я полагал, что личностный уровень Немцова соответствовал его статусу, и советовал выбрать Березовского — ради возможностей повлиять на страну.

Передал ему текст через начальника секретариата, его прочитало все немцовское окружение и в ступоре стало ждать реакции шефа. А тот, похоже, изумился такой откровенности не меньше. И в конце концов выдал фразу, которая до сих пор является одной из самых высоких оценок в моей жизни: «Автор во многом не прав». Он признал правоту фактов и логики, но сделал ровно противоположный выбор, нежели тот, который напрашивался из доклада: выбрал Чубайса. Думаю, сыграли свою роль и личные вкусы. Потому что лично общаться с Березовским было предельно неприятно и страшно. А с Чубайсом, если вы ведете себя нормально и не нарушаете его правила, — одно удовольствие. Только дело, и ничего кроме. Какое дело — другой вопрос. Уже потом я узнал, что, будучи губернатором Нижегородской области, Немцов должен был с американскими советниками ликвидировать всю промышленность этого хозяйственного сердца России. К счастью, не справился с этим из-за своего раздолбайства, а его американские советники сели почти все за расхищение денег налогоплательщиков США...

— *Реально сели?*

— Да. Формально — за расхищение денег, а по сути — за неисполнение задачи по уничтожению нижегородской промышленности. Немцову идеологически был близок Чубайс, потому что у того была идеология, а у Березовского ее не было.

В силу идейной чуждости и легкого отношения Немцова к своим обязанностям моя нагрузка была такой, что я написал докторскую диссертацию и успел ее защитить. Я писал справки о макроэкономической ситуации, другие документы, но часто случалось, что просто нечего было делать. И тогда еще оставалась свобода

общения с журналистами. И надо же было такому случиться, что где-то в начале июля 1998 года (как раз Чубайс получил от МВФ \$15 миллиардов, хотя в реальности \$4,8 миллиарда как первый транш) ОРТ брало у меня интервью для программы «Время». Что-то меня дернуло, и я стал полностью подражать ельцинской мимике, жестам и интонациям. И, подражая, объяснил, что кризис у нас не краткосрочный, а среднесрочный, и этот кредит не решит наших проблем, а только ненадолго их отложит. «А если кто-то утверждает по-другому, то он человек либо крайне безграмотный, либо крайне безответственный, либо и то и другое вместе».

А ровно за день до этого на том же самом месте и перед той же съемочной группой Чубайс на те же самые вопросы дал прямо противоположные ответы. Обиделся, впрочем, не он, а начальник секретариата премьера. Он, помнится, мог в нетрезвом виде выйти из кабинета в приемную в семейных трусах. В результате меня попросили «на выход» — «за антиправительственную пропаганду». Законы я знал и затянул увольнение на полтора месяца.

Дальше все было очень забавно: уволили меня в пятницу, а в понедельник 17 августа 1998 года грянул дефолт. Так было второй раз: в августе 1995 года я договорился с инвесторами о создании большого аналитического центра, и были под это найдены деньги, но потом случился первый банковский кризис. Помню: прихожу за деньгами, а у них на столе большая кучка из золотых часов, запонок, драгоценностей — они собирали личное имущество и прикидывали, смогут закрыть «дыру» в своей банке или не смогут. Еще и с меня попытались «стрясти».

И в дефолт случилось то же самое: я пришел в понедельник за первым траншем, а из сейфа вместо денег достали бутылку и налили мне полстакана. Я спросил: «А деньги?» Мне говорят: «Ты что, новостей не слышал?» Но еще стакан я с них все же стряс. Так завершилась моя работа у Немцова.

— *Трудовую книжку хотя бы взяли?*

— Нет, потому что хотел оставить у себя удостоверение, по которому пускали и в Госдуму, и в Кремль. И благодаря этому был в зале Госдумы, когда перепуганные депутаты проголосовали за невзрачного пожилого Примакова — и атмосфера в зале изменилась в ту же минуту.

Надо сказать, Немцов предлагал остаться: «В моем секретариате оставить не могу, а в аппарат правительства — пожалуйста». Но это была чисто техническая работа «в чужом пиру», я с благодарностью отказался.

Все руководители, независимо от их идеологии, относились ко мне хорошо. Я порой вел себя не очень вежливо, но это не имело последствий. Тому же Немцову я был идеологически враждебен, и тем не менее он предлагал мне работу, хотя я его подставил и выступил против Чубайса, стороне которого он всецело принадлежал.

Еще в 1997 году я написал книгу «Экономика неплатежей». Кстати, до Куликова больше полугода работал референтом помощника президента РФ по экономическим вопросам Сергея Игнатьева — перед Набиуллиной он руководил Банком России. Когда-после сохранения Ельцина у власти в 1996 году Чубайс возглавил президентскую администрацию, я, как лицо из «старой гвардии», явно подлежал увольнению. Меня спасло то, что большинство демократов, когда их на собеседовании замглавы администрации спрашивал, что они делают в администрации и зачем, в чем состоят их обязанности, просто не понимали смысла вопроса. А я дал четкий, понятный и развернутый ответ, и стало ясно: это хороший технический сотрудник, которого можно к чему-то полезному приспособить. И приспособили: Игнатьев как раз пришел на смену Лившицу, а тот поставил условием, чтобы его преемника не пускали к Ельцину. То есть реальных возможностей у Игнатьева не было. В его аппарате (человек пять было) я встретил людей, с которыми начинал у Нита. Они, в отличие от меня, никуда не уходили. Тогдашний заместитель Чубайса Максим Бойко взял с меня слово не писать статьи, и я, как человек дисциплинированный, вместо статей написал книгу — «Экономику неплатежей».

Выпустил я ее на свои деньги, она тихонечко разошлась по аппарату и сформировала репутацию. Книга была абсолютно откровенна и непримирима по отношению к либерализму и, что тогда было совершенно новым, давала комплексное описание экономической ситуации. Мысль о том, что либералы — это бандиты, там не маскировалась. Описывалась ситуация в армии, которая была чудовищной, описывалось падение уровня жизни. При этом я не приводил цитаты из людских писем, которые мне доводилось читать, но передавал общее ощущение от этих «писем из Освенцима».

— *Что это были за письма?*

— Люди писали Ельцину: «Нам плохо, мы умираем». Застрелился директор Саровского ядерного центра. Помню отчет о причине его самоубийства. Помню решения судов, напечатанные на обороте использованной бумаги, потому что другой бумаги у судов не было.

Вначале я благодаря «Экономике неплатежей» и рекомендации газеты «Завтра» оказался у Куликова, а в осень 1998 года попал в качестве советника к первому зампреду правительства Юрию Дмитриевичу Маслюкову.

Он успел побывать последним председателем Госплана СССР, первым зампредом Совмина Союза, председателем Военно-промышленной комиссии — и вполне вписался в новые рыночные отношения. Как все советские руководители, Юрий Дмитриевич умел разговаривать с людьми. Когда я пришел к нему, он сказал: «Вот вы такой либеральный, такой передовой и современный...» В его устах это прозвучало большой похвалой, я просто растекся от удовольствия — и тут он меня припечатал: «И почему же вы хотите поработать с таким человеком, как я?» Я растерялся и пробормотал правду: «Ну если есть возможность поприносить пользу Родине, почему бы ее не поприносить?» Он подумал и ответил: «Сложно возразить».

С Маслюковым я проработал до конца правительства Евгения Примакова, а потом перешел с повышением, став заместителем руководителя секретариата, к Николаю Емельяновичу Аксененко, тогда — первому вице-премьеру и министру путей сообщения. Короткое время он считался преемником Ельцина.

Аксененко был настоящий «сталинский нарком». Он начинал работать, по-моему, в 6:30 утра, быстро решал вопросы МПС и с 8:00 брался за дела правительства. Я был на очень хорошем счету, и поэтому мне было разрешено приезжать на работу не к 8:00, когда собирался весь аппарат, а к 8:30. Это был достаточно жесткий руководитель, иногда — бестолково жесткий, и его именем можно было делать все что угодно. Прекрасно помню, как почти ничего нельзя было добиться, работая у Немцова. Приходилось быть очень вежливым и настойчивым, изобретать разного рода комбинации. Здесь же все двери распахивались сами — и в ужасе. Когда я от имени Николая Емельяновича запрашивал какую-то информацию, никто даже не врал. Обычно ведь как бывает: первый ответ на ваш вопрос — это

откровенное вранье. Здесь даже нет злого умысла, это просто проверка: а обладает ли спрашивающий знаниями, заслуживает ли он того, чтобы знать правду? В аппарате это было нормально. Но мне, как заместителю руководителя секретариата Аксененко, даже не ввали. Потому что одно это имя наводило на госаппарат реальный ужас. Как-то выяснилось, что замминистра финансов не выполнил какого-то поручения Маслюкова. И пока тот оправдывался, что правительство-де ушло в отставку и все сменились, Николай Емельянович ему очень внятно объяснил, что это неважно, а поручения первого вице-премьера надо выполнять вне зависимости от того, как его зовут и работает он или нет. И человека прямо с совещания отправили в больницу на скорой, а вовсе не в медпункт.

Это была жесткая манера, это было удобно и эффективно, и, пока вы работали нормально, Аксененко был изумительно вежлив. Но потом я увидел, что у этой эффективности нет стратегической перспективы. Он был вместе с Адамовым и Чубайсом менеджером, который был сильнее государства, и в государстве не оказалось никого, кто мог бы ставить ему стратегические задачи. Он прекрасно решал локальные задачи, а стратегии у него не было. Я видел это на массе деталей и, когда они сложились в пазл, встал, извинился и уволился.

— *Дальше судьба вас сводит непосредственно с Евгением Максимовичем Примаковым.*

— Не сразу. В 1999 году я немного позанимался политикой. Была такая забавная партия «Духовное наследие». Когда за две недели они не смогли поставить телефон на стол (не потому, что его не было, он был физически, а следовало удлинить провод на 2 метра до моего стола), я понял, что перспектив у партии нет, и простился очень вежливо. Оказался втупике и не знал, что дальше делать, но тут ко мне обратился тогдашний советник Примакова Сергей Александрович Караганов и спросил, не хочу ли я поработать у Евгения Максимовича. Это была мечта: Примаков уже был легендой, а доклад СВР под его редакцией о конкуренции Запада с Россией я с восторгом читал еще в 1993 году. Он и его окружение много сделали для того, чтобы дать понять: Запад недобросовестен в своих обязательствах перед

Россией (я говорю о службе внешней разведки, которую Примаков возглавлял до 1996 года, и о МИДе). И Ясин увлекался ситуационным анализом — это специфический механизм организации экспертной

деятельности, разработанный Евгением Максимовичем. Поэтому новое предложение я воспринял как невероятную честь. А дальше была избирательная кампания, и в ней я был советником Примакова как руководителя движения «Отечество — Вся Россия». Мы проиграли ее с треском — в том числе потому, что окружение московского мэра Юрия Лужкова не хотело ухода их шефа на федеральный уровень. Логика была проста: «Мы уже имеем все, о чем можно мечтать. Если Юрий Михайлович станет премьером или президентом, мы ничего дополнительно не получим, кроме головной боли. Причем — дикой! Ведь в Москве деньги сами решают свои проблемы, а в остальной России проблемы надо разгребать руками».

В ходе противоборства с Примаковым сформировалась «семья» как организационная структура, эффективная и влиятельная и поныне. «Семья» пережила самого Ельцина, и только сейчас столкнулась с проблемами, попав под серию целенаправленных ударов — от Керимова до Магомедовых и последних санкций, от которых некому защитить «бедного» Дерипаску. Но даже после поражения Примаков оставил меня в своем офисе — до конца 2001 года, когда начался его переход в президенты ТПП. А я переехал по чудесному адресу: Красная площадь, дом 5. Окна выходили прямо на Лобное место и на Спасские ворота. Это был фонд содействия развитию интернета.

— *Ваша следующая должность советника — у тогдашнего премьер-министра РФ Михаила Касьянова.*

— Да, в аппарате Касьянова оказались знакомые по маслюковским временам. Всегда, если надо, я работал достаточно интенсивно. Меня в этом натренировало еще противоборство с гайдаровским окружением. В 1992 году мы готовили Ельцину доклады о том, что на самом деле означают гайдаровские реформы. Вот представьте: в 7 вечера, а то и позже вам дают материалы к утреннему заседанию правительства. Это значит, что самое позднее в 8:30 утра должна быть справка по ним для Ельцина — с описанием их смыслов, со статистической базой, вопросами, которые он должен задать, и с объяснением возможных ответов. Тогда для меня работать две ночи подряд было нормально. И коллеги по аппарату Маслюкова помнили мою работоспособность. Им нужен был специалист, который писал бы Касьянову заготовки для речей, занимался бы макроэкономикой и еще — реформой естественных монополий.

— *Какое впечатление на вас произвел Касьянов?*

— Очень приятное. После Примакова это был второй по качеству премьер-министр. Владимир Путин на рубеже веков был премьером очень недолго, и это, с одной стороны, была война, а с другой — время аппаратного хаоса. К тому же это была совершенно очевидная подготовка к президентским выборам 2000 года. Так что мы Владимира Владимировича в качестве главы правительства даже не успели осознать. И в 2008 году при техническом президенте он тоже был не совсем премьером, это понятно. А вот если брать действительных премьеров, то лучшим был, без сомнения, Примаков. Касьянов второй, хоть и с большим отрывом, а вот третьего назвать уже затруднюсь. Другое дело, что потом Касьянов, по-моему, в политическом смысле сошел с ума — с 2005 года, когда в Лондоне заявил, что справедливая цена на нефть почти вдвое ниже тогдашней рыночной.

Но тогда при всей своей либеральности и предвзятой идеологии, при его принадлежности вначале к клану Березовского, а потом к «семье», Касьянову удавалось быть очень деловым человеком. И это был единственный из моих руководителей, которого я боялся. Он был железный кулак в бархатной перчатке. Тот же Аксененко мог быть жестким, но его мир был хоть и чужд мне, но ясен. А за спиной Касьянова я постоянно чувствовал огромный мир, представителем которого он был и который был мне почти неизвестен. И я понимал, что знать про него ничего не надо. Это как трансформаторная будка: не надо туда ходить. Касьянов был вежлив, интеллигентен и умен. В нем ощущалась эта абсолютная внутренняя железность — как в Чубайсе. Но в Чубайсе была понятна его направленность, а у Касьянова — нет.

Мои с ним разговоры про реформу электроэнергетики, учиненную Чубайсом, сводились к тому, что он спрашивал: «Это так?» — я отвечал утвердительно, просто подтверждая его опасения. Он понимал, что это будет кошмарная катастрофа, что это будет ад, но не хотел в лоб сталкиваться с Чубайсом. Они с Александром Волошиным соперничали на этом поле, и каждый хотел выставить против Чубайса другого. В итоге Волошин вступил с Чубайсом в союз, и Касьянов не захотел конфликтовать с Чубайсом. Он дал добро реформе и этим продлил свое существование на полгода.

А я ушел, потому что формально курировал эту реформу, и никого бы уже не волновало, что я был против нее и затормозил ее на восемь с половиной месяцев. И не мог сказать, как это было во времена приватизации, что это не моя сфера компетенции: это была именно моя сфера. Поэтому встал и ушел, ко всеобщему изумлению. И больше в исполнительную власть не возвращался.

— Почему с Касьяновым впоследствии так обошлись? Ведь он же был частью «семьи»?

— В чужом пиру похмелье. Тогда Березовский организовывал совершенно нелепый заговор с целью сорвать президентские выборы. Политически и юридически это из-за безграмотности Березовского было бредом, но в силу харизмы Березовского к угрозе отнеслись серьезно. Если бы Ивана Рыбкина (в 2004 году выдвигал свою кандидатуру на пост президента РФ, пользовался поддержкой Бориса Березовского, в феврале того же года таинственно пропал и найден в Киеве — *прим. ред.*) действительно убили и нашли труп во время голосования, это бы не повлияло ни на что: Рыбкин имел ничтожную поддержку и не мог бы создать угрозу второго тура. Впрочем, даже если бы выборы объявили заново, Касьянов при действующем президенте Путине не стал бы и.о. президента РФ.

Не верю, что Касьянов участвовал в этом заговоре. Он не хотел быть политической фигурой. Ему очень комфортно было оставаться именно техническим премьером. Но он был настолько хорошим техническим премьером, что из-за этого невольно становился политической фигурой, и ему это не нравилось. Кроме того, обладая большим здравым смыслом, он никогда не стал бы влезать в такую авантюру, да еще с убийством. Думаю, что он был здесь ни при чем. Но то, что он хотя бы теоретически мог быть «при чем», было уже абсолютно неприемлемо. И он мог быть выгодоприобретателем ситуации, причем со стороны Березовского. А тот к этому времени уже осознавался абсолютно «черным человеком» и абсолютным врагом: уже все знали, какой ад он творил в Чечне во время первой и второй войн, не говоря о бандитском промежутке между ними. Поэтому он был неприемлем даже для тех, кто не любил Путина.

В общем, сыграла роль сама возможность того, что Касьянов как-то мог быть к этому причастен. Его уволили в один день. И, безусловно, для него это была страшная травма, от которой он так

никогда и не оправился. Мне его жалко. Он даже не мог вообразить, что такое бывает.

— *Разве его лишили всех льгот?*

— Нет, у нас продуманная система льгот, тем более для бывшего премьера. С материальной точки зрения у него все было хорошо. Но внезапное увольнение, без объяснений — это страшный удар по психике. В конечном итоге это его и съело. Причем быстро. И когда американцы в 2005 году вздумали двигать его как преемника, он не смог занять правильную позицию.

— *В 2008 я организовывал для Касьянова пресс-конференцию в Питере и потом некоторое время общался с ним напрямую. Он выглядел бодрым и благополучным.*

— В том-то его и беда, что Касьянов всегда благополучен. Когда он только стал премьером, его сотрудники попросили меня написать справку о его имиджевых проблемах. Таковая была одна: он всегда, даже выламываясь из рук ОМОНовцев, излучает благополучие. В условиях бедности и бедствий это катастрофа.

С ним пытались выйти на контакт и в 2005, и в 2006 году представители левых сил, чтобы создать лево-патриотический фронт. И было видно, что он понимает разумность этих предложений, но, во-первых, не хочет лезть в политику, а во-вторых, не хочет лезть туда слева. Левые ему классово чужды. И при этом он не отказывал. И хотя бы то, что он не отказывал, было приятно. Как премьер 15 лет назад он был хорош. Из всех пакостей, которые тогда протаскивали либералы, он допустил только Земельный кодекс, робкое начало пенсионной реформы и реформу электроэнергетики. Все остальное он не пускал. На фоне того кошмара, которые творили последующие правительства, на фоне людоедской монетизации льгот он смотрится достойно. Я говорю это как его идеологический и политический противник. Нужно отдавать должное людям. До того, как Касьянов прятался от Марии Катасоновой в подсобке, он сумел быть хорошим премьером.

Почему российская политика — не шахматы, а игра в карты в темной комнате^[20]

— Михаил Геннадьевич, с президентских выборов минуло чуть больше полумесяца:, а событий, случившихся за это время, хватило бы, кажется, на полгода: Волоколамск, Кемерово, арест братьев Магомедовых... Обычно после выборов политическая жизнь успокаивается, а здесь случилось наоборот.

— Не забудем, что вокруг кемеровской трагедии шло очевидное манипулирование эмоциями. Причем это было заметно не столько в самом Кемерово, сколько в Москве на Пушкинской площади, где на второй день после пожара в «Зимней вишне» собрался стихийный митинг. Большинство пришло туда вполне искренно, но после того, как отдельные «политические животные» взялись отрабатывать свои номера, многие просто ушли. Что касается митинга в Кемерово, то здесь физически было меньше возможностей для манипулирования из-за недостаточно развитых соцсетей, поэтому я не стал бы обращать внимания на истерику местных властей и заявления о «пиаре на крови». По большому счету, место этих властей — на нарах, но до этого дело, конечно, не дойдет. Кемеровские чиновники прекрасно себя чувствуют — правда, Аман Тулеев уволил своего заместителя Алексея Зеленина, а затем сам ушел в отставку с сохранением личной резиденции и льгот, но у остальных все хорошо.

Я помню Амангельды Молдагазыевича Тулеева в 1990-е годы и в начале нулевых — это был совершенно другой человек. А сейчас, если он действительно делал заявления, которые ему приписывают, если это не обрезанная цитата, как с Мизулиной, не провокация... Тогда я склонен воспринимать это как маразм, а не как проявление презрения к людям или что-то еще. Что ж, кто-то впадает в маразм в возрасте 100 лет, кто-то не впадает вообще, а с кем-то это происходит прямо на рабочем посту. Но надо понимать специфику Кемеровской области — она очень сильно отличается даже от соседей, и Тулеев, который мог ее «держать» и обеспечивать внутреннюю стабильность и какой-никакой,

но порядок, даже в тяжелом состоянии мог быть лучше, чем любая понятная замена.

Но все равно здесь вопрос к тем, кто такого губернатора так долго держал на должности, и вопрос к заместителям и его окружению, которые этим пользовались и манипулировали своим руководителем, а потом обвиняли в политических диверсиях людей, у которых погибли близкие. Вот это автоматически агрессивное отношение к собственным гражданам, автоматическая агрессия против народа — «ах, как вы смеете быть недовольными мной, который довел дело до катастрофы! Значит, вы американский шпион!» — говорит сама за себя. Я хорошо помню это по временам Болотной площади — это распространенный условный рефлекс со стороны значительной части коррумпированных или даже не коррумпированных, а просто тупых и агрессивных чиновников.

— Но тогда это динамит: при соприкосновении двух непримиримых общественных сил (я говорю об условной Болотной и условных «коррумпированных чиновниках») обычно происходит социальный взрыв, который бьет по всем участникам конфликта.

— Нет, люди пока не настроены агрессивно к чиновникам. Да, есть настороженность, неприятие, даже иногда враждебность, — но еще не агрессия. Когда губернатор Московской области Андрей Воробьев в Волоколамске вышел к людям, митинговавшим против ядовитого мусорного полигона, те закричали: «Тихо, тихо! Дайте человеку сказать!» Не губернатору, не большому начальнику, а человеку! И только после того, как он отказался общаться с людьми, его закидали снежками и, по свидетельству корреспондента «Коммерсанта», едва не побили.

Что касается отношения чиновников к людям... Если, допустим, я — либеральный чиновник и уничтожаю эту страну вместе с этими людьми, если я людей обворовываю и рассматриваю их как «мясо», за счет которого я должен делать свою карьеру, даже будучи честным и не коррумпированным, то, естественно, тогда я людей презираю, ненавижу и одновременно боюсь. Других чувств здесь попросту быть не может.

— Неужели волоколамские и кемеровские события не подтолкнул Путь к переменам, к необходимости более радикально перестроить

российское правительство? Все-таки Путин лично приезжал в Кемерово и видел глаза людей, у которых погибли дети.

— Вряд ли. Не думаю, что президент по итогам этих событий узнал о своих подчиненных что-то такое, чего он не знал раньше. Возможно, он был потрясен не столько глазами людей (за свою жизнь ему пришлось видеть самые разные глаза), сколько уровнем неадекватности его системы госуправления. Но я бы не стал ждать на этом основании принятия каких-то системных мер. После того, как Тулеев ушел, его «банда», скорее всего, будет разогнана. Кто-то пойдет под суд, кто-то не пойдет, кто-то, наверное, уже уехал в какую-нибудь Австралию или в Лондон. Но это — не системные изменения. И до этого было много других катастроф, и все говорили «ах, какой ужас» — и на этом все заканчивалось. Перефразируя Максима Горького, можно сказать, что им там — прекрасно, им — тепло и сыро, их все устраивает. А президент с ними ссориться явно не хочет. Я буду рад ошибиться, но пока не вижу признаков, которые бы указывали на возможность принципиальных, системных перемен.

— *Складывается впечатление, что Путин просто взял на себя роль «разводящего» в конфликтах между чиновниками и народом.*

— Определенные силы используют его, простите, как «прокладку». Ему это не может понравиться. Судя по его совершенно потрясенным и бешеным глазам в Кемерове, он все прекрасно понимает. Но, думаю, он все понимает уже лет 10.

— *Разве арест братьев Магомедовых, которых обыкновенно относят к людям Медведева и Дворковича, не дает нам хотя бы слабую надежду на перемены и на новый состав правительства?*

— Как я понимаю, господ Магомедовых все-таки задержали из-за того, что они не достроили стадион «Арена Балтика», который возводится в Калининграде к ЧМ-2018. Пока говорят о хищении 300 миллионов рублей. Насколько я могу судить, это производит впечатление уже не банального хищения, а циничного глумления. Магомедовы как бы говорили тем, кто может предъявить им претензии: «Ребята, вас здесь вообще нет, и никакого государства нет, пока у нас есть наш премьер-министр». Безусловно, и вице-премьер Аркадий Дворкович входит в эту группу. Дворковичу все сошло с рук еще тогда, когда он вместе с бизнесменами Билаловыми занимался

олимпийской стройкой в Сочи. Так почему бы не продолжать дальше? И эта простота, вероятно, уже всех достала.

Думаю, что арест Магомедовых не был каким-то осознанным действием именно против группы Медведева. Вряд ли кто-то хотел устраивать из этого политическое шоу. Просто Зиявудин и Магомед Магомедовы повели себя так, что стало ясно: другого языка, кроме языка силы, они не понимают. А дальше, поскольку эти братья — поневоле фигуры высокого политического значения, — события начали приобретать дополнительные смыслы.

Вероятно, на сегодня ситуация достаточно проста: если Медведев по-хорошему уходит со своего поста и не выпендривается, тогда сумма обозначенного адвокатами Магомедовых залога в 2,5 миллиарда рублей наверняка принимается. Если Медведев увольняется, тогда бизнесменов могут выпустить под этот оглушительный залог, после чего они садятся на самолеты и делают всем ручкой, в очередной раз высмаркиваясь во все действующие законы РФ. Не они, что называется, первые. А вот если товарищ Медведев захочет побороться, то тогда Магомедовы могут начать давать показания.

Впрочем, в качестве компенсации Медведеву могут предложить должность председателя Верховного суда, и даже объединенного с Конституционным судом. Но, учитывая его представления о законе и его уровень правового сознания, вот тут-то мы взвоем и пожалеем о тех временах, когда он был просто техническим премьер-министром и техническим президентом.

— *Братья Магомедовы действительно настолько аффилированы с кланом Медведева — через Дворковича и его супругу Зумруд Рустамову?*

— Я не держал свечку. Как я понимаю, Зумруд Рустамова — отчетливо более влиятельный человек, чем ее муж Дворкович, хотя последний, возможно, был непосредственным оператором этих дагестанских семейств. Кстати, действия Владимира Васильева в Дагестане, приступившего там к расчистке авгиевых конюшен, могли быть одной из причин ареста Магомедовых. Задержанные по «дагестанским делам» могли начать давать показания, после чего следователи наверняка узнали о братьях-бизнесменах много интересного. Что касается Дворковича, то он когда-то был из команды Алексея Кудрина, но и с Медведевым он уже очень долгое время. Если

вы посмотрите на его биографию, то он уже давно приходил куда-то и уходил вместе с Дмитрием Анатольевичем (в период президентства Медведева состоял его помощником, участвовал в проектах «Сколково» и пр. — прим. ред.). Скорее всего, они связаны, это одна политико-финансовая группа.

— *Но останется ли эта группа в правительстве?*

— Министрами точно останутся Максим Орешкин и Антон Силуанов. Но дело не в личностях, а в том, что, скорее всего, продолжится прежняя социально-экономическая политика. Ее очень жестко фиксируют, с одной стороны, Набиуллина в Банке России, а с другой стороны — бюджет на текущий 2018 год. А при прежней социально-экономической политике не так важно, кто есть кто в правительстве. Я бы даже предпочел Медведева какому-нибудь сверхкреативному менеджеру — он все-таки осуществляет не такую разрушительную политику, как мог бы. Абсурд сегодняшней ситуации в том, что Медведев лучше, чем Кудрин, Кудрин лучше Чубайса, а Чубайс лучше Кириенко.

— *Может ли арест Магомедовых открыть новую эру в работе отечественного репрессивного аппарата?*

— На данный момент у нас в местах лишения свободы сидят довольно много губернаторов, и новая эра была открыта делом Алексея Улюкаева. Но Улюкаев был не просто министром и исполнителем — он был такой местночтимый либеральный святой в силу того, что прежде состоял «ординарцем» при Егоре Гайдаре. Но он не имел самостоятельной финансовополитической значимости, а братья Магомедовы эту значимость имеют. И это уже совершенно другой уровень, потому что они, похоже, были инструментом обеспечения очень влиятельных кругов. Очень важно, выпустят их под залог или нет. Если они начнут рассказывать, они могут сильно изменить существующую политическую конфигурацию.

Показания людей, которые могут рассказать, как все было устроено в Дагестане, уже способны кое-что изменить. Хотя Дагестан не имел самостоятельного значения, он был просто денежной «прачечной» для московских чиновников. Вся та роскошь, которую мы видели в домах арестованных по дагестанскому делу — ничто по сравнению с роскошью московских чиновников, которые все это организовывали. Если это реально начнут разматывать, то это может

обернуться уничтожением всего либерального клана. Я думаю, что они будут защищаться очень энергично, и мы увидим ротации разного уровня — по крайней мере, среди членов правительства. Потому что, повторюсь, речь идет о выживании либерального клана и о том, что они могут ответить за свои преступления — пусть за ничтожно малую их часть, но все же ответить. И они прекрасно знают про себя, кто они такие, что, зачем и почему они делали, и они, естественно, не хотят допустить что-либо подобное.

— *Кстати, дагестанские аресты могут стать аналогом узбекского «хлопкового дела», с которого началась перестройка? Ведь снова целая республика «поставлена на уши».*

— Это не совсем хороший пример, потому что знаменитое «хлопковое дело» отличалось чудовищной жестокостью по отношению к подсудимым в Узбекистане и, кстати, в Туркменистане тоже.

А до Москвы эта волна борьбы с коррупцией не дошла. Все было локализовано на месте. К тому же там были большие проблемы с законностью.

— *Да, мне рассказывал о пытках, применявшихся следствием, бывший 2-й секретарь компартии Узбекистана Виктор Лобко, состоявший потом при Матвиенко вице-губернатором Петербурга.*

— Люди, связанные тогда с Узбекистаном, даже из КГБ, были возмущены тем, как это происходило, потому что «московская бригада» вела себя в республике достаточно жестко. Могла ли она себя вести по-другому в условиях тотальной коррумпированности — это вопрос открытый. Но здесь принципиально важен момент: коррупция после этого в Узбекистане как была, так и осталась, а в Москву дело не пошло. Оно оказалось фиктивно-демонстративным, несмотря на масштаб.

А в случае с Дагестаном иная ситуация. На местах мы не видим никаких протестов по части нарушений при производстве арестов и следствия. Сейчас на дворе не 1980-е годы, и если бы действительно были какие-то серьезные нарушения, то мы наверняка получили бы жалобы и разнообразную реакцию. В конце концов, свои боевики в Москве есть, скорее всего, у многих влиятельных групп — в том числе этнических. Но и услугами боевиков, слава богу, до сих пор никто не воспользовался. Это значит, что правила все-таки соблюдаются. А с другой стороны, мы видим, что процесс, запущенный в Дагестане, уже

пришел в Москву, так как братья Магомедовы — это отнюдь не дагестанский уровень, а московский. Поэтому это уже больше, чем узбекское «хлопковое дело». С другой стороны, при советской власти невозможно было представить, чтобы людей взяли за коррупцию, а потом выпустили. А у нас это вполне может быть. Но я полагаю, что когда Россия вернулась в Дагестан, начав бороться там с коррупцией, то джин закона был выпущен из бутылки. И сейчас запихнуть его обратно будет очень трудно. Можно сколько угодно пылать негодованием против дагестанских воров, но к ним в свое время приходили влиятельные люди и говорили (я не отвечаю за точность, но такая версия существует): «Мы можем дать вам деньги, но потом 40 процентов вы вернете нам». Я не могу настаивать на точности цифр — понятно, что для разных схем использовались разные пропорции. Чем более уважаемый человек, тем больше он себе забирает и тем меньше он отдает в Москву. Но то, что такие устные договоренности существовали, — очень вероятно.

— *И все же: как сложится судьба Дмитрия Медведева? Как известно, это человек, которого нельзя просто уволить, а можно только повысить. Но куда же его повышать, когда он успел посидеть во многих руководящих креслах, включая президентское?*

— Как я уже говорил, его можно перевести в Верховный суд, на место нынешнего председателя Вячеслава Лебедева. Или в Конституционный суд. А можно эти суды объединить, как это предполагалось десять лет назад. Здесь масса вариантов. А потом — почему его нельзя уволить? Я думаю — можно. Хотя Медведев — уникальный человек, которому дали поддержать власть, а он ее вернул. Настоящую власть! Медведев не был фиктивным правителем, у него в руках действительно находились все рычаги. И он мог отправить в отставку правительство, возглавляемое Путиным. И он мог бы отправить в отставку самого Путина, после чего этот указ был бы напечатан в газетах и вступил бы в силу. И все бы у него было. Но он этого не сделал. И это действительно уникальное качество, оно многого стоит.

Но, как показал опыт Украины, просто уволить плохого человека — еще недостаточно. Нужно еще назначить на его место того, кто будет лучше. Если вместо Медведева назначить Кудрина, что

маловероятно, если назначить Набиуллину, что тоже маловероятно, мы ничего не изменим.

— *И тогда он сможет вернуться на родину в Петербург, куда следом за Конституционным собираются перевести Верховный суд.*

— Да хоть за границу. Откуда мы можем знать, какое место какой либерал считает своей родиной?

— *Это очень странный феномен в позднесоветской или же новейшей истории. Откуда взялось это поколение, которое отказывалось (и сейчас отказывается) считать Россию своей родиной?*

— Да, с либеральными ценностями на политическую сцену пришло еще советское поколение — условно говоря, поколение Чубайса. Это были люди, которые в рамках советской системы не могли реализоваться. Почитайте воспоминания Авена о Березовском. Там одна из основных задач Авена — доказать, что советской науки не существовало, что это была фикция, он это почти каждому собеседнику повторяет заново. Потому что Авену в этой науке не нашлось места, соответствующего его амбициям и, возможно, уровню. В книге он показывает неэффективность и неадекватность (с его точки зрения) второго уровня советской науки. На первый уровень сам Авен не выбился, но был на втором. И он прилагает титанические усилия, чтобы в этой грязи измазать всю советскую науку, показать, что та помойка, в которой он сидел, — это и был весь Советский Союз, и ничего лучше в нем не было. И это очень глубокое личное чувство. Не говоря уже о том, что среди либералов той волны было заметное количество потомков и родственников палачей сталинских репрессий. И потомки не простили советской власти то, что она этих палачей наказала.

Это удивительное явление! Понятно, что в 1937 году более 90 процентов жертв были невинными. Но я общался с разными людьми и поразился, что среди либералов очень много потомков не невинных жертв, а именно палачей. Это потрясает! Мой одноклассник рассказывал, как в конце 1920-х годов его бабушка ездила на персональной машине. А я знал, что тогда большой командир Красной армии получал в виде пайка пакетик пшена на неделю. Все жили очень скромно. А потом я прочитал мемуары родственника этого мальчика, который попал в лагеря, там выжил и взялся за воспоминания. И уже

потом мне стало известно, что этот родственник творил с другими людьми, когда он был в НКВД. Для меня это было такое многоуровневое раскрытие правды. Был такой Лев Разгон — «невинная жертва сталинского террора» (писатель, правозащитник, один из основателей «Мемориала», три года проработал в спецотделе ОГПУ при НКВД, в это время женился на Оксане Бокий — дочери своего начальника, чекиста Глеба Бокия — прим. ред.).

— А как же особая человечность нашей российской цивилизации, о которой вы говорите в своих выступлениях, «милость к падшим» и прочее? Мы простили своих палачей, но позволили замучить невыразимо огромное количество жертв...

— В Англии родственников палачей попросту бы не было — там истребили бы всех родственников. Если, конечно, брать за пример в истории Великобритании не 1920-1930-е годы, а Средневековье. Во Франции сразу после войны за коллаборационизм репрессировали миллион человек, сто тысяч убили. А у нас даже бандеровцы в основном вернулись из лагерей живые, здоровые и досрочно. И только наш гуманизм позволил потомкам палачей вырасти, стать либералами и уничтожить страну.

— Насколько большая угроза нависла сейчас над «лондонградом» в связи с делом Скрипаля? Будет ли это «осиное гнездо», которое свило в Великобритании так называемая эмигрантская община из России, выжжено самими англичанами?

— Я бы все-таки не стал называть это осиным гнездом, потому что наряду с ворами и мошенниками (а Лондон в этом контексте один из двух центров российских воров и мошенников наряду с Израилем) там живет множество людей, которые действительно бежали в королевство от незаконных преследований. Да, в списке, озвученном по этому поводу бизнес-омбудсменом Борисом Титовым, было несколько воров и мошенников, которые известны всей

Москве (речь идет о списке желающих вернуться в РФ — прим. ред.). И это смутило — все-таки потрясает, когда защитник прав бизнесменов защищает не слишком честных предпринимателей против честных предпринимателей. Но в этом списке есть и те, кто вправду незаконно пострадал. Грубо говоря, когда руководитель корпорации украл деньги, а бухгалтер оказался крайним. Или когда руководитель корпорации довел компанию до банкротства, убежал, а отвечать

пришлось финансовому директору. И таких в нынешнем «лондонграде» немало. Потому что российские либералы честных людей вполне могут наказать, а мошенников — никогда, ведь ворон ворону глаз не выклюет. И лондонские власти понимают, что безнаказанность преступников в России — это их конкурентное преимущество. Если вор здесь, в нашей стране знает, что он всегда будет принят с распростертыми объятиями в Лондоне, то он и будет спокойно воровать, тем самым подрывая Россию в пользу Великобритании и вывозя свои деньги в Лондон. Сейчас в «лондонграде» — некоторое волнение, но я думаю, что оно пройдет.

— *Подтолкнет ли это волнение Москву к каким-то новым шахматным шагам?*

— Я бы не стал говорить о российской политике как о шахматах. Я бы сказал, что даже городки в этом контексте — слишком интеллектуальный вид спорта. Это даже не городки. Это некая игра в карты в темной комнате, где иногда внезапно включают свет. Те, кто играет, не видят не только своих карт, но и карт, которые лежат на столе. И, конечно, каждый из уважающих себя игроков играет по своим собственным правилам.

— *По описанию это больше похоже на «Черный квадрат» Малевича — на драку чернокожих в темной пещере. Но тогда это вообще непредсказуемо.*

— Совершенно верно. Когда я говорю о том, что президент Путин, скорее всего, не предпримет никаких системных перемен, я акцентирую на том, что не видно никаких признаков того, что это будет сделано. А Путин ведь может эти меры предпринять. Ведь жить-то он хочет. Как было сказано в известном фильме Рогожкина: «Жить захочешь — еще не так раскорячишься». Признаков пока не видно, но у него же ничего и никогда не видно заранее, это он умеет.

Хотя поскольку Владимир Путин получил на выборах беспрецедентную поддержку, то ореол этой поддержки как бы распространился на всех людей, которых он назначил. А это не только министр обороны и директор ФСБ, но еще и министры экономики, финансов, премьер и вице-премьеры, председатель Центробанка и т. д. Если бы люди проголосовали как-то иначе, выразив категорическое несогласие, тогда пришлось бы менять политику. А пока мы видим,

что достаточно как-то запугать Росстат — и сразу волшебным образом возникает экономический рост!

— *Последнее время практически ничего не слышно о Навальном. Он мелькнул на московском митинге в память о Кемерово, но как-то не убедительно. Навальный сдулся?*

— Ему не удалось привлечь к себе внимание на Пушкинской площади. И это совсем не странно. Когда человек наглядно демонстрирует, что ему важна только власть, и он презирает даже своих сторонников — какой солидарности с ним следует ожидать? Алексей Навальный уже почти десять лет на «арене цирка», в публичной политике. И он всех убедил, что ему плевать на своих сторонников и вообще на людей. Все это поняли. Навальный потому и переориентировался на школьников, потому что, кроме школьников, он уже никого не может обмануть.

— *Но школьники не обладают избирательным правом. Так что это работа на перспективу.*

— Не только на перспективу. Если детей бросить в мясорубку, то это будет очень сильный эмоциональный эффект для любого общества. Американцы это просчитывают достаточно прозаично. Но Навального еще не списали. Если бы его списали — он наверняка сел бы в тюрьму. Навального не списали ни наши, ни американцы — он же, так сказать, «совместное предприятие»: половина инвестиций — наши, другая половина — американские.

— *А Павел Грудинин ушел, на ваш взгляд, с политической сцены?*

— После выборов минуло три недели. Вы что-то слышали о Павле Грудинине кроме того, что он сбрил усы и выступил на московском экономическом форуме? И это ответ на ваш вопрос. Человек ушел с уровня президентских амбиций, теперь он мечтает стать губернатором Московской области и, возможно, будет не так уж плох в этой роли. Но все слова о социальной справедливости и о развитии, которые он до этого произносил, ушли в песок. Значили ли они что-то для него самого? А федеральная и региональная повестки — принципиально разные.

— *Грудинина федеральные СМИ «мочили», и это могло вызвать у него усталость от публичной политики. А вот Ксению Собчак представляли, наоборот, в выгодном свете и продолжали делать в ее*

сторону реверансы даже тогда, когда она набрала на выборах свой ничтожный процент. Она перспективный политик для Кремля?

— Конечно. Для либеральной части Кремля, включая представителей «семьи» Ельцина, она своя. Когда она говорит, что она запретила бы эту страну, когда она говорит о русских как о генетическом мусоре, думаю, во власти множество либералов с ней полностью солидарны. И об этом свидетельствуют не их слова, но их дела. Невозможно ведь проводить либеральную экономическую и социальную политику, не относясь к людям как к мусору. Невозможно проводить ту политику в отношении материнства и детства, которая проводится сейчас, если не относиться к нашим детям так, как к ним относится Собчак, — «мелкие гаденыши» (если я не перепутал). Невозможно проводить внешнюю политику этих жалких зеркальных отражений наносимых ударов, если не солидаризоваться со словами Собчак о том, что «я бы запретила эту страну». Это среди избирателей за нее проголосовало чуть более полутора процентов, а во власти, думаю — больше половины чиновников. Потому что Ксения Собчак — это и есть лицо нынешней либеральной власти. Просто эта власть не может говорить людям, что она про них думает и что хочет с ними делать, а Ксения Анатольевна — может.

— *Все больше экспертов говорят о том, что в воздухе пахнет войной. Не локальной, как на Донбассе или в Сирии, а настоящей, глобальной, мировой.*

— Технологии, которые мы сейчас видим применяемыми против нас, — это и есть война. Просто она гибридная. Боюсь, у нас будут теракты, замаскированные под несчастные случаи, будут и незамаскированные теракты.

— *Кемерово, часом, не такой случай?*

— Здесь открытый вопрос. Может быть, это «раскачка» Путина, и его «качают» также, как «качали» в свое время Михаила Горбачева (при последнем генсеке КПСС случилось рекордное количество ЧП, в том числе черныбыльская катастрофа — *прим. ред.*)? Или же это какие-то кемеровские элиты пытались таким циничным образом освободиться от Тулеева? Или это все-таки несчастный случай, который случился для некоторых людоедов так вовремя? Не знаю.

— *Что в ситуации глобальной войны следует делать с нашими локальными «горячими» конфликтами в Сирии и на Донбассе, где*

Россия, пусть опосредованно, но присутствует?

— Сирию мы сможем поддерживать в таком состоянии достаточно долго. Там недееспособное государство, и мы пока не ставим задачу восстановить в САР государственность. Хотя речь должна идти именно об этом. Поэтому в Сирии — некий тупик, но он не страшный, потому что далеко. А на востоке Украины та же ситуация, что с Южной Осетией. Ведь Медведев не позволил устроить геноцид в Южной Осетии не потому, что он гуманист, а потому, что даже он понимал, что если это позволить сделать, то невозможно будет удержать Северный Кавказ. То же самое на востоке Украины — если позволить устроить там резню бандеровцам и американцам (а они хотят ее устроить хотя бы для того, чтобы развалить российскую власть), то тогда Российская Федерация просто исчезнет. Потому что она утратит моральные основы своего существования, государству просто перестанут подчиняться и как бы то ни было к нему относиться — даже самые законопослушные и лояльные граждане.

Безусловно, на Донбассе будет очередная попытка устроить войну. Аналогичной попытки удалось избежать под президентские выборы, как я понимаю — в ходе визита руководителей российских спецслужб в Вашингтон. Но совсем не факт, что американцы не вернутся к этой теме, чтобы испортить нам ЧМ-2018. Потому что, судя по заявлениям официальных лиц Штатов, они не очень вменяемы и непонятно, о чем и как можно говорить с ними.

— *Как вы полагаете, для Путина недавние выборы — последние? Он вступил в свой последний президентский срок?*

— Да. Есть возрастные ограничения, и есть эмоциональные. Думаю, что человек, который будет назначен премьер-министром в середине нынешнего президентского срока Путина (а, может, через год-два), и будет настоящим преемником.

— *А как же вброс слухов от Жириновского о том, что после 2024 года нами будет править Госсовет с избираемым лидером?*

— Владимир Жириновский — чудесный человек, но он говорит очень много правдоподобных вещей, которые мало и редко сбываются. Эта правдоподобная вещь, скорее всего, не сбудется. Госсовет с избираемым лидером не может править Россией. У нас власть формализована. Госсовет может быть арбитром в последней инстанции, подобием императора в классической конституционной

монархии. К примеру, в Испании какое-то время после Франко уже была парламентская демократия, а потом военные устраивают переворот. И тут откуда-то вылезает король и говорит: «Нет, вы знаете, переворот — это нехорошо, я с ним не согласен». «Ну не согласен — значит, не согласен, — отвечают испанские военные. — Нет проблем. Мы тогда сейчас быстренько сделаем, как было». Вот такая власть у арбитра может быть вполне. Но если говорить о реальной полноте власти — стратегической и оперативной, то нет. Арбитр — это прежде всего моральный авторитет. Но это не управление страной.

— *В рамках татарстанской модели таким моральным арбитром является, пожалуй, Минтимер Шаймиев — некий «мудрец», «бабай».*

— Не совсем удачный пример, хотя я понимаю, что он близок татарстанцам. Но после товарища Шаймиева все-таки случился крах Татфондбанка, и некоторые сложности, связанные с этим, продолжают и по сей день...

— *Хотелось бы, чтобы после «мудреца» Путина остались не только банки, но и сама страна.*

— А вот мы с вами как раз и постараемся. И он, кстати, тоже, как я думаю.

Дикий лоббизм так же разрушителен, как и дикий рынок^[21]

Поколение «золотой молодежи» способно уничтожить страну быстрее и надежней любой «костлявой руки Запада»

Несмотря на экономический кризис, повышение качества управления (как корпоративного, так и государственного) и организации производства, не говоря о самоотверженном труде россиян, за последние 10 лет сделало успешными многие производства и даже отрасли.

И, став успешными, они стали привлекательными.

А то, что в условиях защищенности собственности является привлекательным для инвестиций, в условиях ее хронической незащищенности оказывается привлекательным для захвата.

Конечно, методы захвата меняются: жизнь не стоит на месте, и тупое рейдерство с подкупом судей и силовиков времен грефовской «дебюрократизации» вызывает все большее раздражение — как общества, так и политического руководства.

Но, пока захватить чужое остается дешевле и проще, чем развить свое, пока либеральная «отрыжка 90-х» стоит комом не в горле, а в правящей тусовке (извините за термин, но называть «офшорную аристократию» «элитой» не поворачивается язык), — коммерческий успех сам по себе создает реальную угрозу тем, кто его добился.

Классический пример — рыболовство.

Полностью разрушенная и подмятая под себя бандитами отрасль (один из ее государственных регуляторов пользовался всеобщим уважением, потому что начинал переговоры с выкладывания на стол пистолета) добилась скромной относительно потребности страны, но выдающихся относительно еще недавнего прошлого успехов.

За 10 лет инвестиции в отрасли выросли почти вдесятеро, перевозки рыбопродукции по железным дорогам — вдвое, поступления в бюджеты — более чем втрое. 10 лет назад нельзя было даже представить закупку новых рыболовецких судов; сейчас их

только в России строится 10, а очередь на постройку более чем вдвое длиннее.

Уверенно взглянуть в будущее позволила рыболовству разумная государственная политика, обеспечившая всего лишь стабильность и предсказуемость условий хозяйствования.

В начале «тучных» для многих нулевых квоты на вылов рыбы распределялись на аукционах. Формально рыночная процедура обернулась торжеством коррупции и разрушением отрасли: лишенные в 1990-е денег рыбаки не могли в них участвовать, поэтому право на вылов рыбы приобретали разнообразные посредники, затем загонявшие их в кабалу.

Ответом был массовый нелегальный вылов, приносящий основную выгоду зарубежным соседям России, незаконно скупавшим его у бесправных рыбаков за копейки. По данным Госсовета России, аукционная система выдачи квот сократила инвестиции в 2002–2003 годах втрое по сравнению с проблемным 2000 годом, а отрасль, имевшая рентабельность 8 %, стала убыточной.

Отрасль разрушалась, но коррупционеры и крышевавшие нелегальный лов бандиты всех мастей были счастливы, а либеральное правительство гордилось, что в бюджеты поступает хоть что-то. При этом контроль за стратегической отраслью на глазах переходил к «иностранным инвесторам».

В 2007 году этот псевдорыночный кошмар был остановлен. Квоты стали выдавать «по историческому принципу» и только имеющим свои суда: кто ловит сегодня, будет ловить и следующие 10 лет (для сравнения: в Норвегии судовладельцы получают квоты на четверть века). Взамен на это рыбаки развивали береговую инфраструктуру, вкладывали в строительство новых судов (пусть оно из-за малых масштабов и монополизма и обходится дороже, чем в Южной Корее) и продавали фиксированную долю улова на внутреннем рынке, — веря обещаниям автоматического продления квот при соблюдении условий вылова.

Но 10 лет прошли — и с ноября прошлого года рыболовство буквально «стоит на ушах».

Причина — анонимное письмо с предложением коренного пересмотра принципов государственной политики, обеспечивших нормализацию отрасли: вернуть доказавший свою порочность

аукционный принцип — сначала в краболовство как наиболее рентабельный вид деятельности, а затем, вероятно, и во все рыболовство в целом. Между тем аукционный принцип распределения квот смертелен для отрасли тем, что производственники объективно могут мобилизовать меньшие свободные средства, чем финансовые спекулянты (или «иностранные инвесторы», выкачивающие из России прибыль, как из Африки), — и потому обречены на попадание в кабалу к ним.

Ни одно ведомство с того времени не признало своего авторства, что доказывает, что авторами была группа частных лиц. Более того: большинство представителей власти выступили против высказанных предложений.

Но отрасль продолжает трясти.

Идея аукционов дополнена проведением электронных торгов, проблема которых в их объективной непрозрачности (связанной с возможностью хакерского вмешательства, использованием торговых программ-роботов и банального отключения компьютеров, памятного даже по выборам в Госдуму 2016 года).

По оценке РСПП, навязываемое отрасли возвращение на полтора десятилетия назад вызовет дефолт ряда рыбопромышленных предприятий и отказ от уже заключенных контрактов на строительство 15 новых судов в России (на более чем 20 млрд, руб.). Инвестиции для начала рухнут вшестеро, 9 рыбопромышленных предприятий не смогут вернуть кредиты более чем на 18 млрд, руб., налоговые поступления сократятся в первый же год не менее чем на 9 млрд, руб., 2,2 тыс. чел. потеряют работу.

Совокупные экономические потери отрасли и регионов составят уже в 2018 году до 50 млрд, руб., а до 2020 года — более четверти триллиона.

Встревожился даже Сбербанк: он профинансировал рыболовецкие проекты на 1 млрд. долл, и реально обеспокоен угрозой «снижения эффективности» своих заемщиков.

Однако авторы идеи настолько влиятельны, что даже президент В.В.Путин, зафиксировав под Новый год нецелесообразность распределения на аукционах всех квот на вылов краба, тем не менее поручил правительству подготовить предложение об «эксперименте»

по аукционной продаже крабовых квот. А «эксперимент», как известно, понятие растяжимое.

Интенсивная лоббистская активность, нацеленная на пересмотр доказавших свою полезность правил игры, продолжается. Ее связывают с деятельностью Русской рыбопромышленной компании (РРПК) Глеба Франка — сына бывшего министра транспорта и зятя одного из ключевых «новых олигархов» Геннадия Тимченко — и Максима Воробьева — брата подмосковного губернатора и сына давнего соратника Шойгу, хотя руководство этой компании отчаянно отрицает свою причастность к данной инициативе, а собственники даже оформили «развод» (как подозревают участники рынка, фиктивный).

Однако едва ли не единственные чиновники, не высказавшиеся против этой идеи, — руководитель рыболовства Шестаков и его заместитель Савчук, ранее руководивший РРПК, что вызывает серьезные подозрения помимо инсайда, в изобилии поступающего от разъяренных представителей отрасли.

Получается, что дети «новых дворян» имеют возможность по своему желанию произвольно ломать через колено выстроенные потом и кровью и доказавшие свою успешность модели функционирования целых отраслей российской экономики — просто потому, что там есть, что «отжать»?

На наших глазах происходит попытка возрождения феодальной, по сути дела, модели государственного управления, — не только потому, что создается институт посредников, владеющих правом на ведение прибыльной деятельности и милостиво позволяющих «холопам» ей заниматься, но и потому, что кровное родство с новыми «хозяевами жизни» дает его обладателям колоссальное преимущество перед потомками «не допущенных к столу».

Стоит напомнить, что именно сословность элиты, закрывшейся от народа, привело к краху и царской России, и Советского Союза.

Именуя этим кумовской беспредел «лоббизмом» стоит напомнить, что лоббизм, превращенный в США в общественный и политический институт, — это регулируемый законом, прозрачный и понятный механизм. Да, это узаконенная коррупция, — но коррупция, введенная в рамки жестко зафиксированных правил, механизмов и отчетов и превратившаяся в силу этого в один из механизмов

демократии — буржуазной, а не народной, и служащей деньгам, а не человеку, но с учетом этих оговорок все равно поставленной на службу обществу, сумевшему взнуздать худшие инстинкты своих членов и подчинить их себе, — хотя бы теоретически.

В нашей же стране шутка «сын генерала не может стать маршалом, потому что у маршала тоже есть сын», казавшаяся 30 лет назад глупой и почти повсеместно опровергавшаяся реальностью, кажется уже скорее нормой.

Мы забыли, что слово «сынок» (в значении детей, использовавших положение родителей для карьеры) было тягчайшим оскорблением, и дочери секретарей райкомов выскакивали замуж, чтобы сменить фамилию: не в порядке бунта против родителей или КПСС, а чтобы строить свою жизнь самим.

В Советском Союзе, хотя бы пытавшемся отбирать свою элиту по деловым качествам, самостоятельность была общей идеей.

Нынешняя Россия проваливается в феодализм, и разврат заглатывает все новые поколения: сначала жен руководителей, сплошь и рядом оказывавшихся «гениальными бизнес-вумен», потом их же вторых жен, рекрутированных в лучшем случае из секретарш, а теперь из детей друзей и родственников руководителей.

Входящее в бизнес поколение «золотой молодежи», для которой нет человеческих норм и правил так же, как для мар багдасарян нет правил дорожного движения, в силу святой веры в свою безнаказанность способно уничтожить страну быстрее и надежнее любой «костлявой руки Запада».

Насаждаемые сегодня «офшорной аристократией» сословность и новый феодализм несовместимы не то что с развитием, о котором мечтает президент В.В.Путин, а даже с простым выживанием нашей страны, — и положение в рыболовстве свидетельствует об этом с кричащей ясностью.

Тереза Мэй готова объявить России войну^[22]

Фееричная по безумию и истеричности информационная агрессия против России из-за покушения на предателя Скрипаля (отравлен, если верить англичанам, веществом, производившимся исключительно в Узбекистане на заводе, закрытом под контролем США, но весьма простым в изготовлении) может привести к новым санкциям против России, включающим запрет на вещание Russia Today и Sputnik, высылку дипломатов, захват имущества России, экономические санкции и даже аннулирование ранее выданных виз.

Поскольку в России Скрипаль никому давно не нужен, а доказательства отсутствуют даже в большей степени, чем в случае с клеветой на наших спортсменов (истерическая премьер Великобритании очень наглядно накручивает сама себя), это агрессия против России, для которой английские спецслужбы, судя по всему, просто убрали еще одну единицу приплывшего к ним из нашей страны «биомусора» (как назвал мне однажды в частной беседе «отработанных» предателей один очень хорошо воспитанный и цивилизованный до кончиков носков западный дипломат) — вслед за Березовским (официальное заключение о причине смерти которого так и не составлено) и некоторыми другими.

Большинство наблюдателей полагает, что эта информационная агрессия приурочена к президентским выборам. Однако для влияния на выборы она началась слишком поздно: несмотря на все усилия пропагандистов, фокус информационного удара придется на дни после 18 марта.

Поэтому причина, скорее всего, иная, — и, учитывая глубину подрыва психики английского общества (а она совсем не та, что во время загадочной агонии садиста Литвиненко, у которого от радиационного поражения организма волшебным образом вылезли волосы только на голове, но не на груди, что хорошо видно на слезливых фотографиях), она связана со внутренней, а не внешней английской политикой.

Истерика вокруг убийства «отработанного» и никому не нужного предателя Скрипаля вытесняет из английского общественного сознания чудовищный скандал, который власти пытаются замолчать с 2014 года, вокруг расового террора против белых девочек, устроенного бандами пакистанцев и других выходцев из Азии.

Девочек — причем исключительно белых — насилуют, делают наркоманками, похищают, продают в сексуальное рабство и убивают десятилетиями — при полном попустительстве хваленной английской полиции. Так, по докладу английских правозащитников (в Великобритании это слово еще сохранило свой первоначальный смысл и означает «защиту закона и прав граждан», а не «защиту преступников»), за 16 лет пакистанцы изнасиловали в четвертьмиллионном городе Ротереме более 1,4 тысяч девочек (более полупроцента всего населения!!) — и это только в возрасте от 11 до 15 лет.

После скандала 2014 года полицейские Ротерема взялись было за дело, — но «за последние три года их запал заметно угас».

11 марта Mirror опубликовало расследование, которое могло вызвать шок в английском обществе и создать серьезные политические проблемы правительству Терезы Мэй. На сей раз дело касалось 170-тысячного Телфорда, где за 40 лет от рук насильников пострадало до тысячи девочек (также более полупроцента населения), — опять-таки при почти полном бездействии властей (то есть при прямом покровительстве насильникам). Социальные работники знали о происходящем с 90-х годов, однако полиция начала реагировать лишь через десятилетие: в 2010–2012 годах было выявлено около 200 подозреваемых в нападениях, однако за решетку попало лишь 9 из них, после чего дело было закрыто.

Более того: информация о преступниках-азиатах (судя по контексту, в первую очередь пакистанцах) была уничтожена из-за боязни полицейских быть обвиненными в расизме, а в 2016 году было принято даже специальное решение не проводить новое следствие.

Существенно, что речь идет лишь о двух городах, где преступления хотя бы получили огласку; вероятно, сексуальный террор (или, по современным терминам, «сексуальный джихад») пакистанцев и выходцев из других стран Азии десятилетиями осуществляется и в других регионах Великобритании. При этом

важно, что страх полицейских прослыть «расистами» парализует их даже в большей степени, чем страх перед руководителями страны (длительные сексуальные преступления руководителей Великобритании против детей-сирот, сопровождавшиеся их убийствами, в конце 70-х годов все же были хоть как-то, но расследованы, — хотя также через очень долгое время).

Погашение внутривластных скандалов разжиганием волн ненависти против нашей страны является стандартной, само собой разумеющейся технологией английской политики на протяжении веков, — настолько стандартной, что она даже описана в художественной литературе как нечто забавное, но вполне обыденное (например, в любимой книге Тэтчер «Да, господин премьер-министр»).

Весьма возможно, что и в наши дни премьер Мэй закатывает истерику по поводу покушения (скорее всего, английскими же спецслужбами) на предателя Скрипаля и ставит наши страны на грань войны просто для того, чтобы отвлечь внимание нации от действительно чудовищного скандала, который ее сотрудникам по какой-то причине не удалось погасить.

И, разумеется, для того, чтобы «прекрасные мигранты» могли и дальше продолжать воспитывать в английских девочках толерантность и цивилизованность — в современном западном понимании этих слов.

Ахиллесова пята российского государства ^[23]

Кто не имеет своей стратегии — становится частью чужой. Ответ на заседание Изборского клуба

Материалы круглого стола «Мир накануне больших перемен» ^[24] — важный и актуальный документ:, свидетельствующий, среди прочего, о зрелости российской общественной мысли.

Гибридное государство нежизнеспособно

В то же время яркое и ясное понимание качественно новых процессов глобального развития отчасти отвлекает внимание от происходящего внутри самой России. Между тем российское общество сможет адекватно реагировать на весьма подробно рассмотренные вызовы времени лишь после того, как завершит процесс восстановления своей субъектности, то есть осознания себя как самодостаточного и имеющего самостоятельную ценность целого, достижение глубокого понимания своих интересов и перехода к обслуживанию именно их, а не интересов наших врагов.

Именно в сохраняющемся до сих пор отсутствии субъектности российского государства — наша ахиллесова пята, причина того, что тридцатилетие национального предательства все еще не закончено. Возникает ощущение, что нас, как Моисей евреев, будут сорок лет (то есть еще менее десятилетия, всего-то!) таскать по выжженной пустыне «либеральных реформ и демократических преобразований» до тех пор, пока не умрет последний, помнящий, что народ способен сам управлять собой в собственных интересах, а не быть навозом для произрастания глобального спекулятивного бизнеса и связанной с ним тусовки.

Нынешнее российское государство, в полном соответствии с модой нынешней эпохи, носит гибридный характер. Социально-экономическая сфера по-прежнему управляется по либеральной логике 1990 года и является инструментом разграбления советского наследства (сейчас за поделенностью материального «добивают» социальный, человеческий капитал) и его легализации в качестве личных богатств на Западе. Однако логика глобальной конкуренции в период между Мюнхенской речью Путина и организацией фашистского переворота в Киеве заставила включить механизм самозащиты даже такую государственную машину, и внешняя политика нацелена, пусть и предельно криво и беспомощно, но все же на защиту национальных интересов страны.

Такая химерическая конструкция нежизнеспособна и долго продержаться не может: одна из двух несовместимых мотиваций должна возобладать. Существенно, что даже суверенитет нужен офшорной аристократии не для развития России, а для разграбления данной территории в интересах Запада, поэтому позиция патриотов внутренне противоречива и потому слаба. Мы наглядно видим это на примере чудовищных провалов посткрымского периода (чего стоит одна имиджевая катастрофа на Олимпиаде) и того, что сам Крым вместо витрины России к настоящему времени превращен, насколько можно судить, в управленческую катастрофу. Максимум, до которого дошли патриотические представители «офшорной аристократии» — это попытка построить себе некий «внутренний Запад» в России и продолжать по-либеральному разрушать ее в интересах своих поместий здесь, а не «там», в фешенебельных странах, но по-прежнему не развивать страну в интересах народа! Такой возврат к логике последних Романовых никому не поможет и никого не спасет.

Россия является врагом всех глобальных группировок, но по-разному

Визит руководителей наших спецслужб в США, надеюсь, предотвратил попытку государственного переворота по американским стандартам «цветных революций» — сразу после выборов. Но в том числе потому, что она была бы фальстартом: Россия еще не настолько

отчаялась, чтобы убить себя подобно Украине, пусть даже и с помощью Запада.

Продолжение либеральной социально-экономической политики, не говоря об очевидных проявлениях козыревщины в политике внешней, обречет

Россию на уничтожение до конца последнего срока В.В.Путина. Разумеется, разнообразными унижениями и демонстрациями беспомощности России американцы будут эффективно дискредитировать и его, и связываемую обществом с ним саму идею патриотизма, то есть самостоятельного развития и существования нашей страны и народа. И мы находимся лишь в самом начале пути демонстрации нам ничтожества и убожества правящей нами «офшорной аристократии»: кто думает, что Олимпиадой и Сирией ограничатся, очень болезненно ошибается. Полученное время американские специалисты потратят и на то, чтобы — на сей раз в полном соответствии со своими стандартами — попытаться перекупить руководство не только политического класса, но и спецслужб России.

Безусловно, находящиеся в состоянии холодной гражданской войны элиты США неоднородны, — и это отражает неоднородность некитайской, то есть западной и прозападной части глобального управляющего класса. Либеральная часть, пытающаяся сохранить глобальные рынки, обречена, — и наметившаяся победа Трампа в борьбе за внутриамериканскую повестку дня лишь подчеркивает это. Даже Обама трансатлантическим и тихоокеанским партнерствами уже разрывал глобальный рынок, — просто он вырезал из него БРИКС, проводя границы на слишком дальних, непосильных для США подступах. Трамп, с другой стороны, проводит их слишком близко: прямо по границам США. Но будущее принадлежит тем, кто сознает неизбежность распада глобальных рынков (а цензура в Facebook и выдаче новостей Google показывает, что разрушено будет даже информационное пространство) и хочет руководить им, чтобы он шел по его сценарию и в его интересах.

Российское руководство — как либеральное, так и силовое — не способно даже думать в таких категориях и является потому объектом, а не субъектом. Попытки представителей глобального управляющего класса обсудить с ними перспективы распада глобальных рынков

начались, по некоторым оценкам, в 2006 году, — и, боюсь, диагноз «там не с кем серьезно разговаривать» сейчас уже является для глобального управляющего класса окончательным.

Поэтому надежды побеждающей, консервативной части глобальных элит на то, что Россия сумеет создать свой собственный макрорегион (а им это надо, так как, чем больше макрорегионов, тем больше у них степеней свободы и, соответственно, прибыли), к настоящему времени мертвы. Отказавшись от стремления денацифицировать Украину и воссоединиться с ней, нынешнее российское руководство отказалась тем самым и от возможностей самостоятельного будущего нашей страны. В результате Россия стремительно превращается в «стратегический тыл великого Китая»: кто не имеет своей стратегии, обрекает себя на превращение в элемент чужой. А в этом качестве, чрезмерно усиливая Китай, Россия становится врагом и консервативной, патриотической части глобальных элит, в силу своего западного происхождения не заинтересованных в чрезмерном усилении Китая и, более того, стремящихся к его уничтожению как стремительно укрепляющегося стратегического конкурента.

Таким образом, сегодня мы подлежим уничтожению для обеих групп глобальной элиты: либеральной — как преграда на пути расширения «зоны хаоса» (без чего нельзя загонять капиталы всего мира в госбумаги США, оплачивая их жизнь и сохраняя единство глобальных рынков), консервативной, или патриотической — как фактор усиления Китая.

Первые — наши непримиримые враги, вторые — стратегические союзники, для стратегического союза с которыми с ними, тем не менее, необходимо тактически воевать. Ведь отказ от своих интересов уничтожает нас как фактор глобальной политики и тем самым лишает нас стратегической ценности в их глазах. Наше потенциальное значение для консервативной части глобального бизнеса является наглядной иллюстрацией известной формулы «опереться можно лишь на то, что сопротивляется».

Описанный путь не имеет для нас никаких приемлемых альтернатив, однако ресурсы для движения по нему (как материально-финансовые, так и кадрово-идеологические) можно получить лишь за счет комплексной модернизации России. Провести ее без уничтожения

либерального клана в руководстве нельзя, — но это требует прыжка в неизвестность, на который у высшего руководства страны нет ни групповых сил, ни личной решимости.

Глобальный пейзаж: наши интересы — основа гуманного будущего

Между тем передышка между кризисами, используемая ключевыми глобальными игроками для изменения правил игры и конфигурации действующих сил (США) или наращивания ресурсов и концентрации средств (Китай), близка к исчерпанию.

Американский гений оттягивает срыв мировой экономики в глобальную депрессию, в ходе которого произойдет распад единых рынков на макрорегионы, с 2001 года, — но это оттягивание не может идти бесконечно. Его инструмент — хаотизация все новых территорий и все большее запугивание спекулятивных капиталов мира с тем, чтобы они, как в последнюю «тихую гавань», бежали в США и, оплачивая собой их потребление, поддерживали тем самым созданную ими мировую финансовую инфраструктуру.

Расширение «зоны хаоса» не может идти бесконечно; при этом затягивание в его воронку стран с ядерным оружием (например, России) может привести к глобальной катастрофе. Собственно, наша страна, остановив расползание «зоны хаоса» в Сирии и купированием конфликтов с Украиной и Турцией, и кладет конец американской модели сдерживания глобальной депрессии.

А срыв в нее означает войну всех против всех всеми доступными способами и предъявляет высочайшие требования и к обществам, и к их экономикам, и в первую очередь — к системе управления ими.

Мы к этому по-прежнему совершенно не готовы.

Апелляции к опыту межвоенного периода и Второй мировой войны полезны, чтобы не допускать самоуспокоения, которое в любой момент может стать самоубийственным. Однако нельзя забывать, что предстоящий нам кризис намного страшнее преодоленного нашими прадедами, — хотя бы тем, что он будет сопровождаться массовым сломом культурных идентичностей, которые, вероятно, и станут основными реальными, а не провозглашаемыми целями борьбы.

Вторая мировая война, при всех ее ужасах, велась в рамках западноевропейской цивилизационной парадигмы. Ее единственный полноценный неевропейский участник — Япония — стала таковым именно в силу принятия, пусть даже и внешнего, западных общественных технологий и вхождения при помощи этого в пространство западной цивилизации.

Сутью Второй мировой войны было радикальное укрупнение числа макрорегионов (с пяти до двух), что расширило масштабы конкуренции в каждом из них, ослабило монополизацию рынков и, положив тем самым конец Великой депрессии, подарило миру 40 лет мирного развития.

Культурный аспект носил подчиненный характер и заключался в попытке уничтожения незападных обществ: Советского Союза как восточноевропейской цивилизации, само существование которого означало наличие европейской альтернативы Западу и, соответственно, его историческую неполноценность, и Китая как невестернизированного, в отличие от Японии, гиганта Азии.

Обе эти цели не были достигнуты, и результатом войны в плане культурного противоборства стало резкое ослабление Запада за счет укрепления восточной, социалистической альтернативы ему. В рамках западной цивилизации лидерство было перехвачено у вошедшей в стадию упадка Великобритании Соединенными Штатами, но эта победа обесценивалась укреплением альтернативы Западу как таковому.

Уничтожение Советского Союза обеспечило США глобальное лидерство, с которым они не могли справиться в силу объективной, органической несовместимости функций арбитра глобальных рынков и их же ключевого игрока. «Играющий судья» неминуемо разрушает не только своих противников, но и саму игру как таковую, — и это еще одна, не экономическая, но управленческая причина неизбежности распада глобальных рынков на макрорегионы.

С экономической точки зрения это будет катастрофой, прежде всего из-за резкого сокращения масштаба большинства коммерческих операций. Административные, культурные и иные надстройки крупного бизнеса лишатся средств (которые они получали именно за счет большого масштаба операций и высасывания средств неразвитой

части мира) и разрушатся, что будет означать конец западной цивилизации в том виде, в котором мы ее знаем.

Весьма возможно, что нынешние частные военные компании (ЧВК), созданные глобальным бизнесом для непубличного решения деликатных проблем и блокирования политического противодействия глобалистам на уровне национальных государств, лишившись традиционной подпитки, перейдут «на подножный корм» и, освободившись от контроля государств и стоящих за ними глобального бизнеса, станут самостоятельным фактором борьбы за власть, — как это было в Средние века.

Сжатие рынков уничтожит многие современные технологии, для которых просто не окажется потребителей, — и создаст огромные перспективы для России, культура которой наиболее соответствует созданным в основном в недрах советского ВПК «закрывающим» (простым и сверхпроизводительным) технологиям. Они продолжают развиваться в порах общественного организма и являются золотым ключом к будущему, который просто надо суметь взять.

Однако главная борьба эпохи депрессии — за культурную перекодировку народов. Превращение в смысл жизни огромных групп населения несовместимой с жизнью ненависти, успешно проведенное в Прибалтике, отчасти в Польше и находящееся в разгаре на Украине, — лишь предвестие масштабных операций, которые будут вестись в рамках борьбы макрорегионов за выживание.

При этом основным «полем боя» окажется Западная Европа: остаточное благосостояние сделает ее привлекательной для экспансии, а ее собственную культуру уже сокрушила либеральная идеология глобализма. В результате нынешние европейцы отринули и растоптали то, что мы по старинке именуем «европейскими ценностями», заменив их возведенной в принцип интеллектуальной, моральной и волевой импотенцией, и фактически отказались от продления рода (так как дети мешают потреблять и строить карьеру), расчищая тем самым пространства Западной Европы для политического ислама и его носителей.

Ключевым вопросом ближайших 30 лет, в течение которых Евросоюз будет плавно трансформироваться в Европейский Халифат, является то, кто и зачем будет готовить для нового проекта объединенной Европы политические, административные и культурные

кадры. Сохранение этой роли за США сохранит их доминирование на Западе, даже если тот станет исламским. Китай не сможет готовить исламские кадры в силу кровотокающей проблемы Синцзян-Уйгурского автономного района (а США, — даже если в 2020–2021 годах они и не нападут на Китай, вопреки складывающемуся балансу внешних и внутренних потребностей, — приложат все силы, чтобы данная проблема оставалась максимально острой).

А вот подготовка кадров Европейского Халифата Россией (что возможно, если мы сумеем начать свою модернизацию) позволит решить целый ряд болезненных проблем, в том числе сохранения достижений европейской культуры (включая способность к организации технологического прогресса и созданию новых технологий) даже после наполнения ее новым, исламским содержанием. Существенно и то, что, сделав главной целью политического ислама создание Европейского Халифата и оказывая ему в этом необходимую помощь, Россия станет необходимой ему стратегическим союзником, что даст ей возможность избежать превращения в его мишень, в объект его экспансии. Политический же ислам освободится в этой схеме от манипулирования со стороны США и, перестав быть их инструментом, получит возможность обрести субъектность и начать развиваться в собственных целях.

Эта позиция России в наибольшей степени соответствует интересам гуманизации развития человечества даже в катастрофах глобальной депрессии. Однако решать стратегические задачи мы можем лишь по мере решения своих собственных, внутренних проблем.

Мы уже упустили время, когда можем, как это было в межвоенный период, сначала модернизироваться, подготовив общество к предстоящим потрясениям, а уже затем войти в эти потрясения. В этот раз нам предстоит строить одновременно мир снаружи и себя внутри, конструируя внутреннюю и внешнюю политику по образу и подобию друг друга.

К сожалению, для того, чтобы справиться с этой задачей, надо сначала решить коренную задачу оздоровления российского управляющего класса, очистки его от «офшорной аристократии» и, шире, от стремящихся к ее разграблению вместо созидания. Даже признаков начала движения по этому пути в настоящее время не

видно, что свидетельствует о реальной возможности уничтожения России и, более того, русской цивилизации как таковой.

Человечество за порогом^[25]

Ключевой вопрос мировой политики на 2018–2020 гг. — сохранение России в условиях срыва в Глобальную депрессию

«ЗАВТРА». Михаил Геннадьевич, сейчас довольно широко обсуждается очередной доклад Римского клуба, сделанный им в связи с его полувековым юбилеем. И одновременно появились сообщения о Римской декларации вашего института. Как связаны эти материалы?

Михаил ДЕЛЯГИН. Только городом. В начале января в Риме прошла очередная общая конференция представителей и партнёров Института проблем глобализации из разных стран. Это скромное внутреннее мероприятие обычно не привлекает внимания и направленно лишь на поддержание внутренних коммуникаций в условиях всё более болезненного разделения человечества.

Однако обсуждения неожиданно выявили общее понимание глубоких изменений человечества, ещё не осознанных им. Наиболее важные элементы общего для нас понимания нового мира мы и закрепили в Римской декларации; если бы хоть кто-то из нас вспомнил о Римском клубе, её, конечно, назвали бы по-другому.

«ЗАВТРА». И каков её главный вывод?

Михаил ДЕЛЯГИН. Глубина всеобъемлющей трансформации человечества беспрецедентна. Сменился сам вектор развития: нашим главным делом вместо изменения окружающего мира стала трансформация своего сознания и восприятия этого мира: high-hume приходит на смену high-tech'y* Эта революция не имеет аналогов в истории, мы делаем то, к чему не приспособлены физиологически, психологически и социально.

«ЗАВТРА». Если меняется всё, то, наверное, меняется и личность?

Михаил ДЕЛЯГИН. Информационные технологии делают её пластичной, мозаичной, внушаемой, не способной на долгосрочное целеполагание и систематическое приложение усилий. Клиповое

сознание переходит в «кликное» — нуждающееся в немедленной реакции на разрозненные внешние раздражители ради получения эмоции, а не результата.

Кстати, суть современного информационного взаимодействия — обмен внимания пользователя на получаемые им эмоции. Бизнесу нужно удержание внимания, пользователю — эмоции. Содержательная деятельность сама по себе перестаёт быть ценностью.

Общество рассыпается на индивидов, объединённых некритически воспринимаемыми ими объектами в секты. Соцсети как структурообразующий элемент общества трансформируются в социальные платформы, интегрирующие всю внешнюю активность личности и через информационноэмоциональный фон определяющие её поведение. Общество становится алгоритмичным, развитие индивида прекращается (так как соцсети ради удержания внимания помещают его в кокон комфорта, в котором отсутствуют мотивации для развития), что, возможно, свидетельствует о выходе на новый уровень развития коллективного сознания.

Атомизация общества, вызванная трансформацией личности, дополняется формированием «глобальных племён», объединённых поверх госграниц специфическими моделями поведения. Бизнес укрепляет эти модели как новые рынки, размывая обычные общества-государства и натравливая на них своих потребителей. Частный случай этого — поощрение сексуальных отклонений (являющееся также инструментом формирования новой глобальной элиты, отделённой от «старого» мира и не питающей к нему сантиментов).

«ЗАВТРА». А как меняется состояние общества как такового, не только с точки зрения его взаимодействия с индивидом?

Михаил ДЕЛЯГИН. Познаваемость мира снижается в силу его усложнения и всё более хаотического воздействия на сознание индивида. Это ведёт к вырождению науки в культурно, но не производительно значимый социальный уклад, а образования — в средневековый инструмент поддержания стабильности. Знание становится достоянием избранных, что грозит его вырождением в ритуалы и через поколение — технологическим крахом, который сократит население Земли в разы.

Системы управления уже поколение не демонстрируют адаптации к используемым ими технологиям формирования сознания. Нарастает

управленческий кризис, вызванный самопрограммированием управляющих систем, их отказом от реальности, переориентацией с изменения реальности на изменение её восприятия, а главное — более интенсивной трансформацией их сознания по сравнению с сознанием общества. А цена управленческой ошибки качественно возрастет при переходе от BIG DATA к SMART DATA (структурированным базам данных: структурирование на основе ошибочной гипотезы гарантирует ошибочный результат).

Деньги теряют значение, уступая его технологиям. Капиталы становятся неключевым элементом технологий, так же как с развитием капитализма золото стало неключевым элементом капитала. Технологии всё меньше отчуждаются от своих создателей и становятся основой нового монополизма: метатехнологии исключают возможность конкуренции с их создателями. Инфраструктура становится главной частью технологий, социальные сети перерастают в интегрированные платформы, всё больше определяющие повседневную жизнь и общественную активность человека.

Производство как таковое на порядок менее рентабельно, чем создание технологий, дизайн и маркетинг, и потому проигрывает им конкуренцию за все виды ресурсов. Это ведёт к его отставанию, стагнации и упадку (инженеров не хватает даже в Германии) и может не просто ограничить развитие, но и привести к масштабной технологической деградации и планетарным катастрофам.

«ЗАВТРА». Каково воздействие на общество пресловутого искусственного интеллекта?

Михаил ДЕЛЯГИН. Искусственный интеллект, как сформулировал в 2017 году Пентагон, — симбиоз способного к творчеству человека и олицетворяющего формальную логику компьютера. Рост мощности компьютеров распространит формальную логику на сферу образного мышления, что сузит пространство человеческого творчества. Биологизация интерфейса взаимодействия с компьютером сделает нас равными по доступу к формальной логике; конкуренция будет вестись на основе творческих способностей. Это ведёт к кризису в управлении (мы не умеем управлять творческими людьми), педагогике (пока мы не научимся воспитывать творческие способности, как сейчас воспитываем логическое мышление) и в целом в общественном устройстве (отсутствие творческих

способностей будет приговором даже для членов элиты, и сохранение таких детей в элите будет означать крах общества из-за неконкурентоспособности).

Общество будет развиваться по пути китайского «социального кредита», а японская модель «общества 5.0» будет встроена в неё в качестве частного улучшения. Лидерство в социальном развитии, как и другие формы глобального лидерства, в 2017 году перешло от США к Китаю, что предопределяет неизбежность их столкновения.

«ЗАВТРА». Вы часто говорите о том, что главным субъектом развития стал глобальный управляющий класс, выражающий интересы глобального бизнеса. Что это такое?

Михаил ДЕЛЯГИН. Это не жёсткая иерархическая структура (не зря провалились все попытки создать «мировое правительство»), а открытая совокупность социальных вихрей, втягивающая в себя индивидов, обладающих глобальным влиянием, личной энергетикой и мобильностью, и выбрасывающая их при утрате хотя бы одного из этих качеств. Противоречие между мощью глобального управляющего класса и его безответственностью перед управляемым им человечеством характерно для Средневековья и создаёт угрозу возвращения его норм. Ключевую роль в глобальном бизнесе (и, соответственно, в глобальном управляющем классе) играют «фонды фондов», владеющие основными глобальными корпорациями и друг другом.

США — оргструктура глобального управляющего класса, что создаёт внутри них перманентный конфликт представителей этого класса с национальной бюрократией, а также противоречит возвышению в его составе представителей Китая (остающихся, в отличие от остальных его элементов, защитниками своего общества). Эти конфликты будут нарастать, открывая возможности и для России.

Перерастание соцсетей в социальные платформы, создающие среду обитания человека в развитых обществах и определяющие его поведение, повышает значение их разработчиков и управленцев в составе глобального управляющего класса. Финансисты из «фондов фондов», по-прежнему владея информационными корпорациями, утрачивают возможность понимать, чем они владеют. В результате представители соцсетей из подчинённых становятся (возможно, временно) равнозначимы «хозяевам денег». Они владеют поведением

людей, их мнениями и эмоциями прямо, а не посредством денег. Это создаёт новый конфликт внутри глобального управляющего класса: между финансовыми и социальными владельцами мира.

Эти конфликты внутри глобального управляющего класса дополняют главный конфликт современности: между глобальными и обособленными структурами (в частности, между глобальным бизнесом и государствами) — и дают новые шансы патриотам, желающим вернуть служащие глобальному бизнесу государства своим народам.

«ЗАВТРА». А каково глобальное значение криптовалют?

Михаил ДЕЛЯГИН. Разрешение развитыми государствами использования криптовалют, объективно подрывающих национальный суверенитет, означает, что криптовалюты нужны кому-то, кто сильнее государств: глобальному бизнесу. Противоречие между глобальными функциями доллара и его национальной природой (усилившееся с намерением Трампа взять под контроль ФРС) стало нестерпимым для глобального бизнеса. Раз сделать доллар международным не удалось, потребность будет удовлетворена иным путём: глобальной по своей природе криптовалютой. Это не противоречит созданию криптовалют спецслужбами, так как при размывании государств они сближаются с глобальным бизнесом, а их руководство может входить в глобальный управляющий класс.

В отличие от обычных валют, обеспеченных доверием к эмитирующим их государствам, криптовалюты обеспечены недоверием к государствам, недееспособным в глобальном кризисе (прежде всего из-за притятия либерализма — идеологии глобального бизнеса). Биткоин как доллар для криптовалют (они котируются в биткоинах) сохранит ключевую позицию в их мире до появления универсальной платформы, объединяющей лёгкость расчётов и широкий функционал (включая смарт-контракты); появления её стоит ждать от Дурова как наиболее творческого представителя информбизнеса. Дуров (или иной, решивший эту задачу) будет либо взят под контроль глобальным управляющим классом, либо (в случае свободолюбия) столкнётся с проблемами, которые сохранят инфраструктурную позицию биткоина, несмотря на его недостатки.

«ЗАВТРА». А что вы считаете главным направлением влияния новых технологий на обычные общества?

Михаил ДЕЛЯГИН. Сверхпроизводительность информационных технологий резко сокращает число людей, нужных для производства потребляемых человечеством благ, делая лишними сотни миллионов, а в близкой перспективе — миллиарды людей. Государства ради социальной стабильности сдерживали рост производительности, но глобальный бизнес (как и бизнес в целом) не воспринимает социально-психологические категории и, став с уничтожением СССР сильнее государств (так как

их ресурс — монополия военной защиты — утратил смысл), форсировал прогресс коммерциализации-ей созданных в ходе «холодной войны» новых технологических принципов. Поскольку разрыв между производимым и потребляемым наиболее значим у «среднего класса» развитых стран, его утилизация стала категорическим императивом рынка.

Примирение европейского «среднего класса» с его обеднением организацией миграционного кризиса достигнуто ценой ускорения исламизации Европы. Превращение Евросоюза в евро-халифат вероятно к 2050 году. Только Россия (в случае сохранения) может подготовить управленческие кадры и концепцию, позволяющие избежать варваризации и сохранить достижения европейской культуры (включая навыки создания и развития технологий) в рамках политического ислама.

«ЗАВТРА». Но ведь феномен «лишних людей» переворачивает всю современную цивилизацию! Что от неё остаётся?

Михаил ДЕЛЯГИН. Не так много. Прежде всего, исчезает экономический фундамент гуманизма (ранее человек приносил прибыль, теперь — издержки). Утилизация населения, с чем столкнулись ещё гитлеровцы, крайне сложна. В неразвитых странах голод, болезни, искусственное бесплодие (включая прививки и планирование семьи) и войны не решают проблему: люди перестают размножаться, лишь если живут хорошо, но это повышает издержки, а не снижает их. В развитых странах мейнстрим — виртуальная реальность, но проблема извлечения прибыли из отправленного в неё тела не решена, что сохраняет проблему «лишних людей» как источника убытка.

Эта проблема уничтожает демократию и рынок. Первая осуществляется исключительно от имени и во имя среднего класса (в

2017 году Макрон, выступая перед послами Франции в других странах, назвал её возможной лишь на местном уровне), второй невозможен без генерируемого им спроса. Рыночная демократия на глазах перерождается в распределяющую блага информационную диктатуру.

Открытие новых технологических принципов без угрозы существованию несовместимо ни с рынком, ни с западной демократией: оно требует инвестиций в полную неопределённость, что несовместимо с первым, и отказа от сегодняшнего потребления ради завтрашнего, что несовместимо со второй. Поэтому по завершении коммерциализации технологических принципов, открытых в ходе «холодной войны», отказ от рынка и западной демократии становится условием развития. Возможно, отход США от демократии вызван не только внешним управлением со стороны глобального управляющего класса, но и стремлением преодолеть ограниченность её западной модели для продолжения развития.

«ЗАВТРА». И каков же выход из тупика, в который движется мир?

Михаил ДЕЛЯГИН. Сохранение гуманизма, а также благосостояния и жизней лишних людей возможно только при смене цели развития: с прибыли на развитие человека. Тогда переизбыток людей обернётся их нехваткой (так как развитие личности потребует роста числа педагогов и медиков).

Но причины провала советской цивилизации сохраняются: неясно, почему личность предпочтёт совершенствование деградации, непонятны критерии самого совершенствования (ибо личность, в отличие от капитала, многогранна). Прорывом может стать китайская попытка преобразования человеческой природы (система «социального кредита»); её новизна по сравнению с советской заключается во всеобъемлющем воздействии на личность и разветвлённой обратной связи (которые могут погибнуть по завершении доработки системы).

Информационные технологии приносят в жизнь многие черты коммунизма. Общественная природа и неотчуждаемость главного ресурса — информации — делают невозможной частную собственность на неё, выводя её за рамки капитализма. Попытка её приватизации «правом интеллектуальной собственности» выродилась

в злоупотребление монопольным положением и в целом уже провалилась.

В развитых странах труд перестал быть условием выживания, разница между рабочим и свободным временем стёрлась (хотя способом, который никого не радует), а между трудом и развлечением стирается стремительно: труд становится всё более творческим.

Акционеры глобальных корпораций уже не могут управлять своей собственностью: управление объективно принадлежит топ-менеджерам. Более того: акционеры в массе своей и не хотят управлять, уничтожая тем самым являющуюся фундаментом капитализма частную собственность, не существующую вне управления. Она отмирает, хотя и не так, как ждали классики.

Марксизм был разработан на научном фундаменте XIX века. Его ключевое достижение — исторический материализм, применяющий диалектику к общественному развитию, то есть к развитию не на основе неизменных правил (как это имеет место в природе, изучаемой диалектическим материализмом), а напротив, за счёт их постоянного изменения.

Но научная революция шла весь XX век и продолжается сейчас. Относительно передовой раздел «сердца науки» — математика неопределённостей — уже применяется для управления локальными общественными процессами; её предстоит применить к развитию в целом. Затем к обществу будут применены подходы квантовой механики и космологии. Осознание этой практики изменит лицо марксизма.

«ЗАВТРА». А если перейти от фундаментальных процессов к тому, что происходит на рынках прямо сейчас: что нового?

Михаил ДЕЛЯГИН. Экономический кризис вызван загниванием монополий, сложившихся на глобальном рынке. Возможности расширения рынков близки к исчерпанию как территориально (глобальный рынок расширять некуда), так и финансово (накачка денежного спроса ограничена безопасными темпами роста долговых пирамид), и технологически. Фундаментальный переход от изменения мира к изменению его восприятия подготовлен произошедшей в 1970-е годы сменой вектора развития с производства на развлечения: это удешевило и упростило создание новых рынков, но результат уже принесло. Новые рынки, создаваемые изменением человека (включая

расширение спектра сексуальных ориентаций, грозящее вымиранием), достаточны для формирования нового политического мейнстрима Запада, но не для генерации необходимого спроса.

Загнивание монополий проявляется, прежде всего, в нехватке спроса. Наученные Великой депрессией, развитые страны компенсируют сжимающийся коммерческий спрос кредитной эмиссией. Но её возможности близки к исчерпанию: так как в развитых странах нет места новым крупным прибыльным контурам, эмиссия оборачивается ростом заведомо безвозвратного долга.

Конкуренция за спрос, усиливая протекционизм, уже рвёт глобальные рынки на макрорегионы, обрушивая мир в новую, Глобальную депрессию. Глобальная депрессия будет хуже Великой: она так же будет порождать войны, но войны не будут выходом из неё (Глобальная депрессия будет заключаться в распаде единого рынка на макрорегионы, и война, в отличие от Второй мировой, не объединит их — по крайней мере, на первом этапе).

Промежуточный этап уже налицо: три валютные зоны (доллара, юаня и евро) в экономике и биполярное противостояние США и Китая в политике. Глобальная депрессия будет, как межвоенный период, временем хаотичной борьбы всех со всеми (включая негосударственных участников глобальной конкуренции). Ослабление глобальных монополий частично восстановит роль государств.

«ЗАВТРА». А даст ли это нам какие-то новые возможности?

Михаил ДЕЛЯГИН. Распад глобальных рынков на макрорегионы снизит ёмкость отдельных рынков, что вызовет исчезновение ряда технологий (им не хватит спроса). В случае технологий жизнеобеспечения (например, несоздания новых поколений антибиотиков) это будет грозить катастрофой. Выходом станет дотирование этих технологий государством (возможности чего ограничены) и применение «закрывающих» технологий. Последнее даст дополнительную возможность России как их родине и стране, культура которой соответствует им (как старая немецкая культура соответствует инженерным наукам, итальянская — дизайну, английская — юстиции, а американская — бизнесу).

«Закрывающие» технологии — простые, дешёвые и сверхпроизводительные — в основном созданы в рамках ВПК СССР (только там велись массовые исследования без заранее обещанного

результата) и пока развиваются в порах общества. Они подавляются монополиями (которые зарабатывают на издержках и потому усложняют и удорожают, а не упрощают и удешевляют продукцию), ослабление которых откроет эру расцвета «закрывающихся» технологий.

«ЗАВТРА». И что на фоне этих тектонических сдвигов происходит в мировой политике?

Михаил ДЕЛЯГИН. Её главный сюжет — борьба в глобальном управляющем классе двух групп: пытающихся остановить распад глобальных рынков на макрорегионы и сознающих неизбежность этого распада, стремящихся оседлать его. Первые поддерживают либералов, вторые — патриотов (консерваторов); в США их противостояние выражено холодной гражданской войной глобалистской либеральной элиты против Трампа. Либералы обречены на поражение ходом истории, но будут сопротивляться и сохранят часть своего влияния в мире Глобальной депрессии.

США живут, пока мир оплачивает их потребление покупкой их госбумаг с нерыночно низкой (это условие устойчивости финансовых пирамид) доходностью. Такая покупка может быть массовой только от страха. Поэтому стратегия США — запугивание доступной им части мира: после исчезновения «советской военной угрозы» — расширением зоны хаоса. Хаотизация мира — объективное условие сохранения США как единственной «тихой гавани» для капиталов (даже Саммерс признал: без зарубежных военных баз США тут же обанкротятся). Это устремление объединяет всю их элиту.

«ЗАВТРА». Но нельзя же бесконечно расширять хаос и нагнетать напряжённость: можно сорвать мир в большую войну!

Михаил ДЕЛЯГИН. Пока получается. Хотя в 2020–2021 годах вероятен военный конфликт США с Китаем в связи с насыпаемыми последним островами, делающими Южно-Китайское море его внутренним. США не смогут ждать смены в пользу Китая глобального политического баланса вслед за аналогичным изменением экономического, технологического и информационного балансов. «Вторым фронтом» в этом конфликте станет организованное США (которые перебросят туда подготовленных боевиков-исламистов запрещённого в РФ ИГ) восстание в Синцзян-Уйгурском автономном районе Китая. Возможна и дестабилизация Казахстана, давление США на который очевидно.

«ЗАВТРА». А какова же наша роль в этой перспективе?

Михаил ДЕЛЯГИН. Ключевой вопрос мировой политики на 2018–2020 годы — сохранение России, не сумевшей создать свой макрорегион (несмотря на разговоры с 2006 года), в условиях срыва в Глобальную депрессию.

Отказавшись (Валдайской речью Путина в сентябре 2013 года) от форсированной трансформации человека ради создания новых рынков, Россия доказала ценностную несовместимость с Западом и вызвала агрессию в виде привода к власти на Украине фашистов. Затем Россия обесценила усилия США по хаотизации мира (купировав исламский фундаментализм в Сирии, не дав втянуть себя в войну с Украиной, а затем и Турцией, при том что хаотизация ядерной державы — идеал стратегии США), способствовав этим победе патриота Трампа над либералами.

Россия уязвима в силу гибридного характера государственности: патриотическая внешняя

политика сочетается с либеральной социально-экономической. Опора высшего политического руководства на стихийный патриотизм общества и его инстинкт самосохранения противоречат компрадорскому характеру элиты (офшорной аристократии) и стремлению сходящих с глобальной арены в небытие либералов вернуть себе всю полноту власти по образцу 1990-х.

Это делает вероятной попытку либерального госпереворота. Чем позже будет совершена эта попытка, тем выше (в силу роста раздражения общества от падения уровня жизни и антинародности элиты) её шансы на успех, означающий уничтожение современной России.

Беседовал Алексей Гордеев

Нужна только воля...[\[26\]](#)

Руководство РФ, заявив о «выравнивании» с США штата дипломатических миссий, оставило за собой право ответа на новый пакет антироссийских санкций, принятый американскими «партнёрами».

Если в Кремле всё же решатся на реальные контрсанкции, то здесь вообще даже думать не нужно, потому что все необходимые были разработаны и подготовлены ещё во времена принятия американцами антироссийского «списка Магнитского». Если бы эти контрсанкции начали вводить ещё тогда, не было бы не то что сегодняшних санкций — не было бы и нацистского госпереворота на Украине. Есть животные, которые понимают только палку, и американская элита принадлежит к этой зоологической категории. Есть очень широкий, очень разнообразный набор чувствительных для США мер.

Во-первых, китайцы давно ввели норму, по которой госслужащие, сотрудники госкомпаний и те, кто хочет взаимодействовать с госкомпаниями, не могут иметь почту на «Гугле», не могут пользоваться поисковиком «Гугла» и не могут пользоваться айфонами, айпадами и прочими изделиями фирмы «Эппл». Это вызвано тем, что доля закрытых кодов, то есть доля программного обеспечения, которая делает непонятно что, в продукции этих компаний достигает 90 %. А, скажем, у «Майкрософта» — 50–60 %. Одно из «высочайших достижений» российских технологий — это такой специальный кармашек, в который можно положить айфон, после чего тот не сможет собирать и передавать информацию. Потому что даже с полностью разряженным аккумулятором якобы не работающий айфон собирает информацию обо всём, что происходит вокруг него (и на волнах wi-fi, и в голосовом, и в визуальном режиме) и периодически куда-то передаёт.

Второе. Это переход с программного обеспечения «Майкрософт» на Линукс с открытым программным кодом. Необходимая для этого стандартизация требует очень небольших денег, несколько миллионов долларов максимум, и очень короткого времени — за год всё можно

сделать совершенно спокойно. Уже две эти вещи крайне чувствительны для США, для их бизнеса, и являются поэтому отличной переговорной позицией.

Третье. Россия является членом ВТО. Санкции против нас нарушают требования ВТО. Отлично, приостановите действие всех соглашений ВТО со странами, которые нарушают эти правила по отношению к нам, на время действия их санкций — и точка. Нужно учесть, что из ВТО нельзя выйти просто так, договоры с ней — это коммерческие соглашения, причём бессрочные. Если я в одностороннем порядке разрываю коммерческое соглашение, я оплачиваю убытки партнёров, которые им нанёс. А если соглашение бессрочное, я, соответственно, должен платить до бесконечности. Это — если следовать нормам международного права, которые сейчас никем не соблюдаются. По крайней мере, никем из сильных игроков на Западе. Но, самое главное: то же самое международное право предусматривает, что любая сделка, заключённая на основе коррупционных мотиваций, априори является ничтожной. Можно посмотреть на степень кабальности, колониальности, невыгодности соглашений о присоединении к ВТО для России и посмотреть на людей, которые это соглашение заключали с нашей стороны. Так как там нет идиотов, имбецилов или людей в состоянии алкогольной деградации личности, — то, на мой взгляд, конкретно доказать коррупционную мотивацию совсем не сложно. После чего все эти соглашения фактически превращаются в пыль — согласно нормам международного права. Запуск этой процедуры смертельно опасен для Запада.

Дальше. В России есть замечательная организация, называется Роспотребнадзор. Она обязана защищать наше с вами здоровье от заведомо вредных продуктов, которые гарантированно разрушают наше здоровье. К числу такой продукции относится, среди прочего, всё, что производит компания «Макдональдс» и, вероятно, другие сети американского быстрого питания. Про «Макдональдс» говорю столь уверенно по очень простой причине: руководитель чешского филиала «Макдональдс» в своё время заявил, агитируя за компанию и говоря, что её продукция безопасна: «Даже дети до 14 лет раз в неделю могут кушать в «Макдональдсе» без всякого ущерба для своего здоровья». Это, что называется, «признательные показания» в чистом виде. Также

заведомо вредны газированные напитки с избыточным содержанием сахара, все эти «Кока-колы», «Пепси-колы», «Спрайты» и так далее. Они должны быть запрещены к производству в РФ и к ввозу в РФ или же облагаться таким акцизом, который превратит их в предмет роскоши типа марочного коньяка — для любителей, для «эстетов», которые уже без этих «кол» прожить не могут. Пожалуйста, переходите на разлив обычной минералки, безопасной газировки — как хотите! — а свою отраву вы должны прекратить производить. Список можно продолжать бесконечно. Мы до сих пор почему-то ввозим американские вина. Сейчас запрет на ввоз вин и готовых автомобилей, а не машинокомплектов для сборки, сильнее ударит по Европе, чем по США — но для американцев он тоже будет неприятен и весьма чувствителен. И это лишь то, чем американцы торгуют у нас, — не нарушая никаких обязательств поставок урана, ракетных двигателей, титана, никеля etc. с российской стороны. Нужна только воля...

Фрагмент эволюции: от индивидуального сознания — к коллективному^[27]

Отдельный человек перестал быть органом, которым Вселенная познаёт себя

Участвуя в крупных конференциях, невозможно удержаться от ощущения попадания внутрь огромного надчеловеческого и притом разумного организма, для которого отдельные люди и даже их коллективы являются лишь взаимозаменяемыми и не так уж важными по отдельности составными элементами.

Весьма вероятно, что коллективный разум (причём, возможно, на уровне всего человечества, а не отдельных организаций или народов) в той или иной форме уже сложился, и индивидуальное сознание просто не в состоянии не только осознать, но даже как-либо воспринять, заметить его.

Нельзя исключить, что с точки зрения коллективного разума, складывающегося из индивидуальных сознаний либо использующего их, эти индивидуальные сознания должны быть максимально упрощены и специализированы — просто для удобства управления (подобно тому, как американская управляющая система стремится к максимальной примитивизации своих граждан).

И в этом случае познавательная роль индивидуума уже выполнена, познание как процесс делегировано личностью на более высокий уровень коллективного сознания. Отдельный человек перестал быть органом, которым Вселенная познаёт себя (по яркой гипотезе советских философов), и общемировая деградация современной науки вкупе с очевидным за последние четверть века снижением познаваемости мира подтверждают это предположение.

Личность низводится до роли клеточки коллективного сознания, всё менее сознающей себя и, возможно, в принципе не способной осознать то целое, частью которого она стала.

При этом, вероятно, человек сохранил свою вторую исключительную функцию, раскрытую М.И. Веллером в его «Энергоэволюционизме», — генерирование эмоций, к которому он наиболее приспособлен и которое, вероятно, выполняет какую-то исключительно значимую роль в Мироздании. (На фоне убедительной демонстрации физикой не только подобия, причём вплоть до слияния, микрокосма и макрокосма, но и невозможности описания элементарных частиц без языка психологии, это предположение представляется отнюдь не экзотичным).

Утрата одной из двух функций неизбежно означает гипертрофированное развитие другой, — что, возможно, является одной из причин (наряду с выросшим благополучием, снижением самосознания и развитием информационных технологий) повышения значимости эмоций в развитии современного человечества (вплоть до последовательного и вполне сознательного отказа от своих интересов ради новых эмоций).

Ускоряющаяся трансформация человечества под влиянием информационных технологий бесспорна и интересна, однако в рамках данной работы мы сфокусируемся на формировании коллективного сознания.

Усложнение реальности

Значимая для человечества реальность усложнилась не только из-за информационной революции, но и увеличения разнообразия важных для него процессов — от изменения климата и распространения инфекций, компенсирующих ухудшение генетического качества человеческой популяции и снижение иммунитета интенсификацией естественного отбора, до изменения баланса глобальной конкурентоспособности. Налицо реализация «принципа отражения»: влияющие на человечество процессы по мере развития технологий всё больше становятся отражением его деятельности, влияющей на окружающий мир.

Эти процессы становятся всё более комплексными и при этом размытыми, «распределёнными» между разными сферами деятельности. Восприятие же не только отдельных людей, но и

обществ по-прежнему раздроблено по отдельным сферам и лишь с трудом может (если может вообще) объединять изменения, наблюдаемые в отдельных направлениях, в единые целостные процессы.

Описанное весьма существенно ограничивает сферу эффективного применения традиционной формальной логики и оперирующего ею индивидуального сознания.

В целом выход человечества на новый уровень развития и качественное усложнение его взаимодействия с миром кардинально снижают эффективность индивидуального сознания.

Мы видим, что увеличение накопленного знания и, более широко, освоенной информации расширяет непознанное. *Этот тезис иллюстрирует одна из наиболее известных и одновременно древних философских моделей — так называемая «сфера Аристотеля», представляющая собой границу между известным и неизвестным: ее объём символизирует накопленное знание, а поверхность — неизвестное, доступное человеку и потому воспринимаемое им. Чем больше познано, тем больше поверхность сферы; соответственно, тем сильнее и разнообразней столкновение с неведомым.*

Чем больше познано, тем больше неизвестно. А неизвестное интуитивно воспринимается как потенциальная угроза. Поэтому расширение деятельности и накопление знания само по себе ведёт не только к количественному, но и к качественному нарастанию проблем, к повышению их многообразия и ускорению их усложнения.

По мере своего развития человечество выходит на уровень закономерностей, временной и пространственный масштаб которых превышает масштаб деятельности отдельного человека.

Индивидуальные способности ограничены как в силу вероятного наличия биологического предела, так и в каждый отдельно взятый момент до его достижения. Поэтому нарастающие сложность и разнообразие проблем, с которыми сталкивается человечество, рано или поздно превысят уровень, доступный адекватному восприятию и анализу не только среднего, но даже самого выдающегося человека.

Указанное превышение, скорее всего, не носит окончательного, необратимого характера. Происходит своего рода «гонка преследования»^[28]: растущие способности индивидуального

человеческого сознания пытаются соответствовать неумолимо растущей сложности проблем, встающих перед ним — и перед всем человечеством в целом.

Когда сознание человека догоняло сложность встающих перед ним проблем и начинало соответствовать им, прорываясь к пониманию общих закономерностей развития, это проявлялось через расцвет философии^[29], наиболее заметный в античности, эпохе европейских энциклопедистов и открытии диалектики.

Ускорение развития, вызывающее сокращение промежутков между повторяющимися событиями человеческой истории, позволяет предположить близость следующего этапа возрождения философии как универсальной науки — если, конечно, направление развития человечества не изменится резко как раз сейчас, сорвавшись в новую, ещё неизвестную нам плоскость.

Это может быть рывок в индивидуальной биологической (или ментальной) эволюции, повышающий мыслительную мощь отдельного человека. Изменение может коснуться и человечества как целого, и выделяющейся из него группы человеческих сообществ.

Однако в целом **индивидуальный интеллект отстаёт в гонке с усложняющимся миром** — просто потому, что он сам по себе является одним из факторов этого усложнения (если вовсе не ключевым фактором). Поэтому, несмотря на отдельные выдающиеся рывки, отставание это в целом, как правило, нарастало, о чём свидетельствует в том числе и углубление специализации, идущее почти во всех сферах человеческой деятельности.

Организация: рождение коллективного разума

Объективные трудности с пониманием всё более разнообразных процессов (и в целом с взаимодействием с ними) **породили организации**, каждый член которых выполняет одну строго определённую функцию. Тем самым человечество «укрупняло» и усложняло действующие сознания, бывшие до того индивидуальными, подтягивало их на уровень сложности, в большей степени соответствующий изучаемым явлениям.

Всякий сталкивавшийся с организацией чувствует: это не совокупность людей, но целостная система, имеющая свои цели и средства их достижения, далеко не всегда совпадающие с целями и средствами отдельных людей, даже руководящих ею. Скорее это организм в структурном и эволюционном смысле слова.

Обычно организация лучше адаптирована к окружающей среде (образуемой другими организациями, с которыми она взаимодействует), чем любой из её сотрудников. Её способности к познанию, как правило, неизмеримо ниже аналогичных способностей образующих её людей как из-за инерционности группового сознания, так и потому, что коллектив не выравнивается по лучшим своим членам (а обычно — при недостаточно эффективном менеджменте — выравнивается по худшим). В результате новое знание, доступное добывшему его индивидууму, для организации — и тем более общества в целом — сплошь и рядом оказывается принципиально недоступным^[30].

Превосходство коллективного сознания над индивидуальным проявляется прежде всего в сборе и реализации уже имеющейся информации: индивидуум может обладать лишь ограниченным объёмом накопленных человечеством знаний, коллектив же — практически всеми; индивидуум реализует лишь ничтожную часть своих знаний, а коллектив, как бы мало он ни знал, реализует практически все. *Вероятно, поэтому гении редко выживают в организациях: уровень их индивидуального интеллекта оказывается близок к уровню совокупного интеллекта коллектива (а добытое им знание часто недоступно коллективу), что порождает конкуренцию. В итоге гений сначала стихийно отторгается организацией, а затем подавляется ее количественным, а то и качественным превосходством.*

Кроме того, организация как живой организм обладает собственными инстинктами, то есть неосознанными знаниями, которые также делают её сильнее большинства образующих её индивидуумов.

«Коллективный разум», несмотря на банальность этого термина, — такая же реальность, как, например, «коллективный интерес». Опираясь не только на индивидуальные разумы, но и на индивидуальные эмоции и впитывая их, он зачастую успешно

осуществляет **массовое и постоянное объединение логики с интуицией**, пока недоступное для индивидуального интеллекта: искусственному недоступна интуиция, а для естественного интуитивная деятельность связана с чрезмерным напряжением.

Так же, как организация не сводится к совокупности образующих её индивидов, «коллективный разум» не тождественен совокупности отдельных разумов. Лишь в благоприятных и редких случаях он персонифицируется в лице руководителя организации, действия которой тогда становятся преимущественно осознанными. Без этого организация действует как коллектив насекомых, стихийно и неосознанно (хотя часто и эффективно) реагируя на внешние раздражители и стремясь к выживанию, а затем — к экспансии.

Цели и инструменты организации, её стратегии, внешне стихийно определяемые взаимодействием стремлений её членов (подобно тому, как инстинкты животного определяются внешне стихийным взаимодействием электрических импульсов в его нервной системе), могут существенно отличаться от представлений о них даже наиболее осведомлённых и влиятельных её членов.

При эффективном руководстве организация ведёт себя как разумное существо, при неэффективном — как существо, управляемое инстинктами.

Универсальный критерий разумности общеизвестен: это способность к самостоятельному целеполаганию. С этой точки зрения весьма знаменательно, что многие организации рассматривают целеполагание — определение своей «миссии» — как ключевой аспект своей деятельности. Современная наука об управлении считает выработку, доведение до всех членов коллектива и жёсткий контроль за реализацией «миссии» организации категорическим требованием, условием успеха, даже когда с точки зрения индивидуального здравого смысла это кажется напыщенным и излишним. Но дело не в логике: активное, постоянное и разветвлённое целеполагание есть постоянная настойчивая тренировка коллективного разума организации (или его зачатков).

Таким образом, по мере развития систем управления организаций, в первую очередь крупных корпораций, происходит эволюция их коллективного разума, который, хотя и вырастает из совокупностей индивидуальных сознаний, является тем не менее уже не вполне

человеческим. Это «разум второго порядка», надчеловеческий разум, для которого отдельные личности являются не более чем образующими его элементами, отчасти взаимозаменяемыми.

Главным инструментом развития человечества на этапе быстрого возникновения и эволюционирования «второго разума» становится совершенствование «организационной структуры» — механизма объединения ограниченных и неэффективных по отдельности людей в эффективные коллективы. Организационная структура обычно является строго охраняемой коммерческой тайной, ибо технологию производства можно купить или придумать, а технологию управления можно только вырастить, как живое существо, вместе с самой организацией. Доступ к её организационной структуре позволит понять, как она функционирует, и манипулировать ею при помощи не вызывающих подозрений воздействий.

Технология управления представляет собой механизм функционирования именно живого существа — организации; поэтому эффективная технология управления крупной организацией всегда индивидуализирована и является более искусством, чем наукой.

Общество как совокупность разумных, то есть целеполагающих людей даже не столько замещается, сколько дополняется, надстраивается более эффективным сообществом — совокупностью всё более разумных, то есть всё более эффективно целеполагающих организаций. Конкуренция между людьми постепенно перемещается именно на этот, более высокий уровень: **общества, организации которых менее разумны, имеют так же мало шансов на успех в конкуренции, как ещё недавно — общество с менее разумными или менее образованными людьми**^[31].

При этом отдельный человек получает больше степеней свободы, чем раньше, частично освобождаясь от повседневной ответственности за результаты труда, которую всё в большей степени берёт на себя организация, к которой он принадлежит. Она же обычно принимает и осуществляет значимые решения. Поэтому отдельный человек по мере укрепления системы организаций обретает всё большее раскрепощение, хотя эта личная свобода достигается сокращением возможностей личного влияния на развитие общества.

Это открывает для него новые возможности для творчества, для проявлений интуиции. Интуиция отдельного человека относительно

хаотична и неуправляема; она похожа на слабый огонь, который светит понемногу во все стороны. Оценку этой интуиции в сложноорганизованных системах с высокой ценой выхода на рынок производит уже не столько он сам, сколько действующие на нём организации, опосредующие его требования при помощи первичного и осознанного отбора, жёсткость которого иногда превышает жёсткость требований рынка. Именно организация находит творческих людей, решает, заслуживает ли усиления костёр их интуиции, и при положительном решении обеспечивает им почти любую поддержку со стороны почти любого количества людей рутинного труда. Такая организация играет роль «фокусирующего зеркала», превращающего костёр в яркий и убедительный для всего человечества маяк.

Разнообразие видов, сфер и направлений деятельности организаций позволяет творческому человеку ощущать их не как ограничивающие рамки, но, наоборот, как необходимые для насыщенной и успешной жизни подпорки, расширяющие его личные возможности.

Разнообразие организаций касается не только сфер и целей, но и масштабов деятельности. Многие организации «вложены» друг в друга, многие имеют слабо определённые или меняющиеся границы приложения своих усилий. Всё это предоставляет большинству отдельно взятых людей широкие возможности выбора организации, то есть, по сути дела, — административно-организационной, интеллектуальной и ценностной «среды обитания».

Многообразие этого выбора обеспечивается несовпадением границ деятельности организаций разного рода. Классический пример — транснациональные корпорации и государства, занимающиеся примерно одним делом, но на различных «уровнях организации» человеческого общества. Помимо этого, многие типы организаций не предъявляют исключительных прав на своих членов: это касается не только сферы потребления, но и работы, особенно творческой.

Такое «несовпадение границ» создаёт постоянный конфликт интересов, служащий инструментом саморазвития каждой отдельной личности, находящейся в его «магнитном поле». Кроме того, он даёт каждому человеку свободу выбора в нескольких плоскостях сразу, что расширяет возможности самореализации.

Проверка на реальность

Говоря о «коллективном сознании», о разуме организаций, стоит сразу же задуматься — и задумываться впредь всегда, сталкиваясь с чем-то принципиально новым: не является ли оно очередным информационным фантомом? Не имеем ли мы дело вместо чарующей реальности с очередной подделкой неугомонных и неугомонных технологов в области *high-hume*, «исправляющих» наше сознание, чтобы подвигнуть на потребление очередного сорта стиральных порошков? Наконец, не столкнулись ли мы не с сознательным обманом, но, что ещё обидней, всего лишь с «информационным конденсатом» — продуктом случайной комбинации информационных отходов неких неведомых нам информационных же производств?

Ибо мир, в котором основной сферой воздействия и главным полем боя стало наше с вами сознание, неизбежно полон призраков и предрассудков; увидев очередное чудовище, ущипните свой разум: не его ли это сон?

Опасения эти в целом обоснованны, но как раз в данном случае представляются нереальными.

Ведь всё изложенное было общеизвестно задолго до появления и распространения современных информационных технологий. Более того: большинство из нас многократно сталкивалось с проявлениями нечеловеческого, бюрократического целеполагания и логики — и многократно же проклиняло либо использовало её (а обычно делало и то, и другое). О «внутренней логике организации» и «бюрократической предопределённости» написаны горы литературы — от советской классики (см., например, «Новое назначение» Бека, на заре перестройки заново воспетого Г. Поповым), до бессмертных трудов С. Паркинсона и иже с ним.

Большинство из нас знает, что у организации есть свои цели, которые лишь изначально закладываются её создателями, а затем формируются и корректируются ею во многом самостоятельно. Большинство из нас знает также, что продвижение в иерархии неразрывно связано с сокращением степеней личной свободы. Ведь, занимая всё более высокие позиции в системе управления, человек всё больше взаимодействует с организацией, частью которой он всё больше становится, и с остальными «соприкасающимися с ней»

организациями, становясь частью взаимодействия более высокого уровня — уже не межличностного, но межорганизационного.

Наконец, большинство из нас с величайшей охотой пользуется той долей безответственности, которую, компенсируя наши ошибки, даёт нам любая стоящая организация.

Вся новизна изложенного — в немного смещённом взгляде на общеизвестную и неоспоримую деятельность организаций: во взгляде с точки зрения их соответствия критерию разумности и продолжения человеческой эволюции вне отдельного человека.

Не является представлением о разумности организаций и очередной фобией. Формально всё вроде бы в порядке: страх божий, страх техники, страх инопланетян — отсюда рукой подать до страха перед новым разумом, объемлющим нас и, безусловно, влияющим на нас, но остающимся непостижимым и недостижимым.

Однако в реальности отсутствует главное в фобии — сам страх. Для его появления мы слишком хорошо знаем организации (значительно лучше, чем других кандидатов на роль носителей «нечеловеческого разума» — дельфинов). Мы живём и работаем в них, воспринимаем их как дом, построенный если не своими руками, то, во всяком случае, на нашей памяти. Мы взаимодействуем с ними и, что бы про них ни говорили, не боимся их, потому что хорошо знаем и видим: в целом они созданы нами и в основном для нашего блага. Мы слишком привыкли пользоваться ими, чтобы какие-то слова о них, пусть даже подкреплённые бессмысленными и болезненными действиями с их стороны, могли нас напугать.

Но главное — мы инстинктивно (и справедливо) склонны рассматривать организации как своё продолжение. А такой подход исключает возможность появления страха на самом надёжном — подсознательном уровне: человек может бояться своего дома, своих детей и своих домашних животных, но не способен ощутить угрозу со стороны своего послушного тела — со стороны своей руки или ноги.

Поэтому гипотеза о разумности организаций — не информационный фантом и не оригинальная фобия, но обыденная реальность.

То обыденное, что окружает нас и частью чего мы являемся почти с рождения и часто — до смерти, оказывается едва ли не самой захватывающей из доступных нам тайн бытия.

Что может быть более обескураживающим с точки зрения ограниченности возможностей индивидуального сознания? Что может быть более вдохновляющим с точки зрения возможностей и перспектив человечества?

Эпоха интеллектуальной коллективизации

Посредством всё более сложных организаций человечество приспособливает себя к решению всё более сложных проблем, поднимая свой интеллектуальный и организационный уровень до соответствия этим проблемам.

Из-за единства мироздания они едины и, по мере усложнения, как ни парадоксально, требуют не только нарастающей специализации, но и выработки единого подхода к ним — универсализации знания. Несмотря на растущую потребность в ней, на индивидуальном уровне она редка: слишком сложны и разнообразны эти знания. Даже философия, универсальная по своей природе, требует создания специальных и достаточно сложных систем «приводных ремней», адаптирующих её положения к реалиям конкретных сфер знаний.

Обычно универсализация знания проявляется лишь частично: как синтез, объединение предварительно разделённых и притом смежных отраслей знания. В традиционном же, энциклопедическом, всеохватывающем (или хотя бы широко охватывающем) смысле слова она оказывается достоянием либо компьютерных систем, либо **крупных коллективов, становящихся в эпоху информационных технологий вместо отдельного человека основной единицей, инструментом и в итоге, вероятно, субъектом познания.**

К нынешнему человечеству применим апокриф об иероглифическом письме: число иероглифов, нужных для написания или прочтения специализированной статьи и тем более книги, заведомо выше доступного заучиванию одним человеком. Поэтому письмо и чтение по специальности — и, таким образом, процесс познания в целом — доступны не индивидууму, но только коллективу.

Эпоху информационных технологий, характеризующуюся в том числе и взрывообразным расширением любой информации, едва ли не каждый бит которой превращается в заново взрывающуюся

«сверхновую», можно назвать «эпохой интеллектуальной коллективизации», точнее — эпохой принудительного, технологически предопределённого и потому насильственного коллективизма. Ибо один человек не в силах найти и воспринять необходимый для него объём информации.

В этом отношении коллективизм компьютерного века столь же жёстко предопределяется господствующей технологией, как и коллективизм Древнего Египта и других государств, для которых организация массовых работ (в основном в области мелиорации) была условием выживания. Качественная разница заключается в самих используемых технологиях и, соответственно, в уровне и производительности индивидуального человека и его индивидуального сознания, являющегося частью коллективного разума.

В Древнем Египте организация общества могла быть сколь угодно совершенной, но оно находилось в столь жёстких внешних рамках и осуществляло настолько примитивные функции, что по необходимости было простейшим социальным автоматом, не нуждающимся и потому не способным к сложной деятельности и самообучению. При значительных изменениях окружающей среды социальные автоматы древности рушились, как карточные домики, какими бы изощрёнными они ни были и какие индивидуальные умения ни стимулировали бы они на потребу восхищённым археологам будущего.

Деградация индивидуума

Но принудительный коллективизм компьютерной эры имеет и другую — не коллективную, но индивидуальную сторону. В условиях доминирования информационных технологий индивидуум постепенно становится таким же частичным работником, каким он был и в машинном производстве. Раньше он был бесправным придатком станка — теперь он становится почти столь же бесправным придатком общедоступного, но всё равно не зависящего от него и не контролируемого им информационного окружения, принадлежащего и управляемого, правда, уже не таким же отдельным человеком, как он сам, но «коллективным разумом» новых организаций.

Специализируясь на неизбежно узкой и, как правило, сужающейся теме, работник становится ограниченным, односторонне развитым. Если организация — это нечто «большее, чем человек», то её сотрудник, какие бы степени свободы ни были ему предоставлены, — неизбежно уже **нечто меньшее**.

Именно в этом заключается, с одной стороны, один из секретов успешности американской личной ограниченности, режущей глаз представителям других обществ, а с другой — причина последовательного и в итоге эффективного культивирования американским обществом этой ограниченности. Ведь ограниченность личности, её одностороннее развитие облегчают её встраивание в организацию и тем самым повышают её эффективность как частичного, пусть даже и творческого, работника.

Односторонне развитых людей легче складывать в организационные структуры — по тем же причинам, по которым строить сооружения из одинаковых и потому заведомо совпадающих друг с другом кубиков проще и надёжней, чем из хаотически подобранных объектов случайных, пусть даже и красивых очертаний.

Именно в этой особенности американского национального характера заключается одна из причин того, что искусство составлять людей в структуры впервые появилось в США. А когда людей легче складывать в структуры, то и сами эти структуры работают надёжней и эффективней.

Оборотная сторона этого — **упрощение личности** не только как результат, но и **как социальная цель, как объективная задача основной части организаций и общества в целом**. Это ведёт к стандартизации, ограничивающей индивидуальное творчество и **подрывающей этим саму возможность прогресса организаций**.

Американское общество выработало множество механизмов (начиная с поддержки иммиграции творческих людей и пресловутой «политкорректности»), стимулирующих внутреннее разнообразие, но они остаются частичными, и описанное противоречие не только сохраняется, но и обостряется, создавая на наших глазах реальную угрозу западной цивилизации.

Возможен и иной вариант: противоречие между стандартизацией индивидуальных личностей ради удобства формирования организации и потребностью этих же организаций в необычных личностях ради

стимулирования, необходимого для развития творчества, может быть решено на уровне коллективов, а не отдельных людей.

От коллективного разума — к глобальному

Развитие компьютерных технологий и формирование всемирной информационной сети может достигнуть момента, когда её сложность будет сопоставима со сложностью человеческого мозга или даже превысит её. С этой точки зрения нынешние раздробленные «коллективные сознания» могут стать элементами и контурами единого планетарного сознания (или нескольких глобальных), подобно тому, как индивидуальное сознание человека уже становится элементом сознания коллективного. Это сознание впервые в истории может сделать человечество (а точнее — его активно использующую компьютерные технологии часть) действительно единым целым.

При усложнении и сгущении информационных потоков на базе более развитых коммуникаций ещё до формирования единого планетарного сознания возникнут единые планетарные контуры переработки информации, носящие надчеловеческий характер и, вполне возможно, не воспринимаемые индивидуумами. Было бы безосновательным биологическим шовинизмом априорно утверждать, что этим контурам и связанному с ними планетарному разуму будут недоступны творчество и интуиция. Более того: близость по масштабу к единому информационному полю, являющемуся, вероятно, источником интуиции и творчества, позволяет допустить, что эта форма мышления будет более органична ему, чем отдельным личностям.

Снижение способности к творчеству со стороны интегрируемых в организации личностей может быть восполнено появлением нового субъекта творчества — глобального разума (или нескольких разумов такого рода), по-прежнему образуемого отдельными людьми и не существующего без них и вне них, но не осознаваемого и не замечаемого ими.

Человек будет постоянным источником пополнения информационного поля; возможно, некоторые его особенности (прежде всего эмоциональность) обеспечат ему положение

уникального элемента в иерархии разумов и, соответственно, сделают его вклад в формирование информационного поля необходимым и незаменимым. Его биологическая, социальная и технологическая эволюция станет инструментом самосовершенствования надчеловеческого сознания.

Человечество, по-видимому, ещё не столкнулось с планетарными проблемами, требующими формирования и пробуждения планетарного же разума (или нескольких — скорее всего, цивилизационных — разумов, конкурирующих на глобальном поле). Но то, что инструмент этого формирования уже куётся вдохновлёнными похотью любознательности и наживы умами, заставляет вглядываться в убегающий горизонт развития в предвкушении новых проблем и свершений. Хотя, возможно, не только коллективный разум, но и грядущие планетарные проблемы будут доступными восприятию коллективного, но не индивидуального сознания, а мы сможем увидеть лишь их слабое и искажённое отражение, воспринимая их как частное изменение привычных проблем.

* * *

Главный результат развития информационных технологий прост: основным действующим лицом истории становится всё более разумная, всё более крупная и всё более «мягкая», то есть меньше претендующая на монопольное обладание своими членами, организация. Историю в ещё большей степени, чем в наполеоновские времена, делают «большие батальоны» — движущиеся сами и по своей воле, не ощущаемой для своих членов, больше не нуждающиеся в думающих за них и направляющих их Наполеонах, — по-видимому, отныне и навсегда.

А ноосфера, предсказанная Вернадским, на наших глазах стремительно сгущается в коллективное сознание, которое становится для нас новой, четвёртой (после природы, техносферы и социальных сетей) средой обитания — в отличие от трёх предыдущих, не осознаваемой нами.

Ликвидация, санация, национализация [\[32\]](#)

В 2018 году Центробанк может начать зачистку среди страховых компаний — такую же, как в нынешнем году среди банков

В уходящем году впервые за минувшие 30 лет либералам удалось серьезно снизить инфляцию, вплотную приблизив ее к показателям развитых стран. С 2013 года, когда Банк России возглавила Набиуллина, официальная инфляция упала с 12,9 до 2,5 %. Социологические исследования, фиксирующие инфляцию, реально ощущаемую населением, также зафиксировали ее резкое снижение — с 26 до 8,8 %. Но надо понимать, что либералы (а именно они заправляют в Центробанке, да и во всем экономическом блоке правительства) борются с инфляцией не ростом производства или ограничением произвола монополий, а искусственно создаваемым «денежным голодом».

Этот голод имел и внятные побочные последствия, прежде всего, — разрушение экономики. Существенно, что денежная масса заметно растет, в 2017 году опережая не только официальную, но и реальную инфляцию (за 2015 год — на 11,3 %, за 2016 — на 9,2 %, с 1 ноября 2016 по 1 ноября 2017 года — на 10,0 %). Однако Банк России виртуозно концентрирует прирост денежной массы в финансовом секторе (а точнее — у наиболее крупных его участников); остальных осторожное смягчение финансовой политики не касается, и они удерживаются в искусственном и, более того, усиливающемся «денежном голоде». Чего стоит удержание ставки по кредитам на уровне, уверенно превышающем рентабельность большинства не только производств, но и отраслей!

Естественно, разрушение российской экономики бьет и по банковской системе: она оперирует с финансовыми потоками реального сектора, которые пересыхают на глазах.

Активно проводимая в этом году санация, безусловно, была необходима для очищения банковской системы от сотен

банков-«помоек», занимавшихся отмыванием преступных денег, в том числе и коррумпированных чиновников. Однако на практике она выродилась в чудовищный произвол. Сыграла свою роль и административная логика: чем меньше остается субъектов регулирования, тем проще и дешевле их регулировать.

В целом за время правления Набиуллиной (с середины 2013 по 1 декабря 2017 года) число действующих банков сократилось в 1,7 раза, или на 361 — с 894 до 523.

Особенно сильный удар пришелся по региональным банкам, работавшим с реальным сектором. Нормативы рисков Банка России стимулировали банки уходить от работы с реальном сектором, сосредотачиваясь преимущественно на разрушительных для экономики финансовых спекуляциях как наиболее надежном виде коммерческой деятельности. Результатом стал подрыв региональных экономик и вывод финансовых потоков из регионов (предприятия которых стали переходить на обслуживание в крупные московские банки), что дополнительно усугубило и без того чудовищный кризис региональных бюджетов.

Рукотворный, всецело вызванный деятельностью Банка России банковский кризис привел к сокращению реальных активов банковской системы и ее огосударствлению: из 11 крупнейших банков остался лишь один частный (при том, что на долю 5 крупнейших банков устойчиво приходится более 55 % активов банковской системы!)

Разрушение крупнейших частных банков и их вынужденная национализация стали для либералов прекрасным аргументом в пользу проведения форсированной приватизации лучших банков России, принадлежащих государству. В самом деле: разрушив своей политикой крупнейшие частные банки страны, либералы чрезмерно повысили долю государства в банковской системе, — и создали таким образом обоснование для передачи в частные (и вряд ли случайные) руки не руин, оставшихся от частных банков, а лучших государственных банков.

Эта комбинация, похоже, будет завершена уже в 2018 году. Но Банк России регулирует и страховой и пенсионный рынки, — и, похоже, аналогичная комбинация начнет разыгрываться в 2018 году как минимум на первом из них.

Риторика в отношении необходимости «санации» страховой системы России с идеальной точностью совпадает с памятными обоснованиями необходимости «санации» банковской системы. Объективные предпосылки в виде присутствия на рынке большого числа фирм-«помоек» и просто компаний с некомпетентными руководителями и собственниками также налицо.

Более того: страховые компании, в отличие от банков, вызывают растущее негодование у своих клиентов широко распространенной недобросовестностью, вызванной фактическим отсутствием контроля регулятора за качеством их деятельности. Так, крайне сложно получить полное возмещение ущерба при наиболее распространенном страховом случае — ДТП — что уже привело к отказу от страхования большого количества водителей.

Поэтому разгром страхового сообщества по аналогии с банковским не вызовет даже того сочувствия, которым пользовались банкиры. Соответственно, оно пройдет проще, — и с тем же вероятным результатом: форсированной приватизацией, которая лишит Россию национальных страховщиков.

А затем наступит очередь и пенсионного страхования, которое также может быть передано глобальному бизнесу, — в полном соответствии с интересами либерального клана.

Центробанк для России страшнее, чем НАТО, США и ИГИЛ^[33] [Радиопередача]

Сегодня мы обсудим много интересных вещей. Главное событие в экономике на минувшей неделе — это то, что проблемы банковской системы России действительно становятся, судя по всему, критическими. Первый этап перехода кризиса в открытую фазу — это был крах «Югры». Точнее, уничтожение банка «Югра» Банком России. Потому что собственник банка «Югра» говорил: я готов закрыть своими деньгами эту дыру. Он говорил это достаточно коряво, но ему не дали такой возможности. «Югра», в отличие от всех остальных ликвидированных банков, — до того крупнейшим был «Мастер-банк», который был 34-м по активам, — входила в топ-30 банков России. Затем последовала санация банка «Открытие» после длительной агонии. А «Открытие» был пятым по величине банком страны — крупнейшим частным банком.

И вот пришла очередь Бинбанка. Он занимал 11–12 места в разное время по величине привлеченных активов. Но тоже это очень крупный, очень серьезный банк, многими был уважаемым. Понятно, что кризис банковской системы выходит на качественно новый уровень. И уж, извините, обнажает новые бездны. Прежде всего, можно сколько угодно говорить, что у нас плохие банкиры и прочее. Но если одинаковые ошибки совершают самые разные банки, а банк «Открытие» и Бинбанк были очень разные банки, и по менеджменту, и по культуре, и по стилю, и даже по учредителям, это представители разных культур, — если ошибки одинаковые, то это значит, что это не частный случай, а это общий случай. Не просто потому, что уже всю банковскую систему трясет и колбасит, кроме Сбербанка и Внешторгбанка, наверное, Россельхозбанка и Альфа-банка, может быть, а потому что самые разные банки — одинаковые проблемы.

Если слушать, что нам говорят дословно, то это как родители террористов из Средней Азии говорят: да, такой был послушный мальчик, а потом вдруг стал... Ну что ж такое, на все воля Аллаха. Вот

примерно так же это звучит. Но общая формулировка очень проста. Банки взяли под санацию большие активы. «Открытие» — Траст-банк, Бинбанк — МДМ взял и Госстрах взял «Открытие». Они с этим не справились. И под этим грузом они рухнули.

Но первое, что очень важно для нас: все банки России, тем более, все крупные банки, не говоря уже о крупнейших, находятся под исключительно пристальным контролем Банка России. Этот контроль очень затратен для банков, это сильное административное вмешательство. Когда сидит у вас в офисе человек почти постоянно, в некоторых банках даже специальный кабинет отводится, и следит и контролирует. Вы в любой момент должны давать полный отчет по всем своим действиям. Это исключительно плотный контроль.

И «Открытие», и Бинбанк, и «Югра» никогда не смогли бы сделать свои ошибки, которые они сделали, без прямого согласия представителей Банка России. Таким образом, громоздкий и дорогостоящий банковский контроль, который затрудняет не только законную, но и разумную деятельность банков, никуда не годится, потому что он не выполняет своих прямых функций — он не обеспечивает сохранность и существование даже крупнейших банков. Я должен сразу оговориться, уважаемые товарищи вкладчики банков «Открытие» и Бинбанка, вы в безопасности. Банкротить эти банки, закрывать их, насколько можно судить, Банк России не собирается. «Открытие» прекрасно работает после введения временной администрации в процедуре санации, все, кто хочет, деньги забирают, все, кто хочет, кладут. В Бинбанке были проблемы с изъятием денег, но администрация Бинбанка сказала, что это техническая проблема. И я верю, что это действительно так.

Конечно, мы не знаем, что взбредет в голову руководству Банка России завтра. Мы прекрасно помним, как вело себя это руководство и в 2013 году, и в 2014 году, и в последующие годы. Давать гарантии за этих людей невозможно. Но «Открытие» под временной администрацией долго работает. И Бинбанк, наверное, будет работать тоже. Вы пока не в опасности. Речь идет исключительно о состоянии нашей банковской системы.

При этом возникают естественные вопросы. Не были ли некие активы банка «Открытие» выведены из проблемного банка в одноименный холдинг незадолго до начала санации? Соответственно,

не будет ли Банк России возвращать эти активы, по сути, национализируемый банк? Ответа на этот вопрос пока нет. Есть банк, есть значительно более крупный одноименный холдинг. И, возможно, весьма вероятно, что, когда владельцы банка поняли, что дело швах, они часть активов, наиболее привлекательных, вывели в холдинг. Мы помним аналогичную историю с «Башнефтью», когда суд в конфликте «Роснефти» и АФК «Система» встал на сторону «Роснефти» и сказал, что нехорошо уводить активы. И это был большой шаг к цивилизации, несмотря на все скандалы, с этим связанные. А может быть, эти скандалы были вызваны именно тем, что это был шаг к цивилизации от практики 1990-х годов. Но в банке «Открытие» есть такие вопросы. Может, ничего не выводилось. Но тогда хотелось бы получить однозначную и четкую реакцию Банка России, что ничего не выводилось. Потому что цена этой санации уже запредельна. На 1 сентября она превысила 1 трлн, рублей, скорее всего, будет расти дальше.

С Бинбанком тоже очень интересно. Владелец почти 60 % господин Шишханов дает очень правильный комментарий, правильно выступает, очень разумно выступает, но он явно человек не бедный. Раньше Бинбанк связывался с господином Гуцериевым. Наверное, какая-то часть этого банка принадлежит Гуцериеву. Господин Гуцериев, по рейтингу Форбс, это двадцатый по своему богатству человек в России. Явно он может помочь своему банку. Тем более, что о дыре в Бинбанке, о которой сейчас говорится, 350 млрд, рублей, ну, не такая уж она и большая дыра, даже если сравнивать с личным состоянием некоторых наших олигархов. Я вполне допускаю, что господин Гуцериев может, если не из личных карманных денег эту дыру закрыть вместе с господином Шишхановым, то из каких-то структур, которые им подконтрольны. И почему об этом ничего не слышно, почему нет никаких переговоров Банка России с собственниками Бинбанка, это пока не очень понятно.

Когда мы говорим о том, что и «Открытие», и Бинбанк были похоронены решительной экспансией, которую они осуществляют, есть вероятность, что причина весьма прозаична — они просто поверили официальным статистическим отчетам. Я понимаю, что любой нормальный человек в официальные статистические отчеты верить не может. Но есть такая психологическая закономерность. Если

вы постоянно что-то слышите, даже если вы понимаете, что это ложь, вы, тем не менее, помимо своей воли, сами начинаете в это верить. Например, по центральному телевидению России нам в течение трех лет представители украинских нацистов и их пособников из европейских стран рассказывают про аннексию Крыма и агрессию России против Украины. Все понимают, что это заведомая ложь. Но в сознание просачивается эта нацистская пропаганда и застревает. И я вижу уже, как вполне нормальные люди, наслушавшись этой пропаганды из официального государственного телевидения, начинают это на голубом глазу невольно воспроизводить. Когда люди слышат официальную статистику, даже разумные и серьезные люди невольно оказываются под воздействием этой статистики и невольно начинают действовать так, как если бы они в нее верили. И это может похоронить, и не только два крупных банка.

Вполне естественно, когда вы слышите много неправды, то эта неправда в вас проникает, и вы поневоле начинаете в нее верить. Это закон психологии. Даже самые грамотные люди, понимая, что нынешняя статистика уже вряд ли что-то выражает, сталкиваясь каждый день на практике с усугублением экономического кризиса, с отсутствием денег в экономике, но слыша бравурные рапорты официальной статистики, потихонечку начинают верить в официальную статистику. А по официальной статистике у нас все замечательно. У нас экономический рост в первом полугодии — 1,5 %, во втором квартале вообще 2,5 %. У нас инвестиционный рост второго квартала — 6,4 %. Правда, даже специалисты из Высшей школы экономики, которую иногда называют ВШЭ, иногда — вша, обнаружили, что это на самом деле нарисовано. Потому что этот инвестиционный рост получен за счет предположения, что у нас совершенно безумный инвестиционный рост наблюдается в малом бизнесе, который Росстат не наблюдает принципиально. Росстат думает: я его не вижу, значит, там огромный инвестиционный рост. И этот рост вносит в официальную статистику.

Но банкир, когда все это слышит постоянно, что мы вышли из кризиса, у нас светлое будущее, у нас все замечательно, с каждым днем будет все лучше, — он думает: наверное, это я в моей маленькой песочнице, пусть даже и на всю страну распространившейся, чего-то не понимаю, не вижу. Но мне ж цельный министр, цельный вице-

премьер, премьер, глава Банка России рассказывают, как все замечательно и как все будет хорошо. Наверное, это они правы, а я не прав. Исходя из этой гипотезы, для предпринимателя естественно ориентироваться на экспансию. Если сейчас все плохо, а завтра все будет хорошо, я же должен ориентироваться на завтрашний день, когда все будет хорошо. Это дойдет до всех, а до меня это дошло первым, я уже воспользуюсь этими возможностями. И люди вкладываются в экспансию.

Я вполне допускаю, что ошибки, которые допустили топ-менеджеры «Открытия» и Бинбанка, связанные с взятием на санацию непосильных, как потом выяснилось, активов, это связано с тем, что они просто верили официальным заявлениям, что мы выходим из экономического кризиса. И в этом отношении они пали жертвой официальной статистики, официальных заявлений.

Таким образом, низкое качество официальной статистики, дезорганизуя субъекты экономики, наносит прямой и явный ущерб и ей в целом, и российской банковской системе в частности. И в «Открытии», и в Бинбанке были квалифицированные топ-менеджеры. Они тщательно просчитывали риски. Они в своих расчетах опирались на прямой учет людей из Банка России.

И, наконец, в качестве причины краха крупных банков официально называют ухудшение экономической конъюнктуры. И это правда. Экономическая конъюнктура вопреки официальным заявлениям в целом ухудшается. Но что же является главным фактором этого ухудшения сегодня? Цена на нефть — да, она когда-то давно упала в 3,5 раза. Но это было давно. А сейчас на наших глазах она выросла с 27 до 55 долларов за баррель. Потихонечку ползет вверх, нет признаков того, что завтра рухнет. Санкции санкциями, но они уже никого даже не пугают. Когда идет обсуждение этих санкций, никто не может понять, о чем речь, потому что все к этому уже привыкли. И вообще сектор, который работает на внутренний рынок, считает, что это хорошо, и было бы неплохо договориться о том, чтобы нам санкций добавили, тогда будет совсем здорово для многих производителей.

Главный фактор ухудшения конъюнктуры — это заимствованная из лихих 90-х годов либеральная политика удушения экономики искусственно организуемым денежным голодом. Она проводится в

интересах финансовых спекулянтов, которым либералы служат в силу своей идеологии и системы ценностей. И она, как мы знаем, разрушает экономику, она разрушает жизнь миллионов российских семей. Как справедливо отмечала председатель Банка России Набиуллина, ее политика снижения инфляции ведет к обеднению населения. И ее это совершенно не волнует, насколько я могу судить. Но если Банк России разрушает российскую экономику, то он разрушает неминуемо и такую ее часть, как российская банковская система. Крах крупных банков — это результат не только варварской санации банковской системы. Потому что варварская санация загоняет вкладчиков и юридические лица из малых и средних банков в крупные и крупнейшие. «Открытие» и Бинбанк объективно, помимо своей воли, были бенефициарами, выгодополучателями этой варварской санации банковской системы. Потому что бежали к ним, а не от них.

Но политика удушения российской экономики, создания искусственного денежного голода, которую проводит Банк России, она бьет уже не просто по банковской системе, но и по крупнейшим банкам банковской системы. Очевидно, неожиданность краха крупных банков для Банка России означает, что его руководство не в состоянии осознавать последствия даже своих собственных действий.

Теперь о политике. К началу сентября Банк России влил в «Открытие» более триллиона рублей — явно не окончательная сумма. Будут вливаться огромные деньги и в Бинбанк. Денежная накачка проблемных банков создает реальную угрозу для валютного рынка. Особенно в ситуации, когда спекулятивный западный капитал, который сейчас в Россию приходит и держит рубль, в любой момент может начать уходить из России. Или по политическим командам с Запада, или в силу повышения ставки рефинансирования Федеральной резервной системы, которое будет, или по каким-то другим причинам. Если девальвация рубля произойдет, понятно, она произойдет не сейчас, не в октябре, но если она произойдет в преддверии или сразу после президентских выборов, это дестабилизирует уже не только социально-экономическую, но и социально-политическую обстановку.

В результате возникнут предпосылки для попытки организации в России майдана, для возврата в руки либерального клана всей полноты государственной, не только социально-экономической власти. То есть

для возврата нас в 1990-е годы, когда либералам было очень хорошо. А руководство и социально-экономического блока правительства

Медведева, и самого этого правительства, и Банка России — это либералы. Это тот самый либеральный клан. Отличие от Навального, от Касьянова, от Каспарова — только в цвете. Только в месте работы. Но даже и без этого ключевым фактором, который влияет на судьбу любой экономики, является доверие. И прежде всего — доверие к регулятору этой экономики. Сегодня мы видим, что после варварской санации банковской системы, после непонятных процессов, которые происходят в страховой сфере, после чудовищной девальвации 2014 года на пустом месте, о которой никто в стране не забыл, никакого доверия к нынешнему руководству Банка России, на мой взгляд, в стране не существует. Это главный чудовищный и пугающий результат его деятельности. И Банк России в его нынешнем виде — главная угроза Российской Федерации. Страшнее НАТО, страшнее США, страшнее запрещенного в России «Исламского государства».

Возвращаясь к действиям Банка России. У меня ощущение, это моя гипотеза, я не могу ее доказать, но невозможно по-другому объяснить действия руководства Банка России. Там нет дураков. Там дураков не держат. Непрофессионалы, может, там есть, госпожа Набиуллина ничего не знала про банки, когда возглавила Банк России. Но должна была научиться за это время. Да и среди ее подчиненных тоже есть очень квалифицированные люди. Но если посмотреть на действия Банка России в целом, возникает ощущение, это моя гипотеза, что Банк России присоединился к антипутинской предвыборной кампании, которую ведут либералы правительства Медведева, не желая ничего улучшать в экономической, социальной ситуации, и всеми силами дискредитируя все реальные достижения, какие есть у Путина. Начиная с Крыма и кончая развитием ВПК.

Мы обсуждали на прошлой неделе: ах, вы гордитесь воссоединением с Крымом? Ах, вы радуетесь, что 2,3 млн. человек спасли от нацистского террора? Так нате вам официальное заявление, что акцизы на бензин вырастут на рубль в течение года, потому что есть Крым и Калининград — отдаленные территории, их нужно развивать. Заплатите за это, чтобы не гордились. Рост ВПК? Отлично. Это, конечно, во всем мире ВПК является источником высоких технологий, которые потом распространяются по экономике, является

локомотивом экономического, технического и интеллектуального развития тоже. Вот вы гордитесь ВПК, вот сократим расходы на ВПК и подорвем его, чтобы нечем было гордиться. Потому что вооружение армии уже закончено. А технологический трансфер в гражданские сектора организовывать сложно и незачем.

Вот это такая политика. И давайте разрушим социальную сферу. Вот это, по моим ощущениям, это политика правительства Медведева. Может, ему опять хочется в президенты. Может, ему хочется в 1990-е годы. Может, кому-то около него или под ним хочется. Я не знаю. Но политика выглядит как абсолютно деструктивная и разрушительная. И теперь к ней в полном составе присоединился Банк России. Это действительно страшная угроза, потому что социально-экономические власти имеют все возможности довести нас до такого состояния, что нам не то что себя не будет жалко, нам своих детей не будет жалко. И тогда мы действительно, значительная часть нашего общества будет доведена до такого отчаяния, что пойдет на майдан и разрушит себя, разрушит свою страну, как это было на Украине. А у нас будет хуже. Это реальная перспектива, это может произойти уже вскоре после президентских выборов 2018 года.

Но есть и хорошие новости. Все ругают Сбербанк. Говорят: останется два банка — ВТБ и «Сбер». Конечно, больше останется, не надо преувеличивать. Но звонит мне реклама Сбербанка, рекламирует очередную дурацкую услугу, по которой я должен буду платить 2,5 тысячи рублей в месяц или держать 2,5 миллиона рублей, и вдруг я понимаю, что я разговариваю не с человеком, пусть даже с жертвой ЕГЭ, а я разговариваю с программой, которая при этом еще и как-то самообучается по ходу разговора. Я не знаю, так или не так, если я ошибаюсь, Сбербанк опровергнет. Но у меня ощущение, что они заменяют на роботов не только корпоративных юристов, но и заменяют на самообучающиеся программы с элементами искусственного интеллекта даже эти холодные звонки, когда вам звонят и что-то начинают впаривать. Потому что, с одной стороны, никаких эмоций. С другой стороны, очень универсально приятный для всех голос. И при этом реакции не человеческие. Я вдруг через какое-то время ощутил... мне было интересно, я пытался что-то расспросить, и вдруг я понял, что это не человек, это программа. Конечно, можно представить, что это человек, но довести человека до такого состояния,

на мой взгляд, невозможно. Это, скорее всего, не деградация человека, это рост искусственного интеллекта.

Это новые технологии, с которыми мы сталкиваемся в нашем собственном телефоне.

И второе достижение, которое уже совершенно бесспорно, мы обсуждаем, что на Западе дистанционная зарядка, светлое будущее, технологии. И вдруг сообщение: на прошлой неделе впервые в мире осуществлена дистанционная зарядка мобильного телефона на расстоянии полтора километра у нас в Королеве. Крыши двух домов, между ними полтора километра. Лазером, что очень важно, в условиях городского воздуха, когда очень много помех для лазера, зарядили за час. У меня новый телефон заряжается больше чем за час. Я его купил три недели назад. Здесь зарядили за один час на расстоянии полутора километров. Сейчас они считают эффективность. Наверное, она не очень большая. Но это уже означает, что можно заряжать аккумуляторы летающего дрона лазером. Пульт управления автоматически за этим дроном следит, связь постоянная, позиционирование определяется постоянно. Не нужно никаких дополнительных усилий для наведения лазера на этот дрон. У нас появляется возможность бесконечных или почти бесконечных полетов дронами.

Это новая эпоха в нашем развитии. Через некоторое время это будет касаться и автоматических такси, автоматической доставки грузов, и многих других элементов. Мы привыкли к тому, что наши технологии отстают. А вот здесь наши ученые, техники получили этот результат первыми в мире. Мы теперь это умеем. С нетерпением жду, когда мы увидим применение соответствующих технологии в Сирии или в других точках. Это очень хорошая, теплая, дружеская новость. Несмотря на все проблемы, которые у нас есть, у нас есть ученые, которыми действительно стоит гордиться. Я знаю очень много таких ученых, но они подавляются и отторгаются официальной бюрократией очень жестко. Потому что их изобретения фантастические, но они, как правило, снижают издержки. И они отторгаются и монополистами, потому что снижение издержек монополиям не выгодно, и бюрократией государственной, потому что, с одной стороны, она обслуживает интересы монополий в значительной степени, а с другой стороны, она просто не хочет ничего делать. Но здесь мы видим

сообщения официальных агентств, и это означает, что это изобретение государством не подавляется, не замалчивается, а развивается.

Есть и другие примеры в нашем государстве. Еще в бытность свою президентом Медведев, — помимо того, что он был повелителем времени, из-за чего три четверти людей, которые об этом говорили, отчаянно недосыпали несколько лет подряд, это было глумление над целым народом, страшное и чудовищное, это было исправлено, когда он перестал быть президентом, — но он повоевал с лампочками. Он запретил стоваттные лампочки накаливания. И вот сейчас выступал зам. министра энергетики Инютин, судя по всему, очередной эффективный менеджер, который заявил, что они рассматривают вопрос о том, чтобы запретить теперь электрические лампочки более 50 ватт, то есть 60-ваттные. Надо сказать, что запрет стоваттных лампочек привел к потере 20 % внутреннего рынка. Никто не занимался развитием российского производства. Все занимались подавлением российского производства.

В результате наш рынок был захвачен китайцами, белорусами и некоторыми другими производителями. При этом нынешние лампочки слишком дороги. Лампочка 4-ваттная, которая рассчитана на 25 тысяч часов, стоит минимум 150 рублей. Никто произвол монополий не ограничивает.

Галогеновые лампочки, — Медведев думал, что он отменил лампочку Ильича, но заменил просто лампочку одного Ильича на другого Ильича. Он заменил лампочку Владимира Ильича Ленина на лампочку Леонида Ильича Брежнева. Лампы дневного света галогеновые не просто экологически чудовищны, — они крайне вредны экологически, но они еще не приспособлены для резких колебаний напряжения в наших сетях. Поэтому их хваленая долгосрочность даже в Москве далеко не всегда обеспечивается. Реформаторам это не интересно. Не интересно и то, что даже светодиоды в России в основном контрафактные, о чем сказал генеральный директор Ассоциации производителей светодиодов и систем на их основе Евгений Долин. Слава богу, это пока еще только инициатива, у которой мало шансов воплотиться в жизнь. Потому что опыт медведевских инноваций чудовищен. Все его уже хлебнули. И продолжать это безумие, судя по комментариям, судя по позиции

Госдумы, даже по молчанию более высокопоставленных членов правительства, никто не будет.

Есть люди, которые понимают, что такое технологический прогресс. Которые создают запредельно новые образцы техники, которые на расстоянии в полтора километра лазером заряжают мобильный телефон первые в мире и лучше всех в мире. А в это же самое время другие люди в правительстве Медведева говорят о том, что нужно запретить то, что хорошо работает. Не заменять, не создавать экономические условия, не раздавать диодные лампы на улицах, не создавать новые производства диодных ламп, не бороться с контрафактом. Давайте мы тупо запретим. Это те самые люди, которые нам рассказывают, что свобода лучше, чем несвобода.

Вот интересно, Медведев собственные высказывания когда-нибудь читает? Ведь товарищ Инютин это не сегодня утром сказал. Когда такое говорит зам. министра, в принципе, понятно, что это дискредитация правительства. И министр энергетики тоже дискредитируется этим заявлением. Скажите, что мы это сегодня и завтра рассматривать не будем, это частная инициатива отдельно взятого человека, он так думает, у нас свобода слова. Это мог сказать министр. Это мог сказать профильный вице-премьер. Это мог сказать Медведев. Но он этого не сказал. Потому что «свобода лучше, чем несвобода», при всей банальности этого высказывания, это для нас с вами. А для государства мы видим, что по-прежнему самая тоталитарная часть российского общества — это отнюдь не какие-то там безумные люди, которые занимаются царевесием. Это либералы, которые считают, что свобода только для себя. И это свобода в том числе запрещать нам все, что им покажется неправильным. Начиная от стоваттных лампочек, может быть, уже и кончая 60-ваттными лампочками.

Россия боится краха американской экономики, скупая золото^[34] [Радиопередача]

Делягин: Сегодня мы с вами обсудим все наиболее важные темы, если, конечно, успеем... А сейчас мы обсудим самую главную новость минувшей недели. Это, безусловно, Восточный экономический форум. Было сделано довольно много разных заявлений, но сначала давайте послушаем наших официальных лиц.

В. Путин — *Динамичный рост, обновление этого региона в числе наших безусловных приоритетов. Важнейшая часть — стратегия по наращиванию конкурентоспособности России, ее экономики и человеческого капитала. За последние годы мы сконцентрировали на Дальнем Востоке значительные финансовые, организационные ресурсы, мощным стимулом для макрорегиона стали подготовка к проведению саммита АТЭС во Владивостоке в 2012 году. Этот форум помог вновь открыть российский Дальний Восток для всего мира, для бизнеса Азиатско-Тихоокеанского региона.*

Делягин: Да, замечательные высказывание. Что касается Владивостока, я был там не так давно, год назад, и я могу сказать, что действительно Владивосток просто зажил другой жизнью. Я слышал то же самое в Сочи, где мне говорили, что полгода перед Олимпиадой стоял ад, потому что работы велись 24 часа в сутки. Ну, как я понимаю, там очень много украли и пришлось все переделать в авральном порядке. Но там совершили реальное инженерное чудо. Хотя, как я понимаю, никто за это не был наказан — за то, что этот подвиг стал необходим. И жители рассказывали, что 24 часа в сутки полгода стоял кромешный ад, а потом вдруг наступила тишина. И они очнулись в совершенно ином, замечательным и прекрасном мире. Я цитирую дословно то, что мне говорили разные люди. Во Владивостоке очень похоже. Потому что Владивосток город очень разбросанный и его связали всего-навсего двумя мостами. И город стал совершенно

другим. Появились новые центры, жить стало удобно. И владивостокцы просто стали наслаждаться. Вот еще год назад люди наслаждались тем, как они там стали жить. Ну, говоря об итогах Владивостокского экономического форума, ну, обычно их подсчитывают в заключенных контрактах, вот господин Трутнев, вице-премьер, заявил, что контракты заключили на 2,5 триллиона рублей — это более 40 млрд, долларов. И некоторые из них еще не раскрыты, потому что носят закрытый характер и будут раскрываться постепенно. Посмотрим, о каких именно контрактах шла речь, но, тем не менее, с сугубо хозяйственной точки зрения это был некоторый плюс. И даже появились некоторые новые инициативы. Давайте опять-таки послушаем президента Путина по итогам ВЭФ о строительстве перехода на Сахалин.

В. Путин: У бизнеса была возможность быстро и дешево доставлять свою продукцию из стран ЛТР в Европу и назад, на Дальнем Востоке прокладываются новые транспортные коридоры и наращиваются портовые мощности. Предметно изучаем возможность строительства железнодорожного перехода на остров Сахалин. Вместе с развитием Северного морского пути, реализацией других проектов, все это позволит превратить российский Дальний Восток в один из важнейших логистических узлов мира.

Делягин: Ну, это на самом деле старые идеи, хорошие идеи, а речь идет о строительстве моста с Хоккайдо на Сахалин, ну и дальше возникает тема о том, как связать Сахалин с материком. Потому что, как при советской власти запустили паром, так следующих шагов там и не сделано. Наверное, что-нибудь еще сделают, благо планы есть. И помимо этих стратегических планов, что мне очень понравилось, президент устроил достаточно жесткий разнос местным чиновникам. В связи с невыполнением имеющихся поручений. Дело традиционное, но я хочу напомнить, что чиновники, которые работают на Дальнем Востоке, в отличие от некоторых других, они, в общем-то, работают в целом хорошо. И им есть чем похвастаться на самом деле. И люди в разных регионах Дальнего Востока это ощущают... Я был на Камчатке, я был во Владивостоке, у меня много друзей было в разных регионах Дальнего Востока, и в целом качество управления там повыше, и на федеральном уровне тоже, чем в остальной России. Тем не менее, Путин достаточно жестко их всех раскритиковал, и это

хорошо, потому что наша система управления еще не вышла на нормальный рабочий режим и для того, чтобы система работала хорошо и лучше, ее приходится пинать. Это не совершенство, конечно, но хорошо, когда такой импульс придан, то какое-то время она работает неплохо. Давайте послушаем **Наталью Грачеву, журналистку «Комсомольской правды».**

Грачева: Как превратить 100 тысяч заявок на дальневосточный гектар в миллион, обсуждали в рамках Дальневосточного экономического форума на сессии «Дальневосточный гектар: первый опыт». Региональные и федеральные власти, а также обладатели гектара, сошлись в одном мнении. Нужно не только давать землю и льготные кредиты, но и трудоустраивать людей, давать им рабочие места. Для этого на Дальнем Востоке планируется создавать новые крупные предприятия. И это позволит новоиспеченным обладателям земли не только жить и осваивать свой гектар, но и зарабатывать на своей земле. Не исключено, что первый такой план будет реализован на территории Амурской области.

Делягин: Вдумайтесь, пожалуйста, в неперевожимую игру слов — и президент об этом тоже сказал достаточно жестко — оказывается, вот только сейчас до чиновников стало доходить, что людям мало дать землю, что людям нужно еще дать возможность работать. Что для того, чтобы люди жили, им, оказывается, нужны рабочие места. Поразительное открытие! Но лучше поздно, чем совсем никогда. Я думаю, что пройдет еще несколько лет и до чиновников дойдет, что для того, чтобы люди могли воспользоваться дальневосточным гектаром, им нужна еще инфраструктура. Нужны дороги, линии электропередач... Я уже не говорю про газоснабжение. Я надеюсь, что до этого тоже дойдет дело.

Ну, и еще некоторые вещи были заявлены на этом форуме — политические. Самое яркое — на мой взгляд, это были заверения в дружбе со стороны Южной Кореи, когда представители Южной Кореи страстно хотели сотрудничать и взаимодействовать с Россией. И дело не только в напряженности с Северной Кореей, дело еще в том, что Южная Корея находится сейчас в состоянии очень жесткой конкуренции с Китаем, Японией и Штатами. Претензии, которые выдвигались к «Самсунгу» со стороны американцев, создают реальную угрозу, что корейская экономика будет обрушена так же, как

в свое время была обрушена экономика Финляндии, когда подрывалось состояние опорных предприятий, а потом они скупались. И за счет этого Южная Корея может потерять многие рынки, она может иметь большие проблемы экономические. И южнокорейцы рассматривают наш рынок для себя как один из приоритетов, и они боятся, что китайцы их вычистят с нашего рынка, и поэтому, естественно, они очень и очень хотят дружить. Для нас, если мы будем поддерживать баланс и обеспечивать не просто импорт, а развитие производства, это хорошо.

Ну, честно говоря, самое важное для меня, что там сказал Путин, — это новые экономические льготы для инвесторов. Льгота по налогу на прибыль для тех, кто вкладывает свыше 100 млрд, рублей — это более полутора миллиардов долларов — льготы по налогу на прибыль это, конечно, хорошо, но слишком большие вложения. Иностранцы, которые вкладывают 10 млн. долларов и более, получают облегчение с получением российского гражданства, ну, вообще-то говоря, такие иностранцы имеют американское или какое-то еще гражданство и, может быть, они захотят иметь российское тоже, но самое главное, Путин сделал очень интересно высказывание. Он сказал, что с 2025 года для тех инвесторов, которые будут работать на Дальнем Востоке, будет действовать 10-летняя льгота по уплате страховых взносов. Поскольку до 2025 года не 10 лет, а 8, можно предположить, что идея заключается в следующем. Что, если инвестор приходит на Дальний Восток до 2025 года, то он получает льготу на 10 лет... ну, не очень внятно сформулировано, хотя президент отметил — «для людей, которые здесь работают, эта информация понятна».

Ну, рад это слышать, я надеюсь, что это так, хотя для людей, которые там не работают, не очень понятно — касается ли это именно инвесторов или касается это людей, которые будут заняты на предприятиях этих инвесторов. У нас проблема с социальными взносами, она не для богатых. Богатые платят 10 % со своих высоких доходов. Она для бедных. Потому что обычный человек в нашей стране — с его фонда оплаты труда у него забирают 30 % плюс 13 % подоходного налога. В результате общая нагрузка на фонд оплаты труда составляет 33 с лишним процентов. Это запретительно высоко для большинства граждан России, которые являются бедными. Я напомним, среднедушевой доход у нас не дотягивает до 30 тысяч

рублей, а средняя заработная плата, если суммировать топ-менеджеров, которые там миллионы долларов получают, и обычных людей, составляет чуть больше 36 тысяч рублей. И понятно, что вот с такого фонда оплаты труда, когда забирают 33 %, это запретительно много, это невыносимо. В результате люди, не имея возможности выплачивать эти налоги, потому что они слишком велики, в массовом порядке уходят в тень.

Как говорила вице-премьер Голодец, она не знает, чем занимается 34 миллиона человек в России. По оценкам Минфина, более 30 млн. граждан России работают в теневой сфере. Некоторые полностью, некоторые частично. Но в любом случае это более 40 % всей рабочей силы. В этом причина, между прочим, в том числе, пенсионного кризиса. Потому что, когда люди не платят пенсионные взносы, то они, соответственно, оставляют без денег Пенсионный фонд. А богатые люди тоже не платят в него. Они регистрируют индивидуальные предприятия и платят 6 %, от которых тоже мало что попадает в Пенсионный фонд.

Роман: *Я из Сергиева Посада. Михаил, у меня такой вопрос к вам. Вы наверняка читали или слышали о театральной драме Владимира Набокова «Изобретение Вальца», в 1938 году было написано оно, в Париже. Вот как экономист, скажите, сам ураган вот «Ирма», как на ваш взгляд, вот это новое изобретение русских? Это божья, может быть, кара или закономерная случайность? У меня мечта, чтобы «Ирма» дошел до конгресса США...*

Делягин: Как говорил Мартин Лютер Кинг, «у каждого она своя», но вот приятно, что есть и такие мечты. Но ураган «Ирма» не дойдет до конгресса США просто потому, что есть такая неприятная вещь, называется наука. Которая изучает объективную реальность. Ведь ураганы движутся по определенным направлениям и, скорее всего, ураган «Ирма» не дойдет до Вашингтона, хотя, конечно, можно себе представить всякое. Какая связь с Набоковым, я не очень уловил, но действительно, США применяли климатическое оружие против Кубы, в том числе, научились вызывать ураганы, ну, при определенных предпосылках, можно ускорить созревание урагана и можно подтолкнуть его на желаемое для вас направление. То есть, нельзя его сделать на пустом месте, но при определенных погодных условиях можно сделать его более разрушительным, можно сдвинуть его

траекторию и можно ускорить его созревание. Это правда. Но вряд ли кто-то использует эти ураганы сейчас против США. То, что мы сейчас видим — это стихийное, закономерное явление.

Марина: *Добрый день, Михаил. Вот меня давно интересует — в книгах это пишут, в газетах тоже, а вот на радио я не слышала у вас, у экономистов, какая доля иностранного капитала уже в нашей «эрэфии». Потому что говорят, что до 70 и больше. Так это что, значит, уже завоевали нас?*

Делягин: Да, слово «эрэфия», конечно, мне тоже понравилось, но на самом деле, если говорить об иностранном капитале, который представляет иностранный бизнес, то есть, капитал, который родом из других стран, его доля невелика. Хотя достаточно значительна и можно считать по-разному. Основная часть денег, которая приходит сегодня, это спекулятивные деньги, они сегодня пришли, а завтра ушли, вложения в реальный сектор надо смотреть, я сейчас навскидку не скажу. А то, что вы сказали — 70 % — это доля крупного частного бизнеса, зарегистрированного в оффшорах. Вот, например, есть такая частная нефтяная компания ЛУКОЙЛ. Или есть такая частная прекрасная банковская организация «Альфа». Финансовая организация. Многие российские частные компании зарегистрированы в офшорах. Они являются российскими. Но де-факто, формально, они являются иностранными.

В этом отношении оценка 70 % — да, она верна, но это не в целом все предприятия, а это именно крупный частный бизнес. Не средний и мелкий, и не государственный. То есть, если брать в целом в экономике, у нас доля государственного сектора, вопреки всем разговорам, где-то, наверное, процентов 30, то есть, доля вот этих офшоров в крупном частном бизнесе, если забыть о существовании малого и среднего частного бизнеса, наверное, где-то около половины. Но опять-таки, это не иностранный бизнес, это бизнес России, который всецело зависит от российского государства. Если российское государство захочет, чтобы он велся прилично, он будет вести себя как заяц. Другое дело, что российское государство, на мой взгляд, не прилагает усилия для того, чтобы этот бизнес вел себя прилично. Российское государство даже своих глобальных конкурентов не пытается поставить на место.

Классический пример — опять-таки Восточный экономический форум. Когда японский премьер посмел заявить нам, что он хочет мирного договора с Россией. Это какой-то бред, я не понимаю вообще позицию нашего министерства иностранных дел. Япония капитулировала в 1945 года по итогам Второй мировой войны, в том числе, перед Советским Союзом. Какой нужен кому мирный договор, когда Япония капитулировала точно так же, как фашистская Германия. Это бред... И при этом на голубом глазу продолжается обсуждение проблемы Курильских островов. Ну, что за бред? Просто вспомните, что клещевой энцефалит, который является кошмаром для всей России, возник на Дальнем Востоке ровно через два года после того, как через Амур появились японские лаборатории, которые занимались разработкой бактериологического оружия. Ну, предъявите претензии Японии по поводу эпидемии клещевого энцефалита, потребуйте заплатить всем жертвам этой чудовищной болезни, потребуйте компенсировать убытки, которые мы несем из-за борьбы с этим заболеванием. Потому что клещевой энцефалит уже почти до Москвы дошел. Почему это не делает Российская Федерация? Тем более, она не защищает нас от нашего бизнеса.

Роман: *Добрый день. Михаил Геннадьевич, вы вот сейчас упомянули наши отношения с Японией. Это все здорово, что будут строить там мост с Сахалина на материк, хотя это невыгодно, морской транспорт выгоднее, я слышал такое мнение. Но есть такое мнение, что это медленная сдача наших Курильских островов Японии. Ваше мнение какое по этому поводу?*

Делягин: Вы знаете, на самом деле разговоры о мосте — это только первый раз появилась эта идея. Я просто напомнил, я сказал, что, отлично, мост с Хоккайдо на Сахалин — замечательно, но после этого нужно будет как-то связать Сахалин с материком. Потому что та паромная переправа, которая была сделана еще при советской власти, недостаточна для грузопотока, его может обеспечить только такой мост. То есть, это реальная проблема. Что касается медленной ползучей сдачи островов — ну, истерический восторг японцев вызывает определенные подозрения на эту тему. Премьер Японии сказал, что за минувший год было сделано больше, чем за 70 предыдущих лет. Это весьма угрожающее заявление.

С другой стороны, у него довольно сложная ситуация внутри самой Японии и при этом очень сложная ситуация во внешней политике, потому что Япония является таким изгоем Дальнего Востока. При том, что на Дальнем Востоке никто никого не любит, но Японию конкретно ненавидит и Китай со времен войны, и китайцы обычно ненавидят японцев, без всякой государственной пропаганды, там просто на уровне семей помнят то, что творили японцы. И в Корее тоже ненавидят японцев — и в Южной, и в Северной. И вот в этом отношении Корея едина. Поэтому Япония очень нуждается в партнерстве с Россией, чтобы не слишком сильно на нее давили на Дальнем Востоке, чтобы она не оставалась одна. Так что, может быть, я все-таки надеюсь, что это пиар, а не реальность.

Вот мне тут говорят, что клещевой энцефалит был на Дальнем Востоке задолго до Второй мировой войны. Так точно. Клещевой энцефалит появился на Дальнем Востоке в 1934 году. До 1934 года ни столыпинские переселенцы, ни те, кто осваивали Дальний Восток еще в XVIII веке, ни те, кто ехал туда в Первую мировую войну, ни в гражданскую войну, ни во время первых строек конца 1920-х годов, там не было клещевого энцефалита. Японские лаборатории появились в 1931 году и в исторически кратчайшие сроки после этого у нас появился клещевой энцефалит. Причем, люди, которые работали в этих лабораториях, их биография известна, потому что они военные преступники, их потом судили и частью повесили, они в 1926 году работали на эпидемии комариного энцефалита в Японии. В принципе, проверить несложно. Штамм энцефалита уникальный, есть собачий энцефалит в Европе, есть некоторые другие виды энцефалита, всегда можно сравнить. Взять штаммы нашего клещевого энцефалита и сравнить их с теми, которые разрабатывались в японских лабораториях и до сих пор хранятся в Японии и в Соединенных Штатах. Но сравнивать это японцы и американцы не хотят, что вообще-то равнозначно признательным показаниям.

Илья: *Михаил Геннадьевич, почему не принимают закон о детях войны? В Германии принят, на Украине принят, а у нас не принят.*

Делягин: Закона о детях войны, на мой взгляд, нет по очень простой причине. В таких странах, как Германия, даже Украина до нацистского переворота, и многие другие, там государство пытается заботиться о гражданах. Не всегда получается. Но государство

достаточно редко пытается ограбить граждан. Вот социально-экономический блок правительства Медведева и Банк России в целом представляют либералы, которые, как начали — на мой взгляд — грабить граждан в начале 1990-х годов, так и не могут остановиться до сих пор. Вот мне написали — «Президент у нас генератор всех идей». Нет, он не генератор, он — репродуктор. К сожалению, у нас система управления такая, что пока чиновника не начнут бить, он делать не будет. Или начнут ему показывать верную дорогу. Бывает, что инициатива, но все равно окончательное решение принимает президент. Это очень плохо, это признак несовершенства нашей системы, но, к сожалению, это так.

Вот чудесное письмо из Ставрополя. «Ой, а у нас в России средняя заработная плата 36 тысяч? Примите, пожалуйста, Ставропольский край в Россию, мы тоже хотим, а то у нас средняя — 17 тысяч». Значит, дорогой, уважаемый коллега, если я что-то говорю, то обычно я пытаюсь в это вложить некоторый смысл. Когда я говорю, что средняя зарплата составлена путем суммирования зарплат топ-менеджеров, где миллионы и десятки миллионов в месяц выплачивается, и обычных людей, то это означает, что средняя заработная плата действительно выше того, что получает большинство граждан Российской Федерации. То, что получает большинство граждан РФ, называется не среднее арифметическое, а средняя медианная заработная плата, Росстат ее принципиально не публикует. Не потому, что он ее не считает и не потому, что ее сложно посчитать. А, думаю, потому, что он боится давать эти данные, потому что это неприятно. Ведь зарплата, которую получают большинство граждан страны, это порядка 20 тысяч рублей. И это одна из самых страшных вещей... тем более, что с государственными деньгами у нас все просто замечательно.

Да, вчера у нас было громкое событие. Вчера впервые с июня месяца курс доллара упал ниже 57 рублей. Сегодня он, правда, подскочил обратно, зацепился и сейчас составляет аж 57 рублей 03 копейки, и в течение дня он уже снизился на 10 копеек, но, тем не менее, укрепление рубля и снижение доллара вызвано, прежде всего, дорогой нефтью. Нефть — 54 доллара 84 цента за баррель. Совсем недавно было 47. Удорожание нефти, естественно, увеличивает приток денег в Россию. Ну и второе — это ослабление доллара — только что

было 1,17 доллара за евро, сейчас дают уже 1,21 доллара за евро — это результат, в том числе, не вполне адекватной внешней политики США и глубокого разочарования в Трампе. В Россию приходит большое количество денег, при том, что по текущим операциям мы, насколько мы можем судить, в минусе... а в июле вообще минус 1,3 миллиарда долларов — то есть, резко увеличивается отрицательное сальдо, но идет большой приток спекулятивных капиталов. В результате притока спекулятивных капиталов у нас растут международные резервы. Сейчас на 1 сентября они составили более 423 миллиардов рублей — это максимум с октября 2014 года, когда начались санкции, когда по нам наконец-то ударило 3,5-кратное падение цены на нефть. Еще на 1 августа было только 418,5 миллиардов долларов.

Игорь: *Добрый день, Михаил Геннадьевич. Спасибо большое вам за вашу программу. Вот вы говорили, что либералы грабят и продолжают грабить страну... знаете, все время по телевидению и везде слышу, что вклады обесценились, сгорели... что, никто не знает, что есть закон № 73 от 10 мая 1995 года, который о восстановлении вкладов. Государство, Госдума, президент подписали — признались, что ценность вкладов постоянная. Там огромный долг-381 миллиард рублей СССР.*

Делягин: Ну, во-первых, как бы так сказать помягче — выплачивают компенсации по этим вкладам и они настолько копеечные, что о них стыдно говорить. Что касается этого закона, нужно посмотреть, не был бы он отменен. Потому что закон принят был осенью 1995 года, а после того, как товарищ Ельцин остался на второй срок, там было отменено очень много указов и законов, ну и вполне возможно, что этот закон просто не выполняется, как не выполняются у нас многие другие законы. К сожалению, это подтверждение того характера нашего государства, о котором я говорил. Вернее, не государства в целом, а либеральной части этого государства. Есть некоторые позитивные вещи. Мы боимся от проблем, связанных с возможным крахом американской экономики, боимся, на мой взгляд, медленно. Мы достаточно энергично закупаем сейчас золото. Из 423 миллиардов долларов наших резервов, если быть точным, 423,1 миллиарда, 70 миллиардов — это золото. Это достаточно большая доля. В 2016 году мы закупили 201 тонну, в этом году предполагается закупить тоже 200 тонн. На сегодняшний день

закуплено 115 тонн и сейчас у нас запасы золота 1729,4 тонны. Это довольно много. Это надежный резерв, который хранится в России, который не подвластен американскому контролю, в отличие от 109 млрд, долларов, которые вложены в американские госбумаги и могут быть украдены у нас в любой момент. Так что, в общем-то, у государства все в порядке. И, когда государство, у которого все в порядке с деньгами, не дает денег ни на развитие, ни на нормальную человеческую жизнь своим гражданам, это совершенно ужасно. Это производит чудовищное впечатление.

* * *

Уважаемый коллега 2600, который спрашивает у меня, почему я не планирую «балластироваться на пост президента»? Ну, во-первых, потому что, когда мне предлагают в таких терминах, то возникает желание куда-то спрятаться от такой замечательной грамотности, а, во-вторых, читайте действующее законодательство — оно там много чего объясняет.

«Почему всем не поднять зарплату с октября в два раза?». Вы знаете, поднять всем министрам не надо. А вот рядовым сотрудникам министерств я был бы не против. И в целом для начала нужно хотя бы гарантировать гражданам России прожиточный минимум. Ну, если Конституция обещает, что у нас есть право на жизнь, гарантируйте, пожалуйста, и прожиточный минимум. Нам рассказывают сказки про инфляцию, а на самом деле это просто нежелание делиться деньгами с народом, на мой взгляд.

«Почему хороший президент не разгонит плохое правительство?» Хотелось бы. Но просто разогнать плохое правительство мало. Нужно изменить социально-экономическую политику, иначе не имеет смысла разгонять. Или вы замените людей плохих на еще более худших, как случилось на У крайне. Там изгнали вора Януковича и в результате отдали власть людоедам, причем совершенно откровенным. Вот чтобы у нас то же самое не случилось. Проблема не в правительстве, проблема в политике. И очень многие люди в нашем правительстве вполне впишутся и в разумную социально-экономическую политику. Но президент не занимается социально-экономической политикой. Его

сил хватает только на то, что составляет реальную угрозу для существования России. Это внешняя политика, оборона, некоторые стратегические вопросы. Никто не может подменить собой государство.

С другой стороны, если менять социально-экономическую политику, значит, нужно эту политику понимать. Президент экономистом не является, просто верит Кудрину и компании. И кудринцам, которые сейчас находятся в правительстве Медведева. Людям, которые служат глобальным спекулянтам. Президент сформировался как государственный деятель в окружении господина Собчака, поэтому я вполне допускаю, что он просто не подозревает о том, что может быть какая-то другая социально-экономическая политика, кроме либеральной. Я не разбираюсь в квантовой физике. А президент искренне не знает, что может быть нормальная социально-экономическая политика. Эта гипотеза мне представляется вполне вероятной.

Даже если представить, что он знает, какой должна быть социально-экономическая политика, и понимает, что это возможно, что значит — изменить социально-экономический курс? Это значит, что нужно заменить огромную часть нынешней элиты. Огромное количество людей должно быть уволено и просто выпасть из политической жизни. И эти люди будут отчаянно сопротивляться, это будет тихая гражданская война с элитой, а может, и не тихая. С другой стороны, нужно набирать новых руководителей, которые способны развивать страну. Это огромная морока сама по себе. А во-вторых, эти люди просто в силу неопытности неизбежно будут совершать простые ошибки. Я много раз присутствовал при приходе во власть новой команды. Я видел несколько команд, которые приходили. Моя работа в значительной степени заключалась в том, чтобы этим новым людям растолковывать, как правильно действовать в рамках государственной машины. Потому что сами они об этом не имели ни малейшего представления. А представители конкурирующих кланов, уходящей части государственной машины ни в малейшей степени не хотели их учить.

Очень плохо, что президент не хочет сменить социально-экономическую политику на разумную. Но это вызвано некоторыми объективными причинами. Я надеюсь, когда он осознает то, что

разрушительная социально-экономическая политика грозит самому существованию России значительно больше, чем террористы из запрещенного у нас «Исламского государства», и значительно больше, чем агрессивные поползновения США, и даже украинских нацистов, я надеюсь, что тогда мы получим шанс на то, чтобы не сорваться в смуту, а обеспечить нормальное социально-экономическое развитие, нормальную гармоничную жизнь. Но пока даже признаков этого я не вижу.

«Зарплата должна быть одинаковой во всех регионах». Правильно. У нас единая страна, значит, правила игры должны быть едины во всех регионах.

И уровень жизни, с учетом климатических и транспортных проблем, должен быть примерно един во всех регионах. В Советском Союзе это делали. Нужно было обеспечить ударное освоение Севера — там платили больше зарплаты, люди ехали туда за длинным рублем. Да, там был более дорогой транспорт, на каждой банке консервов цены были для разных транспортных зон. При том, что эти цены были фиксированными. Но когда у нас сегодня уровень цен по регионам различается на десятки процентов, когда у нас зарплаты в разных регионах отличаются в разы, и это не Москва и Магадан, это Москва и соседние области, — эта ситуация абсолютно неприемлема и недопустима. Это разрушение территориальной целостности страны. Но правительство Медведева не прилагает ни малейших усилий для того, чтобы нормализовать ситуацию.

Крик души: «Пенсию, миленький! Хоть на одну тысячу! Лекарства, коммунальные — и 8–9 тысяч нет». Как я понимаю, пенсия у нас 11 с небольшим тысяч рублей средняя. По официальным данным, у нас в стране лекарства подешевели. За первые восемь месяцев этого года на 2,1 %. Это Росстат. Минимальный продуктовый набор подорожал за первые восемь месяцев года на 4,1 %. А в целом инфляция с начала года составила менее 2 %. Решения, принимаемые на основе этой статистики, по моим ощущениям, могут быть не людоедскими. Но нормальными и вменяемыми они быть не могут в принципе.

Вопрос про биткойн. К вопросу об уровне социального расслоения в Российской Федерации. У нас большинство людей живет на 20 тысяч рублей в месяц. Вклады в банках, без сбережений,

расчетные вклады, имеет 41 % населения. У нас сбережения что в банке, что под матрасом имеет 30 % граждан, но при этом только 15 % имеют сбережения, которые превышают месячные расходы. Сбережения, о которых вообще имеет смысл говорить. А мне задают вопрос про биткойн. Вот такое у нас социальное расслоение. Биткойн стоил недавно 2 тысячи долларов, взлетел до 5 тысяч. Спрашивают: вкладываться или выходить? Здесь все зависит от того, за сколько вы его покупали и чего вы от него хотите. Если вы готовы играть дальше, то я думаю, что можно посидеть дальше. Хотя нобелевский лауреат 2013 года Роберт Шиллер, специалист по финансовым пузырям, говорит, что биткойн — это финансовый пузырь. Думаю, что он прав. Биткойн действительно имеет все признаки финансового пузыря. Но я знаю людей, которые прекрасно заработали на МММ, будучи просто советскими инженерами на пенсии. Они просто понимали некоторые закономерности человеческого поведения. Так что можно заработать и на финансовом пузыре. Просто не нужно забывать, что это финансовый пузырь.

Спрашивают: будут ли вводиться криптовалюты стран БРИКС и даже крипторубль? Ничего не слышал. Китай вводит свою криптовалюту — антшерс. Они в июне перешли, сделали ребрендинг, она теперь называется «нео». Переходят с иероглифов на английский язык. Если вы хотите спекулировать, мне кажется, что этот нео — самая перспективная криптовалюта на ближайшие годы. Более перспективная, чем биткойн. Но это нужно изучать.

Вы спрашиваете: чем хорош и чем страшен биткойн? Умеете сформулировать. Биткойн и другие криптовалюты — их смысл в том, что государство их не контролирует никак. Можно не платить налоги, можно платить ими за заведомо преступные действия. И колоссальные возможности для спекуляции, потому что они скачут взад-вперед. Это плюсы. Минус — ровно те же самые. Государство их не контролирует. И неизвестно, кто и как их контролирует вообще. Есть некоторые правила, но они меняются довольно сильно. Биткойн только что на глазах разделился на две валюты. Никого заранее об этом не оповещали, для многих это был неожиданностью. Правила игры не просто устанавливает неизвестно кто, эти правила игры еще и неизвестны до конца. Разговор про кристальную честность — для

пропаганды. Мы это проходили в первой половине и в середине 1990-х годов.

С этих операций не платятся налоги. Эти операции никому не приносят пользы, кроме непосредственных участников. Возможность спекуляций — возможность потерять всё. Хотя в целом, как новый вид деятельности, эти валюты растут. Если то, что говорят про биткойн, правда, то тогда биткойн в целом будет, скорее, расти в цене, хотя и очень нерегулярно. И совсем не факт, что этот процесс будет постоянным, окончательным. Это, если вы хотите рисковать. Посчитайте, каковы полугодовые расходы вашей семьи. Увеличьте их на 30 %, переведите в валюту. Если у вас есть такая заначка, остальным вы можете рисковать. Добавьте еще все необходимые расходы — обучение, лекарства и так далее.

В мире происходит очень интересное событие, которое повлияет и на наши с вами кошельки, у кого сбережения вложены в валюту. Интересные процессы развиваются в Испании. Я не понимаю, почему об этом не говорят. В 2014 году в Каталонии, столица — Барселона, — был проведен референдум с попыткой отделиться от Испании. Референдум закончился неудачей, но он смертельно напугал власти Испании. Там начались репрессии. В отношении организаторов референдума было организовано следствие, они были обвинены во всех смертных грехах, включая воровство денег. И сейчас им реально грозят тюремные сроки. Был принят драконовский закон, по которому любой человек, который находится на государственной или муниципальной службе, включая учителя, врача, если он малейшим образом участвует в подготовке референдума, то он увольняется немедленно, причем с волчьим билетом. И никогда больше не сможет работать по специальности. Для страны с безработицей за 20 % это очень существенно. При этом, если госслужащий или муниципальный служащий как-то в малейшей степени будет содействовать проведению очередного референдума, то у него возникает уже и угроза уголовного преследования.

Несмотря на это, только что был принят закон парламентом Каталонии, который фиксирует, что 1 октября будет проведен новый референдум о независимости и об отделении от Испании. Этот референдум будет носить обязывающий характер. И независимость должна быть объявлена в течение 48 часов. Это была стремительная

спецоперация каталонских оппозиционеров. При этом все демократические процедуры были соблюдены идеально. Обсуждение было проведено в парламенте, было проведено голосование. Сторонники отделения Каталонии от Испании из 135 человек их 72, то есть больше половины. При этом 11 человек — это левые, «Подemos» — воздержались. И 3 партии, которые были против независимости Каталонии, их представители просто ушли из парламента. В результате закон принят триумфальным и абсолютно демократичным образом.

При этом закон принят в полном соответствии с обещаниями большинства каталонского парламента, потому что в 2015 году на выборах они обещали решить вопросы независимости Каталонии в течение двух лет. 1 октября референдум. Ситуация не катастрофична для официальных испанских властей. Только что в Барселоне был теракт. Я думал, что он показал беспомощность официальных испанских властей и способствовал подъему национального каталонского самосознания. Но социологи говорят: напротив, теракты способствуют росту доверия к властям, потому что очень страшно. Даже если власти абсолютно беспомощны. По данным социологов, сейчас в Каталонии 48 % за сохранение в составе Испании и только 42 % за независимости. И 10 % колеблются. Казалось бы, испанским властям нечего бояться. Похоже, у испанских властей какая-то другая социология. Или они на примере Трампа понимают, что нельзя верить официальным социологам.

После принятия этого закона в Барселоне, в Мадриде началась феерическая истерика. Помимо того, что Мадрид пообещал оспорить все в конституционном суде и в мадридских обычных судах, пошло омерзительное личное давление в совершенно украинском стиле. То, что там было последние два года, давление на сторонников отделения Каталонии от Испании, это давление качественно усилилось. При этом никакого желания вести диалог и как-то политически взаимодействовать нет. Правительство там очень слабое, поддержка у него небольшая. Но первый вице-премьер Сантамария заявила по национальному телевидению в официальном выступлении, что желание каталонцев жить самостоятельно — это беспрецедентно антидемократическое действие. Хотя все демократические процедуры были соблюдены безукоризненно. Она назвала сторонников

независимости Каталонии бандитами, включая местных парламентариев. И она пообещала всех посадить. Это не наши экстремальные депутаты, которые ни на что не влияют, и все знают, что они беспомощны. Это не украинские нацистские людоеды. Это первый вице-премьер безукоризненного европейского правительства, которая практически потеряла человеческий облик при одном известии о том, что люди собираются реализовать свои конституционные права.

При этом уже было заявлено о том, что необходимо отобрать у Каталонии автономию. То есть нынешние европейские демократы, правящие Испанией, собираются вернуться во времена диктатора Франко, который был фашистом, хотя и достаточно мягким на фоне Гитлера. Эта стремительная утрата европейскими политиками человеческого образа и желание вернуться к фашизму — оно наглядно и ярко иллюстрирует сегодняшнее состояние европейских ценностей и подтверждает, что сегодняшний либерализм — это все-таки ближе к фашизму, чем к Вольтеру. Но самое главное, что это отчаянное истерическое давление показывает сторонникам независимости Каталонии, что отступать им некуда. И это сильно повышает их шансы на победу. А если 1 октября Каталония — наиболее промышленно развитый, экономически эффективный район Испании выйдет из состава Испании, то помимо неприятностей для Испании, потому что возникнет большая экономическая неопределенность, это будет огромная неприятность и для всей еврозоны.

Почему я об этом рассказываю применительно к нашим с вами личным деньгам? Потому что те из нас, кто сейчас вкладывается в евро, глядя на то, как евро дорожает, должны понимать, что в случае успеха каталонцев на этом референдуме, а я желаю им успеха, потому что это их право, это их желание, они действуют абсолютно законно, строго в соответствии с духом Европы. Потому что сегодняшняя Европа — это Европа не государств, а регионов. Но это приведет к вероятному ослаблению евро. И тем, кто задумывается о своих сбережениях, это стоит учитывать. Этот сюжет почему-то игнорируется российскими СМИ. Может быть, они просто не знают, увлечены другими событиями. И это правильно. Но, тем не менее, это может коснуться большинства из нас.

Вот тут у нас один замечательный радиослушатель, судя по телефонному коду, или из Бруклина, или из Бронкса, он все время

негодует, что я смею хвалить Россию и говорить, что у нас есть что-то хорошее, и негодует, когда я рассказываю о либеральных реформах в России. Ну, из Бронкса, конечно, виднее, но он порадует. Дело в том, что Си-Эн-Эн обвинило Путина в новом смертном грехе. Я долго не мог поверить в это, но мне, в конце концов, просто прислали фотографию телевизионного экрана, сделанную вместе с атрибутами гостиной, так что приходится поверить. Телекомпания Си-Эн-Эн, которая когда-то считалась наиболее уважаемой телекомпанией, но не выдержала испытания Трампом и стала крупнейшим в мире поставщиком фейковых новостей, если верить присланной мне фотографии, заявила, что Путин «может иметь связи в Российской Федерации». А один американский политолог, правда, почему-то с немецкой фамилией, заявил о наличии бесспорных доказательств связей Путина с Кремлем. Вот они так живут. Это сегодняшний уровень американского государства!

В 2011 году Оливер Стоун, вернее, Оливер Стоун позднее опубликовал эти данные — результаты тестирования школьников старших классов Соединенных Штатов Америки. Среди прочего им был задан вопрос — чтобы они рассказали, о чем был такой-то судебный иск. Вопрос формулировался так — расскажите, пожалуйста, каких вопросов касался иск условных господина Смита к господину Брауну по вопросам образования? Ответ на вопрос содержался в самом вопросе. 2 % американских старших школьников смогло на этот вопрос ответить. Хотя ответ заключался в самом вопросе. Наверное, это не касалось элитных школ, наверное, это касалось массового образования? Но мы должны понимать, что деградация и дебилизация мира, который мы наблюдаем в нашей стране — это уничтожение образования нашего нашими либералами — это процесс, который захлестнул весь Запад. При всей моей нелюбви к Высшей школе экономики, Болонский процесс придумали не там. И это создает новые, достаточно серьезные риски для всех. Это касается рисков, не только связанных там с геополитикой или с экономикой, это касается рисков, связанных со здоровьем.

Великобритания — страна с очень хорошей государственной медициной. Одна из проблем России — это плохое диагностирование раковых заболеваний — мы об этом узнали, когда люди с нашими диагнозами стали ехать в Германию и Великобританию, немцы люди

политкорректные, а именно английские врачи не выдержали и сказали, что чудовищно большая доля диагнозов, где-то около четверти, она просто неправильная. А разные виды рака нужно лечить принципиально разными способами. То есть, Великобритания — это не Соединенные Штаты Америки, где с массовым здравоохранением все очень и очень плохо. Великобритания — это страна с хорошим массовым здравоохранением. Так вот, национальная служба здравоохранения Великобритании со следующего года запретила гомеопатию. Там врачи государственные выписывают лекарства, которые государство, в общем-то, оплачивает. И государство не будет оплачивать гомеопатические лекарства и в целом 17 видов препаратов, включая мази и бальзамы для облегчения мышечной боли. Вы знаете, я не спортсмен, но я много раз применял мази и бальзамы для облегчения мышечной боли. Я могу сказать, что в целом они работают. Есть, конечно, неудачные препараты, но есть препараты работающие.

Будет прекращено финансирование Омега 3 жирные кислоты — ну, это рыбий жир на самом деле. И рыбий жир — это то, что очень здорово укрепляет растущий организм, в Советском Союзе это массово применялось, и сейчас это применяется для профилактики разного рода болезней сердца и сосудов, это хорошая, работающая штука. И будет прекращено финансирование фитопрепаратов. Фитопрепараты — это лекарства на основе трав. Если вы делаете себе отвары для того, чтобы облегчить вашу простуду, если вы полощите горло отварами трав, если вы применяете отвары трав для общего повышения тонуса, для лечения каких-то локальных проблем, то есть, то, что работает, это традиционная медицина, но у трав есть одна маленькая проблема. Фитопрепараты, как и другие перечисленные, производят некрупные медицинские концерны. И когда вы покупаете траву в аптеке, неважно какую — кору дуба или липовый цвет, или душицу — то вы платите не крупным корпорациям, вы платите мелким и средним компаниям. Даже в России. В Великобритании тем более. Вот английское государство приняло решение, что оно не будет финансировать лекарства гомеопатические, травяные и рыбий жир. И мази, которые снижают мышечную боль. Ради экономии 190 млн. фунтов стерлингов в год. Для английского бюджета это деньги совсем небольшие. Можно спорить про гомеопатию...

РАН внесла свой вклад в мракобесие, на самом деле и она заявила, что гомеопатия — это лженаука. Я знаю большое количество гомеопатов, и я знаю большое количество больных. Значительная часть людей, которым помогла гомеопатия, в гомеопатию не верили в тот момент, когда они начинали ее принимать. Принимали от отчаяния. Я тоже не верил в гомеопатию, когда я начал ее принимать. Гомеопатия работает. Есть научное объяснение, как именно она работает, хотя там одна доза лечащего вещества приходится на 10 тысяч таблеток, которые пьют люди. Но это объяснение дает физика, которая немножко вышла за пределы учебника для средней школы, поэтому не все политики это понимают. И даже, как выяснилось, не все академики. Я тоже это не понимаю. Но я могу зафиксировать, что гомеопатия работает и это не эффект плацебо, когда я верю врачу и меня исцеляет моя вера, это факт, который абсолютно доказан на большом количестве экспериментов. Да, конечно, не все врачи-гомеопаты, наверное, честны, есть, наверное, мошенники. Точно так же, как у нас в Москве, по некоторым данным, до половины лекарств являются контрафактными, и часть из них является пустышками. Но на основании этого никто не только не запрещает обычные лекарства, но даже не проводит сильных полицейских мероприятий по борьбе с производителями фальшивых лекарств. Но это я говорю о нашей стране. Но у нас не запрещают гомеопатию. У нас не пытаются предпринять какие-то репрессивные меры.

В английской системе прекращение государственного финансирования соответствующих рецептов, то есть, запрет врачам выписывать соответствующие рецепты в государственной системе здравоохранения, это означает де-факто запрет на соответствующие методы лечения. Просто потому, что они подрывают бизнес крупных корпораций. Да, «Каким же мерзким был вкус рыбьего жира» — совершенно верно, он был очень неприятным, именно поэтому его переименовали в Омегу 3, и именно поэтому у этой Омеги 3 уже нет омерзительного вкуса рыбьего жира, но и стоит она раз в 20, а то и в 200 дороже. Тем не менее, это не безграмотности, вот как вы мне пишете. Вернее, безграмотность, сама по себе, но это безграмотность, которая просто является прикрытием для корысти. Крупные корпорации, которые ликвидируют конкурентов в условиях снижения общего уровня жизни. Да, совсем не такого, как у нас, но средний

класс ликвидируется сейчас везде. Потому что когда капитализм освободился от сдерживающего нашего влияния, то он тем самым приобрел абсолютно людоедские формы. И эти людоедские формы начинают реализовываться уже и в самих развитых западных странах.

Ну и еще есть один сюжет. О том, какое у нас замечательное правовое государство. Сейчас в Перми идет суд над пермским активистом, который просто хотел, чтобы все было по закону. Он очень долго вместе с другими людьми боролся против того, чтобы пермские власти вопреки действующему законодательству, насколько я могу понять, отдали огромный дорогой кусок земли в центре города под незаконную синагогу для организации «Хабад».

Хабад — это не традиционное иудейство, это иудейский фундаментализм, как называют его специалисты, это движение, которое не считает гоя (то есть, нееврея) человеком. Меня, например, представители Хабада человеком не считают в силу моего этнического происхождения. Хабад — это организация антироссийская, которая предъявила нам иск в Нью-Йорке и поставила нас на счетчик в 50 тысяч долларов в день. И этот счетчик продолжает тикать. Это организация, к которой принадлежит, например, господин Коломойский, который устроил кровавый ад в Одессе, если я правильно понимаю, и на фоне которого даже обычные украинские людоеды нацистские выглядят вполне себе респектабельными людьми.

Вот такая эта организация. Пермский активист, Роман Авенирович Юшков его зовут, боролся против того, что городские власти подарили этой организации дорогой кусок земли в центре города-миллионника Перми. Потом его обвинили в том, что он якобы что-то не толерантное сказал про каких-то кавказцев — причем, его защищали все этнические диаспоры Перми, хотя он русский активист, но его защищали и азербайджанцы, и армяне... они объединились в защиту этого человека. Но ему выписали штраф, а теперь его прессуют и судят за то, что он сказал, что, вообще-то, было бы не плохо посчитать число жертв холокоста. Что-то в этом духе он сказал, и за это его судят, как за отрицание холокоста в Российской Федерации. Не в Германии.

Так что, когда мы говорим о проблемах, которые есть в Великобритании, в США, в Испании, когда мы слышим о проблемах Европы, то мы с вами должны понимать, что нам до этих проблем

расти еще очень далеко. И я хотел бы посмотреть, как хабадники засудили бы представителя кого-нибудь в Австралии. Правда, на Западе они это уже могут сделать во всех странах, но далеко не все страны дошли до такого распада. И уровень жизни у нас ниже, чем на Западе, и уровень правовой культуры, вы мне здесь пишете, абсолютно правильно, ниже, чем на Западе. И нам все это предстоит исправлять. А пока, я думаю, что мы должны просто выразить солидарность с теми, кто является жертвами неправомерных судилищ. С моей точки зрения, в первую очередь, это Роман Юшков из Перми.

Россия 300 лет жила под украинско-польским игом ^[35] [Радиопередача]

В День знаний Михаил Делягин пригласил в гости историка Александра Пыжикова, чтобы рассказать про удивительное открытие: на Руси было не только монголо-татарское иго!

М. Делягин: Здравствуйте, дорогие друзья. Меня зовут Михаил Делягин. Я экономист. Я очень рад вас слышать. Сегодня не только Курбан-байрам, как мы все хорошо знаем. Для некоторых, по крайней мере, совершенно точно наступил и День знаний -1 сентября. И по этому поводу я отступил от обычной своей традиции, когда я сам веду эфир. На первый час мы пригласили в студию **выдающегося российского историка, профессора МПГУ Александра Владимировича Пыжикова**. Вот, кстати, анекдот в тему про историю. Латыши перевели «Камасутру». Судя по картинкам — весело получилось. Но почему-то опять все про советскую оккупацию. Александр Владимирович Пыжиков не просто историк, каких у нас очень много. Далеко не каждому историку удастся открыть не просто новые страницы в истории своей страны и своего народа, а вытащить из забвения целый огромный континент, материк исторических данных. Александр Владимирович Пыжиков написал несколько очень разных, глубоких исследований, в которых показал, что огромная часть нашей культуры, не осознаваемая нами, является наследницей не просто раскольников, а преобладающей части раскольников — так называемых беспоповцев.

Мы привыкли к тому, что раскольников было очень мало, их было максимум 10 %, они были где-то на окраинах, а также часть московского купечества. Но официальная статистика и традиционная наука замечали только раскольников, которые имели своих священников, сохранили традиционную для русской православной церкви организацию. Таких, действительно, было очень мало. Заслуга Александра Владимировича заключается в том, что на основе

полицейских рапортов, бесчисленного количества мемуаров, воспоминаний он собрал совершенно другую картину, по которой примерно половина нашего народа были беспоповцами. Люди не приняли никонианскую реформу. В основном на Северо-востоке и в центре России. Но поскольку бес-поповство позволяло заявлять о себе как об обычных православных, которые ходят в церкви РПЦ, и даже ходить в обычные церкви, то, соответственно, эти люди считались по всем данным обычными прихожанами храмов РПЦ. Но в реальности они несли с собой совершенно иную культуру, которая проявилась в фабричном пролетариате. Потому что беспоповцы были вытеснены на северо-восток России, где сельское хозяйство не очень эффективно, поэтому они первые шли на заводы и организовывали огромные братства вокруг этих заводов.

Великая Октябрьская революция была в очень большой степени именно революцией беспоповцев. По крайней мере, на втором своем этапе. И религиозный компонент русского большевизма как раз и был вызван этим возвратом беспоповцев в историю, пусть даже и под другим названием. Мне это открыло глаза на очень многие обстоятельства жизни и культуры моего рода. Когда люди в бога верили, но в церковь не ходили. Или ходили, но не очень часто. Но это удивительное и очень важное явление. Но сегодня мы поговорим о другом. Да, конечно, не раскольники, а старообрядцы. Староверы. Я приношу извинения. Я совершенно не воцерковленный человек. Я употребил неправильную формулировку. Тема нашей передачи воплощена в другой книге Александра Владимировича, только вышедшей. Называется она очень неожиданно для меня — «Славянский разлом: украинско-польское иго в России». Меня интересует — о чем речь? Как-то привык, как человек, учившийся в школе и даже в вузе, к монголотатарскому игу. Про украинско-польское иго я слышу первый раз. Меня интересует экономический аспект всего этого, потому что я экономист.

А. Пыжиков: Во вступительном слове Михаил Геннадьевич правильно охарактеризовал в сжатом виде ту историческую схему, которую мы пытаемся продвигать, доказывать. Но сегодня мы поговорим об экономических аспектах. Название «украинско-польское иго» необычное и режет слух.

М. Делягин: Даже глаз на обложке режет.

А. Пыжиков: Мы привыкли к 300 годам монголотатарского ига, что проходил каждый, когда учился в школе. И все с этим понятно. А теперь вдруг выясняется — какое-то украинско-польское иго. Сразу скажу, что это те же триста лет, цифра здесь неизменна, только которые относятся к более позднему периоду — это со второй половины XVII века и по крушение романовской империи. Эти триста лет и есть время украинско-польского ига. Почему? Потому что я много лет занимался расколом, старообрядчеством. Изучал это явление с этой стороны. Раскол изучал со стороны старообрядчества. Но это одна сторона. Существует и другая: кто этот раскол инициировал и учинил, надругался над Россией. Так вот, та сторона, которая все это инициировала, это сторона власти — Алексея Михайловича Романова и РПЦ, которая находилась при его троне, — эта сторона и есть украинско-польская. По сути дела, здесь мы сталкиваемся с таким явлением, что РПЦ, трон Романовых, эта правящая прослойка — это абсолютно украинские конструкции. Это компоненты, которые все вместе составляют украинско-польскую конструкции.

М. Делягин: Я понимаю насчет польской конструкции. Но когда само слово «Украина» появилось...

А. Пыжиков: Это мне постоянно говорят. Я просто это всегда пропускаю мимо ради простоты изложения. Конечно, украинское — это всё появилось позже. Особенно в последние годы все стали в этом разбираться. Здесь я уже просто для обозначения более удобного, поскольку мы разбираем сложный процесс, если мы будем оговариваться через каждое предложение...

М. Делягин: Хорошо.

А. Пыжиков: Что такое украинско-польское иго? Чем оно характеризуется? Конечно, в первую очередь это конструирование новой церкви. Русская православная церковь при Романовых и раньше — это две большие разницы.

М. Делягин: В чем же разница?

А. Пыжиков: Там два признака. Романовская церковь — это церковь хозяйствующего субъекта. Это коммерческая организация. В этом ее основное предназначение.

М. Делягин: А до этого?

А. Пыжиков: Это было под спорным началом. Это движение Сергия Радонежского и Нила Сорского, что церковь не может быть...

М. Делягин: Сейчас вы приходите к батюшке, он вам начинает объяснять про хозяйство, про то, что нужны деньги. Для меня было открытием, что РПЦ когда-то была не стяжательской. Я думал, что всегда на монастырях и в любой церкви висели колокола с надписями «От братвы», в категориях девятнадцатого или пятнадцатого века.

А. Пыжиков: До Романовых русская церковь отличалась сильно. В доромановской церкви были очень сильные веяния на то, что церковь не может быть коммерческим субъектом. Это традиция, которая идет от Сергия Радонежского и его последователя Нила Сорского. Два отличия. Церковь не может быть хозяйствующим субъектом. А для романовской церкви она может быть только хозяйствующим субъектом. Если она не хозяйствующий субъект, не владеет имуществом и не ведет операций, это уже не церковь. А непонятно что. И второе, чем отличалась доромановская церковь, это максимальной адаптированностью к другим верованиям. И к исламу, и к языческим верованиям. Полная терпимость, даже некая вплетенность была в доромановскую церковь исламских и языческих верований. Это рассматривалось как нормальное, здоровое явление. При Романовых церковь категорически отрицала и ислам, и языческие верования как поганые, плохие, от которых нужно избавляться, немедленно их изживать.

М. Делягин: Сразу вопрос. Было татаро-монгольское иго. Они были язычниками, которые терпимо относились и к православию, и к остальным религиям. Русские священники тоже терпимо относились к татаро-монголам.

А. Пыжиков: Абсолютно.

М. Делягин: Как в 41-м году, понятно.

А. Пыжиков: Степень ясности о том, что было такое монголо-татарское иго, далека от желательного.

М. Делягин: Вернемся к украинско-польскому.

А. Пыжиков: Здесь все понятнее.

Марина, Москва: В свое время были большие споры между Нилом Сорским и Иосифом Волоцким. Почему приняли коммерческий путь Иосифа Волоцкого?

А. Пыжиков: Этот сюжет один из интересных и главных. Он у меня в книге описан. До того, как Романовы пришли к власти, первая схватка была в рамках церкви. А церковь была неотделима тогда от

политики. Политики не было как таковой. И там был первый спор до захода Романовых и до взятия ими власти в нашей стране, это при Иване Грозном, чуть раньше начиналось, зачатки при Иване III. Иосиф Волоцкий — это выходец с Литвы^[36]. И он отстаивал позицию той церкви в понимании киевщины, о котором я говорил. Хотел вернуться к отличиям экономическим. У нашей страны до Романовых был определенный ясный и четкий шанс развиваться как европейская держава. В смысле индустриального развития.

М. Делягин: Иван Грозный торговал с англичанами.

А. Пыжиков: И не только.

М. Делягин: В результате чего его и убили. А с англичанами мы чем торговали? Не сырьем?

А. Пыжиков: Начинали сырьем. Но при Иване Грозном и особенно при Борисе Годунове... Борис Годунов — это вообще преддверие Петра, но совершенно в другом контексте. Боролись две экономические модели. Первая — индустриальная, вторая — модель сельскохозяйственного придатка на мировых рынках. Те, кто продвигал модель придатка, это как раз и были те носители и церковной, украинской, малороссийской стороны. Польша и Украина, которая входила в Речь Посполитую, занимали специфическое место на мировом рынке. Место поставщика сельхозпродукции. И всё. Они больше не хотели ничего делать.

М. Делягин: Почему не хотели?

А. Пыжиков: А зачем? Это менталитет этих людей.

М. Делягин: Есть чернозем, на Украине хорошая почва. В Польше лютая эксплуатация холопов.

А. Пыжиков: Крепостное право в Польше в 1540-х годах уже завершилось. Всех уже кинули к земле, придавили к земле, чтобы обеспечивать сельхозприбыль.

М. Делягин: В Польше в 1540-х годах, у нас, говорят, при Иване Грозном^[37]. Разница не критична.

А. Пыжиков: Теперь очень важные подводные камни. Эти граждане, вся эта публика украинско-польская, заходя в Московию, пытаясь в Московии занять первенствующее место, продвигала вот эту модель сельскохозяйственного придатка. Это было главное, к чему они стремились. Собственно говоря, Иван Грозный бросил вызов этой модели. Он понимал, что эта украинско-польская публика не способна,

не расположена ни к чему другому, кроме сельхозпридатка. Поэтому он ее отодвинул во время опричнины от власти. Опричнина — это сильнейшие контакты с индустриальными европейскими державами, а не с Польшей и Украиной.

М. Делягин: Опричнина была против польско-литовского дворянства?

А. Пыжиков: Абсолютно. Это главный признак опричнины. Выбить эту группировку из седла. Чтобы они не занимали здесь лидирующего положения.

М. Делягин: Это просто война против враждебной политической группировки?

А. Пыжиков: Война за определенный экономический и церковный курс. Тогда это было нераздельно. Иван Грозный и Борис Годунов продвигали эту индустриальную модель. Мне возражают: а как же Юрьев день? Иван Грозный прикрепил всех к земле, он крепостное право сделал. Значит, не верьте этому. Указ о Юрьевом дне никто никогда еще не обнаружил.

М. Делягин: То, что Иван Грозный не убивал своего сына, это грамотная политическая операция пропагандистская, это я знаю.

А. Пыжиков: И не отменял Юрьев день. То, что в 1581 году — это приписано позже Романовыми, чтобы снять с себя тень этих колонизаторов, которые прикрепили народ к земле, к творцам крепостного права. Эту роль делегировали Ивану Грозному, которого очерняли по всем позициям.

М. Делягин: Есть какие-то признаки того, что Иван Грозный и Борис Годунов действительно пытались переводить Россию на индустриальные рельсы?

А. Пыжиков: Это привлечение иностранных специалистов. Начало засылки наших учиться туда.

М. Делягин: Промышленных шпионов?

А. Пыжиков: Учиться. То, что потом Петр делал. Это все началось еще раньше. Создание производств индустриальных. Иностранцев привлекали для этого. Но под контролем власти. Эти промышленные инициативы, которые шли от иностранцев, они должны быть, по замыслам Грозного и Годунова, подкреплены инициативой предпринимательской снизу. Поэтому нельзя было

проводить закрепощение. Свободный человек мог уйти в эти две недели в ноябре куда угодно.

М. Десягин: Урожай собрал...

А. Пыжиков: Что-то не понравилось — до свидания. А займусь сейчас ремеслами, производством. И вот эту возможность предпринимательской инициативы снизу, на чем вся Западная Европа и возшла, здесь блокировали наши любимые Романовы — Алексей Михайлович.

М. Десягин: А зачем? Это же самоубийство, которое кончилось в 1917 году.

А. Пыжиков: Это не самоубийство. Потому что они жили в парадигме сырьевого придатка. На сельхозрынки мы должны поставлять зерно. Поэтому больше зерна, больше сельхозпродукции, все к сохе должны быть прикреплены.

М. Десягин: И крестьянам было даже запрещено заниматься ремеслами.

А. Пыжиков: Нельзя браться ни за что, кроме сохи. И поэтому удел промышленности — только эти иностранцы, которые приедут. И так оставалось в России вплоть до конца XIX века.

М. Десягин: В результате получилась парадоксальная вещь. Когда, с одной стороны, была остановлена экспансия Руси, пусть и не сразу. И мы потеряли Америку, по крайней мере, Западное побережье Америки, из-за того, что это искусственное закрепощение остановило экспансию, пусть и не сразу, а через несколько поколений. А с другой стороны, было создано искусственное аграрное перенаселение, когда люди бесконечно делили крошечные куски земли. И которое взорвалось сначала в 1861 году, а потом в 1917-м, так?

А. Пыжиков: Да. Это все следствие того, что было заложено при Алексее Михайловиче.

М. Десягин: Это было заложено из-за того, что польские и южнорусские перенесли в Россию свою модель. Они рассматривали Россию просто как пространство для... Когда я говорил, что, когда украинец умнеет, он становится русским, потому что у украинца два выхода — или владеть Россией, или быть рабом поляка, — я не ожидал, что это имеет исторические коннотации.

Андрей из Винницы пишет хорошие слова и хочет пожать вашу руку, Александр Владимирович.

3933-й, я неточно сказал, татаро-монголы — среди них было очень много христиан-несториан, и это течение было очень сильным. Историки сейчас не скажут точно, были они язычниками или христианами-несторианами.

Возвращаемся к теме про украинско-польское иго в России. Правильнее было бы сказать — киевско-польское иго.

А. Пыжиков: Можно и так. Главное — понять суть.

М. Делягин: Расскажите об этом подробнее. Если честно, для меня это совсем ново. Хотя это наша история.

А. Пыжиков: Наша. Когда оперируют термином киевско-польское иго, я отношу это ко времени правления Романовых, когда это иго установилось, вторая половина семнадцатого века, здесь нет ничего удивительно. Это общий мировой контекст отражает. Когда приобретались основные колонии? Южная Америка была уже у испанцев, начиналась экспансия в Африку. Англичане — в Азию, в ту же Индию.

М. Делягин: А у Польши была Россия.

А. Пыжиков: Да. У Речи Посполитой, куда входила Украина, были свои планы подобного рода на колонизацию наших огромных территорий, которые назывались Московским царством.

М. Делягин: В Смутное время не получилось, зашли через руководство.

А. Пыжиков: Они попытались зайти еще при Иване Грозном. И Иван Грозный должен был выполнить функцию, которую выполнил в истории Алексей Михайлович Романов. Фамилия Ивана Грозного по матери — Глинский.

М. Делягин: Он тоже из поляков?

А. Пыжиков: Этот полонизированный клан рассматривал его как своего, что он есть их оружие.

М. Делягин: А он их предал?

А. Пыжиков: С их точки зрения — предал. Теперь вы понимаете, почему он стал шизофреником, садистом и маньяком в истории?

М. Делягин: В глазах историков.

А. Пыжиков: А историю российскую писал малороссийско-польский клан.

Олег, Самара: У меня родственники старообрядцы...

А. Пыжиков: Именно возникновение этого явления в историческом, в культурном смысле — это и есть реакция на агрессию украинско-польскую.

М. Делягин: Это была такая подпольная Россия?

А. Пыжиков: Конечно. Когда власть оказалась в руках этой группировки, с помощью первой внешней экспансии — Смуты, затем возведение своего претендента на трон смогли продавать, я имею в виду Михаила Романова. Они укрепились на троне. Это сразу конструирование новой церкви. Потому что это было самое главное по тем временам. Люди жили в церковном смысле.

М. Делягин: А почему Романовы приняли на себя эту функцию? Вы только после страшной Смуты, после разрухи...

А. Пыжиков: Они ее приняли еще до Смуты, при Борисе Годунове. За что по ним и был нанесен упреждающий удар в 1600 году, когда от Романовых ничего не осталось. Там три взрослых члена семьи выжили из шестнадцати. Этот клан Борис Годунов размазал. Потому что этот клан находился в прямой связи с Польшей, с Речью Посполитой. Это были ставленники для этого реванша. Но когда клан Романовых был разгромлен, стало ясно, что внутренними силами реванш не сделать, то тогда только этот внешний агрессор...

М. Делягин: А как поляки, проиграв войну, выиграли мир?

А. Пыжиков: Почему поляки потерпели поражение, но оказались победителями там? Очень просто. Компонент колониального ига, который для нас готовился, это польские знамена и пятая колонна. В пятой колонне появился их знаковый лидер — это Романовы в начале XVII века. Когда этот сценарий был сорван, пошла внешняя агрессия, которую мы знаем как Смуту, эти лже-Дмитрии и все прочее, то что получилось? Все было договорено под сдачу Польше. Всю Московию хотели включить так же, как Литву, в Люблинскую унию. Эти планы сорвало ополчение Минина и Пожарского. Это форс-мажор для этой публики. И вот тогда произошла переориентация. Та же публика сказала...

М. Делягин: Отец Алексея Михайловича был при поляках.

А. Пыжиков: Да, Филарет. Было ясно. Когда это все произошло, Пожарский, народ восстал, вышел на поляков, из Кремля пятая колонна разбежалась, то тогда она сказала Сигизмунду III, польскому королю: без вас мы это будем делать. Мы это делаем под знаменами

Романовых, но под знамена Романовых собирается вся та же публика, которая в Смутное время сюда заходила. Только уже они не с польскими знаменами шли, а со знаменами Романовых. Сменили внешнюю картинку, чтобы не раздражать и ввести в заблуждение все население огромной Московии.

М. Делягин: Если это были пропольские элементы, то как же они воевали с Речью Посполитой, даже, в конце концов, ее завоевали?

А. Пыжиков: После того, как эта же пропольская публика сконцентрировалась под знаменами Романовых, кинув польского короля, Сигизмунд III обиделся и на всю Европу сказал, что это обманщики, вот что они сделали, они нарушили все договоренности, поэтому их не надо признавать. Эту Московию надо вернуть мне, а если не мне, так моему сыну Владиславу. Вот кто настоящие законные правители Москвы. А это те отщепенцы, которые от нас там осели. И устроили вот это романовское царствование. Конечно, Европа не признавала Романовых двадцать с лишним лет, им руки никто не подавал ни в одной европейской столице. Это не так все просто произошло. Но Романовы воевали с Польшей, потому что Романовым нужна была Украина, им нужна была платформа для их режима, для этой правящей прослойки.

М. Делягин: Но модель у них была польская. Это объясняет полонофилию и царского двора. Какие чудовищные восстания устраивала шляхта, как она вырезала и крестьян, и русскую армию. И несмотря на это их все равно носили на руках и с ними нянчились и ничего с ними не делали.

А. Пыжиков: Украина стала источником государственной власти для Романовых. Они пришли сюда, и Алексей Михайлович отменил все Земские Соборы. Они ему были не нужны. Собирачество земель было не нужно. Потому что источник его легитимации не в Земских Соборах, а в Украине. Он восстанавливал те святы начала, которые утрачивались. А он вернул всю Московию. Вот как он и его правящая прослойка себя позиционировали. Вот в чем смысл. Я попытался в своей книге размотать этот сложный клубок.

М. Делягин: А что это означало с экономической точки зрения?

А. Пыжиков: Это сырьевое проклятье.

М. Делягин: Польский отказ от развития?

А. Пыжиков: Абсолютно. Польша в промышленном отношении импотентна. Там всю промышленность создавали немцы. Они и были хозяевами всей индустрии Польши.

М. Делягин: Когда Польша входила в состав Российской империи, та же Лодзь, Варшава...

А. Пыжиков: Там все равно заправляли немцы. Там заправлял немецкий капитал. Почему московское купечество всегда морщилось и высказывало недовольство. Единственное, Романовы попытались выйти из сырьевой модели при Николае II. Чем закончилось — известно. Повторять не стоит.

М. Делягин: Эта польская сырьевая модель, в Польше основанная на чудовищной сверхэксплуатации крестьян...

А. Пыжиков: А кто вывел страну из сырьевой модели? Сталин, Советский Союз, где была построена индустриальная модель, не завязанная на сельхозпродукции.

М. Делягин: Иосифа за это ненавидят так же, как Ивана Грозного.

А. Пыжиков: Одинаковая роль. Они сорвали все эти планы польско-малороссийские — что тот, что этот. Как так можно? 1917 год я рассматриваю как крах этой украинско-польской правящей прослойки, которая сгруппировалась и сидела, прекрасно себя чувствовала при Романовых.

М. Делягин: Получается, что это проклятье сырьевой экономики, в котором прекрасно себя чувствовали польские магнаты, которое в итоге уничтожило Польшу, которая была великим государством...

А. Пыжиков: Сгнила на корню.

М. Делягин: Действительно, от моря и до моря. Но сгнила на корню. Мы при этом устояли, потому что у нас была поволжская прививка, не только Средней Волги, но и Верхней Волги. Но при этом это проклятье нас мучит до сих пор.

А. Пыжиков: У нас была внутренняя промышленность, которая вырастала на старообрядчестве, это внутренние ресурсы, из крестьянства все эти купечества были.

Александр, Екатеринбург: Сейчас переписывают историю кто как хочет. А закон нельзя ввести, чтобы не клеветали на российскую историю, и давать этим людям реальный срок?

А. Пыжиков: Только кому давать срок?

М. Делягин: А кто же будет писать каноническую историю? Если бы я в мои университетские годы сказал, что не было Рюрика, из университета я бы не вылетел, потому что я не историк, а экономист, но экзамен я бы пересдавал долго. А сейчас мои знакомые археологи объясняют мне, что не подтверждается варяжская легенда никакими археологическими изысканиями. В Новгороде и вокруг него перекопано все круче, чем в Крыму, да, там есть поселения, они там появляются на сто лет позже этой легенды.

А. Пыжиков: Все эти обстоятельства, которые мы контурно на сегодня пробежали, и подводят к тому, что период Романовых и называется этим игом. Настоящим игом, когда страна законсервировалась, и развивалась исключительно только правящая прослойка.

М. Делягин: Но ведь крах Ивана Грозного в Ливонской войне, крах Бориса Годунова, который кончил Смутным временем, тоже показывают нежизнеспособность еще той модели.

А. Пыжиков: Эта модель Ивана Грозного — Бориса Годунова разьедалась как изнутри пятой колонной, основной удар планировался с внешней стороны. Это все эти лже-Дмитрии и прочие украинско-польские удары. Изнутри это было уже нельзя осуществить. Они это поняли. Повторения как с Иваном Грозным они не хотели.

М. Делягин: Просто не устояли перед объективными обстоятельствами и глобальной конкуренцией?

А. Пыжиков: Страну перехватили, сбили ее с естественного пути.

М. Делягин: Это серьезный урок и для нас сегодня. Потому что нас тоже могут перехватить, сбить с пути. Мне товарищ из Вашингтона пишет: «Что ж ты про либералов все еще не сказал?» Скажем. И либералы могут вернуть нас в катастрофу уже не Романовых, а 1917 года.

* * *

Переходим к экономической части нашей передачи. Мне пишут: «А что вы ругаете Набиуллину? Это совершенно обычный человек. И к осени она, как и все мы, тоже закатывает банки. Просто другие».

Действительно, может быть. Просто санация банковской системы и ликвидация банков идет у нас не только к осени, она идет очень давно и будет продолжаться еще очень долго. Сейчас этот самоубийственный процесс докатился до одного из крупнейших банков Российской Федерации — до банка «Открытие», который входит в первую десятку. Чтобы не допустить необратимых последствий для экономики, Банк России, по сути дела, национализировал этот банк. Напрямую занялся его санацией при помощи специального фонда, созданного для этого. Это новый инструмент. Так что я думаю, что люди, которые сейчас имеют вклады в банке «Открытие», не в очень большой опасности. А может быть, даже и в небольшой.

Хотя я должен сказать, как я это уже говорил, что я свои деньги вывел из банка «Открытие», переложил в другой банк из первых двенадцати. Но это было вызвано не тем, что я узнал что-то плохое. Я не мог себе представить такого развития событий. Просто я столкнулся с чудовищным падением уровня сервиса, качества обслуживания в этом банке. Когда я за границей лишаюсь возможности использовать свои средства, и в банке говорят, что нормально, так и должно быть, то нужно поискать другой банк, что я и сделал. Так совпало.

Вторая громкая экономическая новость, которая у нас сейчас происходит, это суд над Улюкаевым. Он только начался. Ничего особенного там не происходит. Но у меня вызывает недоумение и заявление господина Улюкаева о том, что он считает себя невиновным, и то, что это заявление тиражируется всеми, без каких бы то ни было комментариев. Как все говорят и все цитируют, господин Улюкаев обвиняет «Роснефть» в том, что он пал жертвой провокации.

Что значит — пал жертвой провокации? Ко мне приходят и говорят: возьми взятку. Я ее беру, и это провокация. Я — жертва этой провокации. Но при этом взятку-то я взял. Преступление я совершил. И когда господин Улюкаев говорит: ой, я такой белый и пушистый, я пал жертвой провокации, — по сути дела, это признательные показания. Я не очень понимаю, почему это всеми игнорируется. Наверное, здесь какая-нибудь юридическая казуистика, которая находится за гранью не только здравого смысла, но и простого законодательства Российской Федерации.

Вместе с тем, я думаю, ни у кого нет сомнений в том, что товарищ Улюкаев, которого взяли с 2 млн. долларов, половину которых он нес

лично, наверное, все-таки в чем-то незаконном участвовал. Я уж не говорю о том, что он ближайший помощник господина Гайдара, которому в Москве стоят два бюста. Слава богу, не на улице, в закрытых местах, но тем не менее.

Александр: Я думаю, провокация в том, что Улюкаев уже не однажды, скорее всего, брал от Сечина лично деньги, может быть, переводом. И договора всегда проходили четко. А тут вдруг его подставили. Он доверял ему безоговорочно.

М. Делягин: Честно скажу, как человек, который 13 лет отработал в государстве на не очень маленьких должностях, первое: безоговорочного доверия между высокопоставленными руководителями друг к другу не существует в природе. Вы можете доверять члену своей семьи. И то самому близкому. Вы можете доверять другу детства. Вы можете доверять партнеру по бизнесу, хотя это часто заканчивается плохо. Но среди высших чиновников и руководителей крупнейших корпораций безоговорочного доверия друг к другу быть не может. У Улюкаева не та позиция, чтобы что-то регулярно получать от руководства «Роснефти», при всем уважении к должности министра экономического развития. Гипотеза мне кажется слабоватой.

А вот что мне кажется бесспорным, это то, что у Улюкаева есть огромный козырь, которым он сейчас грозит всем. Улюкаев имеет сейчас больший разрушительный потенциал для системы, чем любой оппозиционер, чем какой-нибудь Навальный. Просто представьте себе, что начнется и в каком состоянии будет наша управляющая система, если господин Улюкаев, верный и близкий соратник Гайдара, человек, который очень долго занимал высокие должности, он был многолетний первый заместитель председателя Банка России, если этот человек вдруг начнет давать показания. И вдруг начнет говорить не только о том, о чем его прямо спрашивают, а начнет говорить и о том, о чем его не спрашивают, в инициативном порядке.

Я напому, что когда прошлый раз наши следственные органы прихватили, задержали и арестовали человека, который обладал похожим потенциалом, госпожу Васильеву, она не входила в верхушку нашего истеблишмента. Она была всего лишь высокопоставленной чиновницей Минобороны, которую, может быть, связывали особые отношения с министром обороны. Но когда возникла угроза того, что

она начнет давать показания, ее освободили так быстро, как только это было возможно. Насколько я могу судить, господин Улюкаев может рассказать очень многое про очень многих людей — и здравствующих, и усопших, и находящихся сейчас не только на высоких, но и на очень высоких государственных должностях. Поэтому я думаю, что у господина Улюкаева все будет очень хорошо. Дай бог ему здоровья в этой ситуации. Но я думаю, что в этом отношении его защищают достаточно серьезно и системно.

Если вдруг свершится правосудие, я скептически отношусь к этой вероятности, но нельзя ничего исключать совсем, потому что неожиданности случаются, если вдруг свершится правосудие и товарищ Улюкаев захочет хотя бы расквитаться с теми, кто его не защитил, его такого невинного, как он, судя по всему, искренне про себя полагает после, по сути дела, признания в том, что он взял взятку, — ну, в этом случае мы с вами увидим много интересного. И, весьма вероятно, мы увидим по-настоящему и по-честному оздоровление российской государственности.

«Улюкаев, наверное, просто не поймет, почему судят только его», — пишет Роман. По моему опыту общения с начальством, начальник в принципе не понимает, как он может быть в чем-то виноват. Это его принципиальная особенность. Вы пишете: «Ему скажут: много будешь говорить — много дадут». За это преступление дать условный срок невозможно. А разница между маленьким сроком и большим для человека, который привык жить в очень комфортных условиях, не принципиальна, разница не критична. Это катастрофа в любом случае.

8863-й задает замечательный вопрос: «А вот теперь объясните, почему Серебренников сидит, а Улюкаев дома?» От себя добавляю, что суммы примерно сопоставимы. Обстоятельства задержания Улюкаева на порядок хуже. Потому что взяли с поличным. У Серебренникова нужно доказывать. Общественная угроза у Улюкаева отчетливо выше. Кто такой просто режиссер против министра федерального правительства? Возможности влияния на суд и следствие у Улюкаева тоже на порядок больше. Тем не менее, Улюкаев сидит дома... Подождите, Серебренников тоже сидит дома. Он в СИЗО провел одну ночь с очень интеллигентным, по его словам, сокамерником. А бухгалтер Серебренникова, женщина, больная, за которую ни один

деятель культуры не вздумал заступаться, потому что, вероятно, ее искренне не считают человеком, а вот она сидит в женском СИЗО. Разница между тяжестью преступления и общественной опасностью Серебренникова и Улюкаева очевидна. У Улюкаева все намного хуже. Но Улюкаев сидит дома. Почему?

У меня есть две гипотезы. Первая гипотеза — просто больше угроза правящей тусовке. Если слишком прижать Улюкаева, он действительно может начать давать показания, и тогда, наверное, только президент Путин будет в белом, хотя он его назначал своим указом. А вот всё остальное, что ниже товарища президента, будет просто всмятку. У людей будут чудовищные проблемы. А второе — господин Улюкаев все же не вызывает омерзения. Потому что защитники господина Улюкаева, люди, которые из одной социальной группы с ним, они не демонстрируют, что считают гомосексуализм чем-то, что делает его носителей сверхчеловеком, а все остальных делает недочеловеком. Вот эта наглая и навязчивая демонстрация того, что если я гомосексуалист, то я сверхчеловек, и это само по себе делает меня выше вас всех, а вы все быдло и недочеловеки, эта демонстрация очень сильна. И она очень сильно раздражает людей.

До какой степени раздражает? Могу привести пример. Иду я по Садовому кольцу. Стоит булочная господина Стерлигова. На ней вывешено матерное объявление с нецензурными словами. Если перевести на русский язык, то носителям нетрадиционной альтернативной сексуальной ориентации вход воспрещен. Хотя в принципе непонятно, он использовал это слово в значении «гомосексуалист» или в значении просто «либерал». Потому что это слово употребляют иногда в отношении либералов или просто жуликов. В любом случае, в центре Москвы написано матерное слово, официально, не на стене мелом или краской, а вывешено в витрине в качестве объявления. Я уж не говорю, что это ущемление прав человека.

Я это сфотографировал, выложил в своих соцсетях. Получил огромное количество сообщений о том, что это слово не является матерным. Поэтому его можно использовать. Пишут люди вполне взрослые, прекрасно понимающие, что говорят не совсем правду. Но отторжение этой тусовки такое, что российское общество готово согласиться на публичную матерную брань. И власти Москвы — тоже.

Власти Москвы, которые прекрасно это видят и знают. Там камеры стоят. Они тоже согласны на публичную матерную брань ради того, чтобы не защищать людей, которые из своей сексуальной ориентации сделали не просто профессию, а способ унижения всех остальных.

Игорь, Хабаровск: Самая благополучная ситуация с коррупцией в протестантских странах. Причем независимо от того, где они находятся. Хотя в Америке, хоть в Европе, хоть в Азии. Южная Корея в основном протестантская, там успешно борются с коррупцией. Чиновничья культура в Сингапуре англо-саксонская...

М. Делягин: Безусловно, британское право успешно и хорошо и оно помогает. Тем не менее, коррупция в Великобритании есть. Чего стоят одни сексуальные скандалы с педофилией. И они на два порядка больше, чем в Сингапуре. Хотя Великобритания — родина этой культуры. Что касается протестантов, Южная Корея — это страна все-таки не протестантская. Исламская Республика Иран, где коррупция очень низкая, тоже не является протестантской страной. При всем моем уважении к протестантам и к Ирану. Если уж говорить про Россию, то те самые старообрядцы, которые были беспоповцами, это и есть русские протестанты. И таких примерно половина было российского общества. И эта культура, абсолютно не приемлющая коррупцию, в нас жива. Кстати говоря, в большевиках она проявила себя очень ярко и убедительно, наглядно.

«Почему Сечин не приходит на суд к Улюкаеву?» Да не вызывали его. Вызовут — придет, я думаю. Там были официальные сообщения, что его никто не вызывал.

«В Вологде отчитались о выполнении программы по расселению из ветхого и аварийного жилья. А сам я живу в аварийке. Каждый раз обещают года через два. Такими отчетами перед Москвой стелют?» Ну да, конечно. И перед губернатором вологодским, думаю, тоже стелют. Он тоже не все отслеживает. Нужно прилагать большие усилия, чтобы проследить. Но конкретно в Вологде очень хороший музей есть. Раньше он был музеем товарища Сталина. Прямо около 17-этажной башенки, которая стоит в центре Вологды, где сидит администрация Вологодской области, чуть ли не соседний дом — Музей каторги и ссылки. Я думаю, что вологодским чиновникам очень полезно туда ходить. По крайней мере, некоторым стоит готовиться к своему светлому будущему. Хотя у нас сильно вырос гуманизм с того времени.

Миллион человек у нас сейчас живут в аварийном жилье по стране. Его хотят расселять. Но как расселять, за какие деньги? Над этим правительство Медведева даже не задумывается.

Мне пишут из Вологды. Я сказал про музей каторги и ссылки, который в соседнем доме со зданием администрации Вологодской области, мне пишут: «Да что вы, Михаил! Они про такой дом-музей и слыхом не слыхивали! Слишком уверовали в свою безнаказанность! Походу у наших чинуш вообще ни флага, ни страны. В голове только бабки да спесь». Может быть, но этот музей содержится на деньги администрации Вологодской области. Так что, думаю, они про такой музей они слышали. А насчет остального сложно казать.

Тут пишут из Владимира. «Во Владимире зам губернатора взяла взятку три миллиона рублей, была под домашнем арестом, а вчера освободили, потому что у нее неожиданно нашлась онкоболезнь.

А когда работала, была полностью здорова». Остается только предположить, что если бы она взяла не три миллиона, а три тысячи рублей, она давно бы уже поехала по этапу. И сейчас сидела бы в колонии. Не три, тридцать. Потому что до десяти тысяч у нас условные сроки дают. Но давайте зафиксируем, что, возможно, от сильных переживаний может развиваться рак. Такое бывает. Хотя, конечно, производят впечатление омерзительное все эти истории. Хотя, что мы про Владимир? У нас господина Чубайса с компанией, с подельниками в конце 90-х годов подвели под амнистию, когда их, действительно, по-честному пытались судить за так называемое «дело писателей». Из этих, кто был с ним вместе, некоторые уже сошли со сцены. Кох вообще спрятался в Германии, будучи пойманным на контрабанде, как и бывший первый заместитель руководителя Банка России, непосредственно, один из организаторов дефолта господин Алексаншенко, если я правильно понимаю. Так что у нас ситуация с этим катастрофическая.

Вот вы пишете: «погубит нас толерантность». Знаете, раз вы пишете еще про Китай, к примеру, Конфуций. Он говорил, что любое изменение к лучшему можно начинать только с исправления имен, потому что надо называть вещи правильными своими именами. И говорить «толерантность» — это не совсем правильно. Правильно по-русски говорить «толерастия». Это более точно и более корректно.

Примем еще звоночек. Роман из Белгорода, вы в эфире!

— Здравствуйте! А что, судьбу «Башнефти» Улюкаев лично решал что ли?

Делягин: На этот счет можно легко посмотреть в интернете. Решал он не лично. Но если министр экономического развития говорит, что данная сделка не выгодна, то она, в лучшем случае, тормозится очень сильно. А в той ситуации, которая была тогда, он имел возможность теоретически остановить эту сделку.

Спасибо за слова благодарности, уважаемые коллеги. Но лучше бы вы вопросы задавали по вацапу. А вот еще один яркий пример толерастии. Я думаю, что вы про это не все еще знали. У нас есть такое явление природы, почти стихийное бедствие. Как ураган «Харви» в США — деофшоризация. Писк идет по всей стране великой уже года два. Чиновники с этими лозунгами пляшут и камлают практически как украинцы. Только без кастрюль на головах. И даже периодически меня спрашивают товарищи журналисты: а вот как идет процесс? Я, правда, объясняю, как он идет, поэтому они быстро растворяются в тумане. Но шум идет грандиозный. Некоторые даже предлагают сделать это очередной национальной идеей.

И вот яркий пример того, как у нас, на самом деле, идет деофшоризация. В сфере ЖКХ есть чудесная организация Росводоканал. Несмотря на пышное название, она контролирует водоканалы, то есть, водопровод и канализацию, водоснабжение и канализацию всего-навсего в семи регионах Российской Федерации. Если брать города, то это Барнаул, Воронеж — город-миллионник, Краснодар, по-моему, город-миллионник, Омск — город-миллионник, Оренбург, Тюмень и Тверь. Семь регионов. И передача огромных городов под контроль Росводоканала рассматривается как прогрессивное явление. Так вот. Этот самый Росводоканал на сто процентов принадлежит офшорной компании «Вентрелд холдинг лимитед». Зарегистрирована она в Британских Виргинских островах. Если кто из вас, дорогие коллеги, случайно будет на Британских Виргинских островах, заходите, поговорите с теми, кто управляет вашим коммунальным хозяйством. Вашим водоканалом. Вы, естественно, можете жаловаться и в России на них и пытаться как-то на них оказать действие, но разговаривать надо с хозяином, а не с исполнителем. Так что вы будете обращаться на деревню дедушке. Вот такая у нас деофшоризация шагает по стране.

Давайте примем звоночек.

— Михаил, мы много говорим про коррупцию, что все неправильно, бардак в стране. Я просто недавно статистику почитал. Можно красноречиво указать одним примером. Недавно прочитал, правда или нет, но это поражает. Стоимость моста, что строится в Крым, 229 миллиардов рублей. И китайцы построили мост 160 километров в длину, самый большой мост в мире, потратили всего 82 миллиарда рублей. Мне кажется, комментарии излишни.

Десягин: У нас не все бардак. Несмотря на то, что наша статистика очень некачественная, мы об этом поговорим, но бардак все-таки не все. Что касается крымского моста, ну, во-первых, даже гастарбайтеры из Украины, которые там работают, хотя они клянутся, что там не работают. И даже гастарбайтеры из Средней Азии. Он получает сильно больше, чем получает китайский рабочий. Это первое. Второе, что более важно, грунты, на которых строится крымский мост, там такой грунт, что никто не верил в то, что его теоретически можно построить. Там не просто пльвуны, там подземные грязевые вулканы. Здесь та же история, что с Сочи. Действительно, в Сочи все очень плохо, и, судя по всему, украли там чудовищные деньги. Но сваи, чтобы объекты стояли, должны были быть длиной минимум 80 метров. То, чего у нас нет. В Крыму вряд ли этот мост строили на грязевых вулканах. Просто потому, что это довольно редкое явление. Так что я не защищаю тех, кто проектировал крымский мост. Думаю, там очень много денег. Но сравнивать так напрямую можно только с учетом сопутствующих обстоятельств.

Я все подхожу к поговорке, что нашу экономику нельзя подымать с колен. Так вот. Пришла статистика о состоянии нашей экономики. В июле. Помимо официальной статистики, которая мало что выражает, потому что в ноябре провели очередную реформу, и она просто утратила малейшие признаки достоверности, у нас резко ухудшилось сальдо текущих операций платежного баланса. Грубо говоря, это разница между тем, что мы зарабатываем и тем, что мы тратим. В первом квартале 2017 года оно было положительным и составляло почти 22 миллиарда долларов — это очень хорошо. Во втором квартале стало чуть-чуть отрицательным на 300 миллионов долларов. А в июле отрицательное сальдо текущих операций платежного баланса составило миллиард триста миллиардов долларов, то есть, в четыре

раза больше, чем отрицательное сальдо всего второго квартала. Это несмотря на удорожание нефти, подчеркиваю, несмотря на экономический рост, который нам якобы рисуют, но которого, естественно, нет. Тем не менее, мы зарабатываем сейчас меньше, чем мы ввозим в страну. Это касается экспорта товаров, сальдо экспорта-импорта услуг и некоторые другие текущие расходы: сальдо выплаты дивидендов, инвестиционные доходы и так далее.

На простом и бытовом языке это означает, что мы зарабатываем меньше, чем мы тратим. Сейчас это незаметно. Даже международные резервы наши растут, потому что в страну начал возвращаться частный капитал. Значительная часть этого частного капитала криминальный откровенно, остальное капитал спекулятивный, то есть, уйдет при первом дуновении ветерка. Но сейчас это не ведет к падению международных резервов. Но в любой момент ситуация может измениться. Я не думаю, что девальвация произойдет в сентябре, но я думаю, что она неизбежна в течение ближайшего года. Просто потому, что экономика не имеет для этого достаточных оснований. Банк России не будет использовать в качестве предлога для девальвации ситуацию с банком «Открытие». Это уже понятно. И это хорошо. Но если вы вкладываетесь не на несколько месяцев, а хотя бы на год, лучше в валюту.

Вот мне пишут. «Коллеги, Росводоканал в Тюмени — это просто кошмар! Договориться работать с ним невозможно!» Простите, уважаемый коллега, а зачем офшорке с вами договариваться? Кто вы такой, чтобы вас принимать во внимание? Если у вас возникнут серьезные претензии, то люди просто соберутся и уедут на свои Британские Виргинские острова и ловите их там в почтовом ящике! У них, наверное, там даже офиса нет. У собственника Росводоканала. Который контролирует семь городов страны. И по щелчку может устроить там революцию, просто чуть-чуть изменив тарифы и правила обслуживания сетей. Напомню, три города-миллионника! И такие значимые города, как Барнаул, Тверь, Оренбург и ваша Тюмень. Вашей Тюмени, кстати, вообще повезло. В рамках приватизации электроснабжение Тюмени было приватизировано и передано иностранному инвестору. Самому значительному финскому инвестору России, государственной финской компании «Фортум». Компания более чем наполовину принадлежит прямо финскому правительству. И

эта компания год назад поставила на счетчик всю Тюмень, заявив, что или вы увеличиваете тарифы, или извольте-ка заплатить мне одноразово сумму, сопоставимую со всем городским бюджетом города Тюмени, по-моему, 18 миллиардов рублей. Эта тема как-то сошла на нет, она больше не обсуждается никак и нигде, но финская государственная компания уже попыталась, по сути дела, обанкротить Тюмень. Это реальная была попытка. И наше государство считает, что так и нормально. Так и должно быть. А вы обижаетесь на меня за использование слова «толерастия».

Олег из Самары в эфире!

— Можно ли сделать нам так, чтобы «Единая Россия» полностью отсоединилась от бюджета Российской Федерации, так как по последним данным у них денег хватает, и пусть они живут на партвзносы. Второй вопрос. Можно ли сократить зарплату депутатам Госдумы, сделать так, как они любят: средний вариант по 30 тысяч. И третий вопрос. По спискам, по которым они людей толкают туда, все партии должны содержать своих вот этих списунов.

Деягин: Я не очень понял насчет списунов, потому что списки там составляются, включают туда вменяемых и невменяемых. Это дело партии — включать туда людей, которые будут работать или являются местным начальством, это, на мой взгляд, неправильно. Не должен включаться в список человек: губернатор или спикер заксобраний. Или мэр города, который не будет работать депутатом. Это всем понятно. Но законодательство, которое, по сути, принимается «Единой Россией», это позволяет сделать.

Можно ли отсоединить «Единую Россию» от бюджета? Это европейская система, когда партия, набравшая больше определенного процента, получает из бюджета деньги за каждого человека, который за них проголосовал. У нас, помимо парламентских партий, по-моему, еще «Яблоко» получает эти деньги. Можно отсоединить, нет проблем, но это не решит проблему коррупции. Это просто снизит управляемость. И еще больше снизит вменяемость всех политических партий.

Можно ли сократить зарплату депутатам? Знаете, если президент Российской Федерации приедет в Госдуму и скажет: дорогие друзья, я имею право разогнать Госдуму по закону. И, кстати, у меня есть инициатива, а давайте вы будете жить жизнью среднего россиянина. И

будете иметь зарплату не ту, которая получается объединением зарплат олигархов и топ-менеджеров — десятки миллионов в лучшем случае рублей, а с зарплатами людей, которые живут ниже прожиточного минимума. И получается 35 тысяч с чем-то рублей. Давайте вы будете иметь ту зарплату, которую имеет большинство граждан Российской Федерации. Порядка 20 тысяч рублей.

В этом случае депутаты радостно, поверьте, проголосуют за ту же самую зарплату, что и будет у всех остальных. За среднюю зарплату по стране. Другого способа я не вижу. Когда я участвовал в избирательной кампании, то одним из обещаний было то, что я потребую, внесу законопроект, если меня выберут, что средняя зарплата депутата должна быть средней по стране. На самом деле, я знаю трех человек в нынешней Госдуме, наверное, их больше, которые основную часть своей зарплаты депутата, которая очень большая, она исчисляется сотнями тысяч рублей, а доходит до 800 тысяч, а одна из депутаток мне гневно возражала на эту сумму. А когда я попросил назвать, сколько она реально получает на руки, она ушла со связи. И больше не возвращалась. Но меньше 350 тысяч, по-моему, депутаты в сумме не получают. Но я знаю людей, которые, действительно, они богатые и обеспеченные, они эти деньги себе не берут. Они все деньги на что-то направляют. Или партии помогают, или содержат помощников, или кто-то занимается благотворительностью. Но я не могу назвать этих людей в эфире, потому что после этого они могут стать отверженными и проклятыми в Госдуме. За то, что смеют не брать себе те деньги, которые они же сами себе при помощи действующего законодательства и выписывают.

Сокращать зарплату депутатам нужно. Это сложно, но это можно сделать, если захотите. Но самое главное — не зарплата. Самое главное — это право отзыва. У нас граждане должны иметь право отзыва депутата в любой момент. Мы должны избирать, как это было при советской власти, судей, за исключением судей Верховного суда. И наша страна менее демократична, чем СССР. Тогда судьи были народные, а сейчас непонятно какие. Мы их не избираем. Они все назначаются. И, во-вторых, должен быть механизм отзыва депутата. И отзыва любого избираемого чиновника и отзыв судьи. Если кто-то допек избирателя до такой степени, что 10 или 5 % собралось и подписали петицию, должны быть досрочные выборы. Но маленькая

деталь. Если досрочные выборы показали, что 5 % избирателей этому человеку не верят, а остальные верят, если его опять выберут, то должна быть и ответственность. И люди, которые эту петицию подписывали, должны какой-то штраф за это заплатить. Не профинансировать всю избирательную кампанию, это слишком много денег, но какую-то сумму они должны заплатить в качестве компенсации. Но когда об этом говоришь депутату обычному, даже хорошему депутату, то такое ощущение, что человек сейчас спрячется под стол. Чувствуешь себя больным какой-то чумой, которая передается воздушно-капельным путем, когда говоришь депутату, что нужно обеспечить отзыв. И люди начинают реагировать не вполне адекватно.

«Русская медная компания, находящаяся тоже в оффшорах Британских Виргинских островов начала строительство ГОКа недалеко от питьевого водохранилища, несмотря на протесты граждан. Какая будет польза ГОКу городу Челябинск?». Понятно, что угроза отчетливее выше пользы. А польза — налоги. И немножко работы. Это понятно.

Звонок. Вадим, вы в эфире.

— Не могли бы вы сказать, насколько можно доверять нынешнему Росстату, который подчинен Минэкономразвития)?

Делягин: Я понял. Нынешнему Росстату я лично не доверяю никоим образом. Но в защиту нелюбимого мною Минэкономразвития и лично господина Орешкина могу сказать, что реформу статистики в ноябре прошлого года Росстат осуществил, будучи независимым от министерства, находясь в прямом подчинении правительства Российской Федерации, в прямом подчинении господина Медведева. Это была такая реформа статистики, после которой непонятно, статистика что-то выражает или нет?

Мы заканчиваем на этой замечательной ноте. И вы спрашиваете меня, стоит ли брать ипотеку? Если есть малейшая возможность не брать ипотеку, не берите! Потому что вы не знаете, что будет с вашей работой и с вашей зарплатой через три месяца. Этого никто не знает. И я не знаю. Но бывают ситуации, когда приходится лезть в петлю, чтобы нормально по-человечески жить. Я в свое время брал валютный кредит под 26 % процентов годовых, потому что это был вопрос сохранения нормальных отношений в моей семье. А потом брал под

15 %. Но нужно понимать, что это экономически не выгодно, сверхопасно и сверхрискованно!

Спасибо!

Если США захотят, в один день мы лишимся своих денег, вложенных в их ценные бумаги ^[38] [Радиопередача]

Делягин: Здравствуйте, дорогие друзья. У нас сегодня с вами много разных интересных событий. Но прежде всего, давайте определимся с санкциями. Надо ли мне рассказывать сейчас про американские санкции, их последствия, и то, что мы должны в этой ситуации делать? Мне кажется, что за последние дни все уже прожевано.

А сейчас — о текущих событиях, то, что происходит прямо сейчас. Авария на алмазном руднике в «Алросе». Последние новости. 89 горняков подняты, как пишут, на безопасный уровень. То есть они находятся в безопасности. В подтопленной части находится еще около 60 человек. Пострадавших пока нет, и будем надеяться, что их и не будет. Это классическая авария. «Алроса» всегда славилась довольно высоким технологическим уровнем, высоким уровнем безопасности работ. Но, к сожалению, на мой взгляд, эта авария не случайна. Дело в том, что длительное время «Алросой» руководил финансист, как и многими другими российскими компаниями. Когда-то, в поздний советский период, было общее негодование, все говорили: все наши беды от того, что страной руководят инженеры, а вот когда страной будут руководить экономисты и юристы, все будет хорошо, потому что они будут разбираться в рыночной экономике. Практика показала, что это не так, и ошибки экономистов и юристов оказались другими, чем ошибки инженеров, но значительно хуже и страшнее.

В последние два десятилетия стало популярным назначать руководителями крупных корпораций (в том числе крупных промышленных корпораций) финансистов. В этом есть свой смысл, потому что даже крупнейшие мировые экспортеры сырья зарабатывают критически значимую часть своих доходов за счет финансовых спекуляций с разного рода производными инструментами.

И понятно, что если главное дело добывающей компании, условно говоря, не добыча железной руды, а организация финансовых спекуляций вокруг этого дела, то вполне естественно, что компанию возглавляет финансист.

То же самое произошло со многими нашими производственными компаниями. Конкретно «Алросой» руководил один из лучших финансистов РФ. Мое мнение, что он был лучшим, но мнение всех экспертов, с которыми я разговаривал на эту тему, что он был один из лучших финансистов РФ, который сделал, в частности, невозможное дело. Он обеспечил привлечение иностранных инвестиций в государственную корпорацию РЖД. Казалось, что это невозможно, потому что это государственная корпорация, под жесточайшим госрегулированием, тарифы регулируются, все регламентируется, система полувоенная. Тем не менее, он сделал так, что иностранные инвесторы дрались за эти небольшие 5 % акций.

И вот человек пришел руководить «Алросой». И, что называется, начали возникать производственные трудности, и производственники очень сильно ругались по этому поводу. В чем проблема? Проблема в том, что у финансиста и производственника разные представления о допустимых рисках, просто в силу их жизненного опыта, в силу их воспитания. Для финансиста риск наступления негативного события в 1 % — это вполне приемлемый, нормальный риск, с которым можно работать. Нуда, мы понесем убытки, но в среднем мы заработаем больше, поэтому это риск терпимый и приемлемый. Для инженера, для человека, который связан с производством, негативное событие — это не потеря денег на какой-то локальной спекуляции, о которой думают финансисты. Для инженера это авария, которая может привести к уничтожению производства. Если рудник затопило, его потом очень сложно восстановить. Если произошел Чернобыль, восстанавливать уже нечего и невозможно. Поэтому один и тот же риск может быть абсолютно приемлем для финансиста и нормален для финансовых спекуляций, но запредельно высок и недопустим для производства. И когда финансист приходит руководить производством со своими представлениями о допустимых рисках, что называется, могут начаться большие трудности.

У нас есть звонок. Роман, Московская область.

— Роман из Сергиева Посада. У меня два вопроса. К 100-летию Великой Октябрьской революции Путин, на ваш взгляд, решится на амнистию всех политзаключенных, Квачкова например?

Второй вопрос. У меня такая идея возникла. После разгрома американской дипмиссии в Серебряном Бору, на ваш взгляд...

Делягин: Какого разгрома? Просто дачу арестовали.

Роман: Да. Вы наверняка видели по телевизору парад 43-го года, когда немцев прогоняли, потом парад в Донбассе, когда полчища бандеровцев прогоняли. На ваш взгляд, пока дипломаты не разъехались к 1 сентября, не стоит ли в Москве провести парад 750 человек, этих дипломатов, и потом их обменять на Бута?

Делягин: Очень приятно, что вы знаете о параде 43-го года. Надеюсь, что вы не оговорились. Потому что это на самом деле уникальное событие. Дело в том, что когда по Москве прогнали пленных немцев в 44-м году, это был уже второй парад такого рода. Первый парад такого рода был в 43-м году, когда по Москве тоже прогнали пленных немцев. Но это было настолько необычное, настолько потрясающее событие, что просто забыли организовать киносъемку, не подумали об этом. Их прогнали по сокращенному маршруту, но, тем не менее, это было.

Но есть маленький нюанс. Дело в том, что это были военнопленные. И мы в то время находились с фашистской Германией в состоянии войны. Какие бы чувства мы ни испытывали к США, мы находимся с ними в состоянии мира. Очень худого мира, но это тот самый худой мир, который лучше доброй ссоры. Министр иностранных дел Громыко, который помимо всего прочего был еще и белорусом по национальности, и хотя бы по своим родственникам знал, что такое война, говорил, что лучше 10 лет вести переговоры, чем 10 минут вести войну. Это остается правильным. Так что, конечно, хорошо бы сделать что-нибудь элегантное с американскими дипломатами, но никто с ними ничего делать не будет, потому что, во-первых, у большинства из них есть дипломатический статус неприкосновенности, а во-вторых, самое главное, мы не находимся в состоянии войны. Хотя отношение российского государства к США такое, как будто США являются нашими хозяевами. Я напому, что мы даже разрешили американцам самим определять, кого высылать, а кого нет. Они сейчас вышлют всех работников консульского отдела, и

потом скажут: у нас некому выдавать визы. Это теоретически вполне возможно.

И второе, насчет амнистии. Во-первых, 100-летие Великой Октябрьской социалистической революции не является государственным праздником, поэтому никакой амнистии к этому дню не будет. И вряд ли сделают амнистию даже к 4 ноября, по крайней мере, политзаключенным. Я в это не верю.

Вернемся к «Алросе». Я повторяю, практика назначения финансиста директором промышленного предприятия показывает свою ущербность. Потому что представление о допустимых рисках в финансовых спекуляциях и в производстве совершенно различны. Те риски, которые допустимы для финансовых спекуляций, абсолютно, как правило, недопустимы, чрезмерно высоки для производства. Это касается всего. Это одна проблема.

Вторая проблема, которая у нас везде (но я надеюсь, что ее нет в «Алросе» и других крупных добывающих предприятиях), это методика написания инструкций. Те инструкции, которые остались с советского времени, они обычно уже не соответствуют современным технологиям, которые сверхпроизводительные, резко повысили эффективность за последние 30 лет. У меня есть знакомые люди с одного завода, который производит бульдозеры. Так вот, количество производства бульдозеров в штуках у них упало в 100 раз, а общая энерговооруженность этих же самых бульдозеров, которые они производят, их производительность выросла на 30 %. То есть у нас сейчас уже другая техника, и советские инструкции, если они подходят, слава тебе, господи. Но они подходят не везде. А современные инструкции — нет специалистов, которые способны эти инструкции готовить, типа эксплуатации по инженерным вопросам, по технике безопасности. Конечно, к каждому станку, к каждому агрегату, к каждому механизму есть своя инструкция, есть своя техника безопасности, но на производстве их нужно интегрировать. А вот этим заниматься особо некому.

У нас есть звонок. Александр из Перми.

— Я бы хотел внести ясность в один вопрос. Чем вызвана причина размещения наших денег в американские ценные бумаги? Об этом как-то вскользь всегда говорят, и многие специалисты стараются обходить этот вопрос. Как вы думаете, возможно ли вывести наши

деньги в виде размещения в американских ценных бумагах, и как это может вообще произойти?

Делягин: Произойти это может элементарно. Мы выводили эти деньги. Пока их не заморозили, их можно вывести совершенно спокойно. В 2008–2009 году эти деньги выводились. Я участвовал в заседании «Валдайского клуба», там выступал Путин осенью 2013 года. Я помню, он с некоторым таким внутренним изумлением говорил, что вот нам понадобилось — мы вывели, никто нам не помешал. Другое дело, что нельзя выводить 109 миллиардов в один день, потому что тогда рынок рухнет, и мы потеряем деньги на этом. Но выводить постепенно нет никаких проблем, пока они не заморожены.

Почему мы храним деньги в американских госбумагах? Очень простая причина.

Российской экономикой управляют либералы, то есть люди, которые считают, что государство должно служить не своему народу, а глобальным спекулянтам. У кого-то это осознанное понимание, у кого-то это на уровне религиозной догмы, которая не обсуждается. Потому что если развивать Россию, то будет инфляция якобы, и это абсолютно недопустимо. А если этими же деньгами развивать наших конкурентов, которые ведут против нас пока холодную войну на уничтожение, это замечательно, это правильно и нормально. У кого-то из этих людей, я вполне допускаю, другая идентификация, они ощущают себя, управляя российской экономикой, не гражданами России, которые должны служить России, а гражданами Соединенных Штатов, гражданами консолидированного Запада, которые должны служить Западу. Тем не менее, у них абсолютный блок: Россию развивать нельзя никогда, ни при каких обстоятельствах. А если Россию нельзя развивать, значит, деньги нужно хранить. Соответственно, если их хранить в России в рублях, то они будут съедаться инфляцией, значит, их нужно хранить в наиболее надежном виде активов. А наиболее надежные активы — это американские государственные ценные бумаги. 109 миллиардов долларов вложено в американские госбумаги. Как только Россия что-то зарабатывает, она эти деньги сразу вкладывает в американские и европейские госбумаги. И в итоге мы работаем сегодня на американцев. И санкции предусматривают возможность анализа последствий заморозки наших

активов на территории США, то есть именно этих вложений. То есть мы в один день можем лишиться более чем четверти своих международных резервов, которые чуть выше 400 миллиардов долларов.

Я говорю всегда, что это не фатально и не страшно, это меньше, чем мы потеряли в кризис 2008–2009 годов в результате экономической политики господина Кудрина. Это меньше, чем мы потеряли в 2014–2015 годах из-за политики госпожи Набиуллиной. Но знаете, это все равно больше четверти всех международных резервов, и на 100 миллиардов долларов можно построить просто новую Россию. Но правительство и Банк России категорически не хотят развивать нашу страну.

Почему не золото? Потому что когда вы вкладываете деньги в золото, то это ваше золото, оно принадлежит вам, и это ваш ресурс. А когда вы вкладываете деньги в американские госбумаги, вы отдаете деньги хозяину, и не важно, что этот хозяин является не жестким. Российские либералы де-факто управляют Россией, управляют российской экономикой и социальной сферой России, исходя из интересов глобальных спекулянтов и страны их базирования, то есть США. Сознательно или бессознательно, это пусть следователи решают и психиатры, я констатирую факт. Наше государство в социально-экономической сфере из 90-х годов не вышло и, на мой взгляд, ведет войну против нас. Санкции, которые накладывает на Россию правительство Медведева и Банк России Набиуллиной, на мой взгляд, на порядок страшнее тех санкций, которые накладывает на нас проклятый Запад. Ущерб от западных санкций на фоне ущерба от санкций правительства Медведева и Банка России Набиуллиной, которые они велеречиво называют экономической политикой и социальной политикой, на мой взгляд, несопоставим.

Возвращаясь к нашей сегодняшней теме. Как пишутся инструкции? Написание инструкций состоит из двух этапов. Первый этап. Приходит какой-нибудь эффективный менеджер, который не знает ничего и ни о чем. Я в 2003 году столкнулся с ситуацией, когда пришло новое поколение людей, я их учил в госаппарате, и вдруг выяснилось, что эти люди в принципе не понимают, зачем им, работая в аппарате правительства, как-то учитывать реальность. Понимаете, есть карьеристы, которые говорят, что нужно в первую очередь знать

мнение начальника, от этого все зависит, а что там происходит на самом деле, это вопрос второстепенный. Но эти карьеристы понимают, что есть какой-то реальный мир. А вот более 10 лет назад пришло новое поколение карьеристов, и некоторые из них сейчас дослужились до очень высоких позиций, чуть ли не губернаторских, которое не верило в существование реальности. И вот такие люди пишут инструкции, которые ни с чем не связаны. А потом приходит финансист и начинает сокращать издержки. И действительно сокращают издержки топором, не обращая внимания на то, что происходит в реальной жизни.

Вот у меня недавно была детская задача — заменить газовый счетчик на даче. Я пришел в райгаз, потратил там два часа. И сначала я был страшно зол, был готов порвать всех и даже высказываться начал. А потом я смотрю и вижу, что все люди очень хорошие. Они действительно стараются помочь. Они действительно сильно выходят за пределы своих должностных обязанностей, то есть они делают то, что делать не должны. Когда вы мастера по ремонту оборудования сажаете на компьютер, он его видит второй раз в жизни, смотрит на него, как я смотрел бы на тикающую атомную бомбу, и мучительно с ним пытается взаимодействовать, то 30 потерянных моих и его минут на заполнение простейшей анкеты, это сделано теми, кто писал эти безумные инструкции, а потом урезали штаты, совершенно не интересуясь тем, что после этого урезания штатов, после этой экономии, после этого сокращения издержек будет происходить. К сожалению, эта проблема у нас по всей стране, сверху донизу. Если бы меня кто-то пустил в аппарат президента, думаю, я увидел бы там то же самое. Такое происходит везде. Это главная беда сегодняшней России, когда сначала эффективные менеджеры, сдавшие ЕГЭ и не понимающие ничего, понимающие, что им не нужно ничего знать, потому что главное — улыбаться начальнику, сначала пишут инструкции. Потом финансист, не понимая реальных производственных или управленческих процессов, урезает все, что можно урезать, а потом это валится нам на голову. И это перестает работать в самых драматических обстоятельствах. Я надеюсь, что 59 человек на «Алросе» спасут, но нас с вами от этого не спасет никто, кроме нас самих. Мы должны оздоравливать это государство.

У нас есть звонок. Борис из Москвы.

— Я молодой пенсионер, 1,5 года на пенсии. 6-го числа у меня пенсия. Как вы думаете, возможны ли трудности с выплатами пенсий из-за западных санкций, не опустеет ли наша казна?

Десягин: Нет, невозможны. Возможны трудности из-за нашей глупости, но, знаете, федеральный бюджет, 7,8 триллионов рублей, валяется без движения. Из них только 15 млрд, долларов, не очень большая часть, не катастрофическая, вложена в американские госбумаги. Основная часть действительно вложена в западные госбумаги, но 45 % только из этих вложений вложено в американские госбумаги, а часть находится в России без движения в тех или иных банках или просто в казначействе. Так что деньги есть, правительство Медведева от денег захлебывается, и из-за американских санкций трудностей с пенсией не будет. И вообще, учитывая сегодняшнюю политику, не будет трудностей с пенсией, по крайней мере, до президентских выборов. То, что официально работающим пенсионерам надбавку сделали издевательскую 200 с небольшим рублей в месяц, это другая тема. То, что у нас проводится пенсионный геноцид по социальному признаку, по сути дела, это другая тема. То, что пенсионная реформа носит характер вивисекции, то есть опыта над животными без наркоза, об этом тоже поговорим, если хотите, но прямой угрозы вашим сегодняшним пенсиям нет.

У нас еще звонок. Сергей из Волгограда.

— Михаил, я немного постарше вас, мне довелось жить при социалистической модели развития, причем в зрелом возрасте, и сейчас. Так вот, мне довелось изучать Карла Маркса и Энгельса и в школе, и в институте. Когда я изучал частную собственность по Марксу (я имею в виду, где есть наемный труд), он объяснял, что это нажива и только нажива. Тогда я этого не понимал, но на практике после 90-х годов увидел. Михаил, ваше отношение к частной собственности? Вы, я так понимаю, ученик Ясина, а тот ярый сторонник частной собственности. Вы как к этому относитесь, Карл Маркс прав или нет?

Десягин: Я ученик Игоря Васильевича Нита. Он был первым советником по экономике Ельцина, но при этом он был абсолютно вменяемым человеком, очень хорошим экономистом. Так вот, ничего лучше марксизма, несмотря на то, что он очень давно сформировался и в другой экономической базе, в другую эпоху, ничего, лучше

описывающего ситуацию, не существует. Поэтому частная собственность — это способ эксплуатации, способ, грубо говоря, грабежа. В этом отношении товарищ Прудон (хотя Маркс на него и ругается) с бытовой, житейской точки зрения прав.

Другое дело, что в нашем нынешнем мире отношения между народами, между государствами, и эксплуатация глобальным бизнесом, глобальными спекулянтами той или иной страны (и России, и Америки) значительно выше, чем эксплуатация нашим домашним капиталистом рабочих. Когда вы приезжаете на завод и видите людей, которые работают за 10 тысяч рублей (или за 25 тысяч рублей), и знаете, сколько они производят, сколько оказывается у предпринимателя, и какая часть этих денег идет в производство, какая часть на личные развлечения этого предпринимателя (ну и на взятки, само собой), это действительно эксплуатация, это недопустимо.

Другое дело, что социализм или его следующая стадия — коммунизм, это очень сложная организация, которая требует глубокой перестройки общества и общественного сознания. И первая попытка построения социализма в нашей стране сорвалась, так же как сорвались первые попытки построения капитализма. Первый блин всегда комом. Очень грустно оказаться внутри этого блина, но что ж поделаешь. Мы обязательно это построим, потому что человек стремится к счастью, к справедливости и к достоинству. Между прочим, и к порядку тоже. Капитализм себя уже выработал полностью.

Есть очень важная мысль Ленина, которая показывает всю сложность построения социализма, и она у нас не популяризируется. Мысль заключается в том, что социализм — это не обобществление производства. Грубо говоря, капитализм может, защищаясь, ввести даже 100-процентную государственную собственность, и это все равно останется капитализмом, потому что вопрос — в чьих политических интересах это используется. Социализм отличается от капитализма не формой собственности, он отличается характером власти, то есть вещью глубоко субъективной, связанной с тем, готовы ли люди защищать свои права или они готовы быть грязью под ногами уважаемых руководителей, будь то в ларьке цветочном или будь то на уровне государства. Вот в этом проблема, чтобы люди начали бороться за свои права. И один нынешний марксист, Марк Евгеньевич Ткачук, как-то был у нас в эфире, и он сказал мудрую вещь. Что люди

отказываются от коммунизма до тех пор, пока есть хоть какая-то альтернатива. Потому что люди не хотят, стесняются, ленятся бороться за свои права. И только когда другого выхода уже нет, уже полный край, тогда люди действительно начинают строить справедливое общество, и у них получается. Потому что это задача, которая не решена, но решать нам ее придется, потому что деваться некуда.

У нас еще звонок. Александр, Нижегородская область.

— Недавно в «60 минутах», обсуждая санкции, было высказано такое мнение одного из присутствующих на передаче. В санкциях будет идти вопрос, в частности, о проверке доходов и расходов нашей псевдоэлиты. Действительно ли это так?

Делягин: Да, это действительно так. Санкцион-ный закон достаточно обширен, там есть вещи малоизвестные, которые мелким шрифтом обозначены. Среди этого мелкого шрифта возможность исследования последствий заморозки наших активов, о чем публично не говорят. И среди этих исследований требование к российским обеспеченным людям, которые что-то имеют в Штатах, доказать и объяснить происхождение своих активов. С одной стороны, это действительно защита от воров, бандитов и либеральных реформаторов. Потому что если вы украли, значит, вы, скорее всего, не сможете доказать, откуда у вас взялись ваши деньги. Никакая страна не хочет пускать к себе чужих преступников (кроме, может быть, Великобритании, которая на этом деле старается подняться). Но самое главное, что в процессе этих разъяснений вы тем самым даете на себя признательные показания. То есть вы разоружаетесь перед руководством этой страны. И когда многие эксперты, в том числе Михаил Владимирович Леонтьев, говорят, что это способ вербовки нашей так называемой элиты, то конечно. Представьте себе, какой-нибудь первый вице-премьер, который якобы арендует замки за границей. Его спрашивают: откуда ваши деньги? В России он может сказать: а пошли вы все лесом, у меня конституционные права, я не хочу с вами разговаривать, это ущемление моих прав человека. А если он так скажет в приличной, уважающей себя стране, не в России, а на Западе, ему скажут: отлично, тогда мы арестовываем все ваше имущество до тех пор, пока вы не объясните, откуда вы взяли эти деньги. И не надо приносить левые бумажки, и не надо рассказывать, что это были реформы, и вы так славно заработали. Если вы

рассказываете: ой, вы знаете, моя жена такой отличный бизнесмен, она купила землю как раз в то время, когда я проводил реформы, благодаря которым эта земля в разы выросла, — то это там не пройдет, потому что это коррупция во всех развитых странах мира. А в колониальных странах, которые находятся под внешним управлением своей элиты, типа России, да, это нормально, это проходит до сих пор.

Я вообще считаю, что любой человек, который имеет активы стоимостью больше миллиона долларов и не может объяснить, откуда они взялись, он не может находиться на госслужбе и не может избираться ни на какую должность, не может быть судьей, не может вообще заниматься юридической деятельностью. Должен быть абсолютный запрет на профессию, должна быть защита народа от потенциальных жуликов. Но в Америке эта защита осознанно направляется на то, чтобы вербовать нашу элиту. Как сказал Збигнев Бжезинский, если все деньги вашей элиты лежат в наших карманах, почему вы считаете эту элиту вашей?

Итак, еще одно событие. В Самарской области бойцы Росгвардии задержали 30-летнего мигранта после того, как он набросился на сотрудника ОМОНа с ножом во время рейда по выявлению нелегалов. В тепличном хозяйстве было выявлено 60 иностранцев из Средней Азии. Из 60 человек составлено только 42 протокола на выявленные нарушения миграционного законодательства. Очень интересно. 60 нелегалов, 42 протокола. Может быть, кто-то из этих трудолюбивых соотечественников находился там легально.

Аналогичный случай произошел 2 августа в Самаре. Уроженец одной из республик Средней Азии 92-го года рождения ранил двоих полицейских ножом и скрылся с места преступления. Только что у нас была банда ГТА, которая устроила пальбу в Московском облсуде. Что, нужно, чтобы трудолюбивые соотечественники устроили пальбу в Кремле, что ли, и перестреляли половину администрации, прежде чем наше уважаемое некоторыми государство введет визы со странами Средней Азии, хотя бы с теми, кто не хочет с нами интегрироваться?

Да, есть Киргизия, где безумная ситуация, где непонятно вообще, что из себя представляет государство, где президент, который постоянно выступает с оскорбительными заявлениями в адрес России и представителей России, но при этом Киргизия формально является членом ЕврАзЭС, то есть она с нами хоть как-то пытается

интегрироваться, и там в школах людей учат русскому языку. Ладно, пусть с Киргизией не нужно визового режима. Посмотрим для начала.

Но такие страны, которые отказались от русского языка и растаптывают русскую культуру — Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, они не хотят с нами интегрироваться, они хотят сосать из нас деньги. Мы должны защитить себя от волны преступности, в конце концов. И когда выходят бизнесмены и говорят: без рабского труда мой бизнес будет неэффективен, без превращения Москвы в Москвабад у меня будет низкая прибыль... Простите, если такие люди хотят, чтобы у них была высокая прибыль, пусть едут в свою Среднюю Азию, и не надо, чтобы они были здесь. Нам необходим визовый режим.

У нас есть звонок. Александр из Владимира:

— Михаил Геннадьевич, у меня вопрос по поводу сотрудника ДПС, который задержал пьяного судью. Как вы считаете, с ним как поступили?

Делягин: Что случилось с сотрудником ДПС?

Александр: В Иркутской области сотрудник ДПС задержал нетрезвого судью, который прятал свое удостоверение под ковриком внизу, а потом сказал, что он судья. И за это сотрудника уволили. Как вы относитесь к этому?

Делягин: Сотрудник ДПС должен получить повышение, должен быть полностью реабилитирован, перед ним должны все извиняться года полтора и выплатить ему материальную компенсацию. Те, кто его уволил, должны быть уволены с волчьим билетом, чтобы разнорабочим овощного магазина не взяли. А такой судья, который позволяет себе сначала напиться и нарушить закон, который он якобы должен защищать, а потом еще и козырять своим судебским удостоверением, должен быть уволен с волчьим билетом, без права занимать какие бы то ни было должности вообще и заниматься юридической деятельностью пожизненно. И должен быть отдан под суд, потому что, вообще-то говоря, это состав преступления — превышение полномочий, злоупотребление. И вождение автомобиля в пьяном виде — это халатность, которая может перерасти в повлекшую за собой особо тяжкие последствия. И то, что он, как и госпожа Багдасарян, должны пожизненно быть лишены права вождения автомобиля, это само собой разумеется.

У нас безумная проблема с судьями. Потому что под либеральный визг о том, что судья должен быть полностью независимым, это реализовалось. Государство такая штука, что если оно что-то хочет сделать, то на троечку, кривенько, но оно сделает это обязательно. И судьи у нас сейчас независимы практически ни от чего. Возникает ощущение, что в первую очередь они независимы от закона. У них есть своя судебская вертикаль, и не дай бог, судья что-то сделает, что вызовет неудовольствие руководителя данного суда. Если руководитель данного суда недобросовестен, то этот судья шансов не имеет, он, скорее всего, вылетит с работы, лишится всех гарантий. И поэтому у нас огромное количество случаев, когда судьи принимают решения заведомо противозаконные, когда судьи прямо нарушают закон. И никакого механизма контроля за ними, работающего механизма, никакого работающего механизма обеспечения не то что справедливости, а хотя бы законности судебных решений у нас нет. Поэтому когда людей посылают в суд, типа, защищать свои права, это выглядит, как посылание по матерному адресу. Когда-то Ксения Собчак сказала, что есть русское матерное ругательство из трех букв, посередине «у», называется суд. Вот эта ситуация, на мой взгляд, только усугубляется. И судебскую реформу у нас в начале нулевых годов делали те самые люди, которые в принципе не интересовались, как оно устроено на самом деле, которые не понимали, что помимо закона, его буквы, есть еще его дух, есть еще практика правоприменения, еще практика правонарушений. Если юрист это не учитывает, то он не юрист, а винтик непонятно в какой системе. Вот главная проблема — это оздоровление судебной системы. Потому что сейчас граждане России, неважно кто, бомж или офицер спецслужб, мы все не имеем доступа к правосудию. Понятно, что если вы начальник, то у вас шансы повыше, если вы богач, то у вас шансы повыше. А это тоже абсолютно несправедливо.

Я напоминаю лозунг, который либеральная общественность до сих пор считает экстремистским. Лозунг Манежной площади (тогда на ней беспорядки были под этим лозунгом): закон един для всех. И для тех негодяев, которые у нас строят сословное общество и сословное государство, которые считают, что мы должны быть вновь, как в Средние века, разделены на сословия, и к разным сословиям должно

быть разное отношение), эти самые люди правда считают, что это экстремизм, за который нужно сажать в тюрьму.

Я не утрирую. Я долго думал, что это какое-то творческое преувеличение, пока, что называется, не провел несколько включенных интервью. Они правда считают, что если человек исповедует либеральные взгляды, то есть считает, что российское государство должно служить Западу и глобальным спекулянтам, кому угодно, кроме российского народа, вот эти люди должны быть неподсудны, потому что они правы. Знаете, когда какая-нибудь пожилая интеллигентка считает, что она имеет право хамить, потому что она пожилая женщина и она интеллигентная женщина, поэтому имеет право хамить, это смешно, это нелепо, это вызывает даже такую брезгливую жалость. Но когда, исходя из этой догмы, начинает строиться весь общественный порядок, да еще и в условиях, когда у нас нет доступа к правосудию, знаете, это страшно. Нормализация судебной системы — это главное, чем мы должны заняться, это главная задача, которая стоит перед сегодняшним российским обществом.

А теперь хорошая новость. Вот говорят, у нас производство падает, говорят, у нас все плохо с экономикой. Действительно плохо, но вот хорошая новость. У нас на 62 %, почти на две трети, за первые 5 месяцев этого года вырос экспорт ракообразных и моллюсков, в том числе устриц. То есть мы ввели санкции, импорт переориентировался, и мы действительно ввезли за то же время почти 20 тысяч тонн ракообразных и моллюсков (в основном креветок), а 27,4 тонн вывезли. И это не только то, что где-то наши рыбаки ловят и тут же продают, как крабов, скажем, а это и то, что выращивается в различных хозяйствах.

Еще до революции устричный завод в Севастополе снабжал половину Европы. На днищах кораблей с Тихого океана в ходе Русско-японской войны прибыла такая чудесная рапана, сожрала всех устриц. Хотя она очень вкусная тоже, но купить ее можно только в Крыму, это пока не стало предметом бизнеса. Статистика показывает, что экспорт осуществляется примерно за 10 долларов за килограмм. То есть ракообразные и моллюски продаются примерно 600 рублей за килограмм. Понятно, что это оптовые цены, но даже с учетом накрутки торговли за 900 рублей за килограмм было бы очень здорово

покупать это везде, но у нас этого что-то нет. Это при проклятых большевиках был лозунг «Все лучшее — детям», а теперь лозунг: все лучшее — чиновникам, либералам и на экспорт. Это абсолютно неправильно.

Вот мне пишут. Это иллюстрация того, что у нас происходит в судах. Дело Подъячего. Валерий Подъячий при Украине активно призывал к воссоединению Крыма и России. За это он был осужден согласно УК Украины. Но с судимостью он нормально работал в вузах полуострова. А как только Крым вошел в состав России, он был уволен, оказался не у дел, потому что по нашим законам человек с судимостью не может быть принят на работу. И причина судимости никого не интересует.

В любом нормальном государстве человек бы пришел, объяснил, что судимость вот за это, и это преступление по украинским законам, но это нормально по российским законам. И на этом тема была бы снята. На худой конец, это можно было бы решить через суд. Но у нас настолько античеловечески построена нашими либералами система, что вот такого бреда очень много. У нас действительно крымчан отдали на растерзание коллекторам, которые действовали в интересах украинских банков. Украинские банки ограбили людей дважды. Сначала они забрали все их депозиты и вывезли, и люди остались без денег. А потом кредиты, которые жители Крыма брали в украинских банках, с них стали выжимать через коллекторов те самые банки, которые их ограбили. И это работает. Только сейчас, по-моему, начали как-то это менять. И это вопрос к нашей судебной системе.

С одной стороны, судья тоже находится в состоянии постоянного стресса, а с другой стороны, судья может творить все, что угодно. Он может глумиться над людьми, и ему за это ничего не будет. Это ситуация, которая требует решения. Потому что не может существовать государственность, в которой граждане не имеют доступа к справедливости, не имеют доступа к правосудию, не имеют доступа к закону, в которой преступление невозможно или крайне сложно наказать юридически, через суд. Я это проходил с разного рода мошенниками, которые прекрасно себя чувствуют и сейчас, являясь выдающимися либеральными экономистами.

Еще интересная новость пришла. ФБР арестовало программиста, который остановил распространение вируса WannaCry. Это такой

вирус, который стремительно распространялся. Потом один программист нашел, как его остановить. Вот сейчас ФБР его арестовало. Пока нет информации, за что именно, но мы знаем, что США создают международный терроризм, поэтому так возмущаются, когда мы с ним боремся. Похоже, что этот вирус тоже был создан американскими спецслужбами, раз человек, который остановил его распространение, попал под каток американцев.

У нас есть звонок. Сергей из Ставрополя.

— Михаил Владимирович, вот сейчас человек выступал по поводу этого пьяного судьи. Потом на всю страну показывают. Выходит председатель областного суда, извините меня, наглючая рожа, сидит и говорит: а это ему инспектор бутылку водки залил. И насмешка такая издевательская. Вы представляете, плевков на государство, плевков на главу государства и плевков на председателя Верховного суда Лебедева. Это в подчинении Лебедева. Вот пусть он с ним разберется. Они клали, извините меня, на государство и на главу государства. Когда говорят иногда, что где-то судью убили, я всегда говорил и говорю: собакам собачья смерть.

Делягин: Давайте не будем заниматься экстремизмом. Далеко не все судьи, которых убивают, это плохие судьи. И даже если судья плохой, то он не заслужил смерти, в конце концов. Хотя, как говорил один министр внутренних дел, перелистывая личное дело очередного невинно убиенного якобы реформатора, «некоторым людям можно спасти жизнь, только вовремя их посадив». Вот вы говорите, что этот председатель суда глумился над президентом, над председателем Верховного суда. Знаете, в первую очередь он глумился над гражданами. Вы говорили что начальство, а я думал о том, каково живется людям при таком председателе суда, в каком они адском положении находятся, и у них нет никакого просвета в жизни. При Советском Союзе судьи, которые назывались народными судьями, их избирали, пусть даже и на безальтернативной основе. И если судья не набирал определенного уровня голосов, если его ненавидели, то у него перспективы были плохие. При всех тогдашних несовершенствах. А сейчас демократии меньше, чем при Советском Союзе.

Еще один звонок. Наталья Владимировна.

— Почему федеральный бюджет выделяет деньги городу Москве? 40 миллионов на благоустройство дворов, деньги на строительство

МЦК. Почему не направить эти деньги на возрождение более бедных регионов? А потом мы слышим, какая Москва богатая, какое эффективное руководство мэра и сколько у мэра проектов.

Делягин: Маленький комментарий. Наталья Владимировна звонила из Москвы. То есть это москвичи, глядя на тот разврат, который творится в городе, уже москвичи понимают, что... Не нищая Россия, где денег нет, не было и, похоже, не будет при либералах у власти, но уже Москва понимает, что так нельзя. По очень простой причине. Потому что федеральный бюджет считает, что когда у одних густо, а у других пусто, это нормально, так и должно быть, это официальная позиция правительства Медведева, которую они корректировать не хотят. Есть бюрократическая процедура, по ней Москва должна получать деньги под крупные инвестпроекты федерального масштаба, под выполнение столичных функций в рамках лоббистской борьбы за разные проекты. А то, что московские власти ощущают захлебывающуюся от денег...

Третий раз плитку перекладывают. Причем придется перекладывать в четвертый раз, потому что сейчас они расширяют тротуары, и в центре Москвы они сужают проезжую часть. Когда выяснится, что по городу нельзя проехать, потому что можно сузить несколько улиц, но нельзя заузить весь центр, тогда их придется расширять обратно и перекладывать в четвертый раз. Я очень надеюсь, что чего-то не понимаю и ошибаюсь. При езде со скоростью 60 км в час, как объясняют представители мэрии, пропускная способность дорог значительно выше, чем при езде на скорости 80 км в час. Мне это кажется абсурдным, но, может быть, они какую-то другую физику и математику учили. То, что происходит в Москве, это катастрофа. Я провел опрос в интернете (он еще идет у меня на сайте). Вы знаете, более половины москвичей считают, что Собянина нужно не просто уволить, а отдать под суд. А еще процентов 15 считают, что его нужно просто уволить. Да, любой интернет-опрос нерепрезентативен, это понятно, но среди немосквичей пропорции почти такие же. Так что, извините, здесь я ничего хорошего, Наталья Владимировна, не скажу.

Возвращаясь к ситуации в торговле. Мы здесь плавно переходим к тому, что нужно делать. Так вот, в части торговли, в части определения цен нужно вернуть предельную торговую наценку. Не как в 1994 году, когда была введена торговая наценка на каждую отдельно взятую

операцию, и один и тот же товар, чтобы повысить цену, прогоняли через 10 операций купли-продажи. Вот есть импорт, ввоз товара на территорию страны. Есть производство, и производство продает оптом кому-то. Вот над ценой импорта или над ценой производителя надбавка должна быть зафиксирована. Если продается напрямую, все достается одному продавцу. Если продается через 50 посредников, значит, делится на 50 посредников. Понятно, что для разных товаров предельная надбавка будет разной. Понятно, что если на рынке есть высокая конкуренция (скажем, на рынке бытовой техники, автомобилей), то эту предельную надбавку, скорее всего, и не выберут, то есть цена будет ниже предельно допустимой. Но она должна быть, потому что у нас много рынков монополизированных, а обуздать произвол монополий — дело непростое, это дело долгое, иногда это занимает десятилетия. Вот эта мера должна быть обязательно, и она не противоречит рынку, точно так же, как правила дорожного движения не противоречат ни правам человека, ни законам математики и физики, ни интересам гражданского общества.

Не могу удержаться от гипотезы относительно Михаила Саакашвили. Действительно, без документов нельзя выехать из Америки, но вполне возможно, что у господина Саакашвили есть, как у многих других политиков и Украины, и других стран мира, израильский паспорт. И тогда у него все в порядке. Может быть, ему срочно выдали, как своей марионетке, американцы паспорт. И раз он поехал в Польшу, может быть, он в авральном режиме получил польский паспорт. Конечно, он не знает польского языка, конечно, он ничего или почти ничего не знает о Польше и не имеет представления о польской культуре, но, в конце концов, он ненавидит Россию. Я думаю, что для сегодняшней польской элиты этого достаточно для того, чтобы выдать ему паспорт и принять его с распростертыми объятиями.

Теперь о том, что делать нам, какую социально-экономическую политику должно проводить наше государство, что должны делать даже самые несимпатичные, самые проклятые нами люди, для того чтобы мы сказали: да, вы поступаете правильно, мы вас, может, любить не будем, но уж точно потерпим. Это политика очень простая, она сводится к одному. Ключ развития — это модернизация инфраструктуры. То есть создание инфраструктуры новой,

современной, на основе технологий сегодняшнего, а лучше завтрашнего дня. Это резко снижает издержки, резко облегчает жизнь, и это резко активизирует деловую активность.

С одной стороны, для того чтобы осуществить какую-то операцию, что-то произвести, что-то перевезти, нужно потратить меньше сил, денег и времени, а с другой стороны, модернизация инфраструктуры это огромное количество заказов, это большой спрос, это само по себе, в силу большого объема работ, резкая активизация экономики. А дальше то, что среди циничных менеджеров, которые занимаются торговлей, впариванием нам чего-то ненужного, — работа с возражениями. Первый ответ. Причем его слышно именно от либералов, когда стоит толпа либералов и каждый либерал говорил: всё украдут. И, слушая это, понимаешь, что коллективно это звучит «всё украдем», и это правда. Поэтому первое, что необходимо для развития, это ограничение коррупции. Ничего сложного здесь нет, было бы желание. Людоедские меры борьбы с коррупцией тоже работают, но есть механизмы абсолютно гуманные. Первое. Как в Америке, если член мафии (а коррупция власти всегда мафия) не сотрудничает со следствием, у его семьи отбирают все, что у нее есть, оставляют социальный минимум, чтобы дети шпаной не выросли и от голода никто не загнулся. И человек выбирает между верностью банде или верностью своей семье. И критически значимая часть людей, поскольку люди нормальные, рискуют своей жизнью ради того, чтобы спасти свою семью. Благодаря применению этой меры мафия в США перестала быть политически значимой силой.

Вторую меру сделали в Италии. Правда, за 5 лет сменилось 6 правительств в результате применения этой меры, но тем не менее. Если взятодатель сотрудничает со следствием, то он автоматически получает гарантию от судебного преследования. То есть, если человек не является с повинной и не вымогает у следователя какие-то особые условия, если он просто свидетельствует в суде (а он давал взятку и, может быть, он сам коррумпировал этого чиновника), он освобождается от ответственности гарантировано, причем не только по этому эпизоду, но и по некоторым другим (это уж как следствие решит). В результате мафия перестала быть значимой политической силой в центральной и северной Италии и резко ослабла на юге. Это технологии, которые ничего не стоят, было бы желание.

Второе, что нам говорят, и говорят правильно. Если начать масштабные инвестиционные проекты, все деньги завтра будут на финансовых спекулятивных рынках. Зачем мне строить коровник? Я прокручу эти деньги через финансовые спекуляции и через полгода (а если повезет, то и раньше) уже сам буду решать, буду я строить этот коровник здесь для своего заказчика или я буду строить себе шале, причем для себя, а не для заказчика, где-нибудь в Швейцарии, у меня для этого уже будут деньги. Поэтому финансовые спекуляции должны быть ограничены. Все крупные развитые страны стали развитыми только потому, что на уровне зрелости финансовой системы, которая соответствует нашей сегодняшней, ограничили финансовые спекуляции. Причем в Штатах эти ограничения были сняты только в 1999-м году, в Японии — в 2000-м, в Европе они работали до середины 1980-х, а кое-где и до конца 1980-х. Так что все достаточно просто.

Третье — это ограничение произвола монополий, чтобы деньги, выделенные на модернизацию, не ушли в рост цен, как у Медведева с его доступным жильем, которое народ до сих пор вспоминает как недоступное жилье. Необходимо ограничивать произвол монополий. И помимо предельной нагрузки для торговли необходимо дать антимонопольным органам права, которые есть во всех развитых странах, и которые больше напоминают права КГБ, чем права скромной службы в составе правительства РФ. Это, во-первых, право выявления структуры цены. Да, при этом антимонопольная служба может брать на себя обязательства сохранять коммерческую тайну. Но если ей кажется, что какая-то фирма злоупотребляет монопольным положением, фирма должна объяснить, как складывается ее цена, и не дай бог, совет. Если совет, об этой фирме вряд ли кто-нибудь потом вспомнит. При этом при резких колебаниях цены антимонопольная служба, скажем, в Германии имеет право сначала вернуть цену на место, а потом уже разбираться, что это было, потому что антимонопольное расследование может занимать годы, и ущерб, нанесенный экономике за это время, может оказаться фатальным, который уже никакими штрафами не восполнишь. И это работает.

Дальше простейшая вещь. Выясняется, что можно начать модернизацию, но если у нас во время подготовки к Олимпиаде в Сочи из-за границы ввозили даже гравий, простите, о чем идет речь. Если мы сейчас начнем модернизацию российской экономики, это

обеспечит рост деловой активности в Германии, в Китае, в Швейцарии, в Америке, где угодно, но в России незначительно. Потому что должен быть разумный протекционизм. Не безумный, который уничтожил наш автопром или поставил его если не на колени, то в не поддающуюся описанию позу, но сильно подорвал. Нет, разумный протекционизм. Потому что, для того чтобы создать какое-то производство, всегда сначала его нужно защищать. Вы не будете выпускать трехлетнего ребенка на ринг со здоровым, взрослым, сформировавшимся боксером, вы сначала его должны вырастить. Чтобы его вырастить, должны быть относительно тепличные условия. Поэтому протекционизм — условие развитие. И весь мир доказывает это практикой. Когда отрасль выросла, протекционистскую защиту нужно снимать и выпускать ее в мир конкуренции, но не раньше. Мы скованы правилами ВТО в этой ситуации, находимся в абсолютно колониальной зависимости, в кабальной зависимости от развитых стран. Но международное право делает нам подарок. Если какая-то сделка заключена на основе коррупционных соображений, то эта сделка априори считается ничтожной. Но мы же знаем наших либеральных реформаторов. Они умные люди, и при этом они заключили заведомо невыгодное для России соглашение о записывании нас в ВТО. Понятно, что в этой ситуации доказать коррупционную подоплеку, на мой взгляд, достаточно просто. Мы можем выйти из ВТО просто по факту проведения соответствующего расследования. А если учесть, что санкции против нас грубейшим образом нарушают правила ВТО, то ждать конца этого расследования не нужно, можно приостановить действие соглашения ВТО в отношении стран, которые ввели против нас санкции, не то что в любой момент, а уже через 5 минут. И никто пискнуть не сможет. И это абсолютно необходимая вещь.

Другая тема, что в ходе модернизации люди должны работать. А для этого нужно, чтобы они получали нормальные деньги. Поэтому прожиточный минимум должен стать реальным, и не только зарплата, но и в целом доход человека должен быть не ниже прожиточного минимума. Ситуация, когда у нас по официальным данным более 10 % населения не живет, а медленно умирает, потому что имеет доходы ниже прожиточного минимума, это чудовищная ситуация, это хуже, чем в гитлеровской Германии, где в концлагерях в 1938 году сидело

4600 или 4800 человек, и некоторых из них потом выпустили. Чем мы гордимся, если мы проигрываем на этом фоне, потому что у нас люди живут хуже, чем в тюрьме. В тюрьме человек просто живет — плохо, очень плохо, ужасно, но живет, он наказан. А за что наказано более 10 % граждан России, которые имеют доходы ниже прожиточного минимума и в реальности не могут жить лучше? Это не только официальная статистика, она подтверждается социологией. Значит, должен быть реальный прожиточный минимум, а не заниженный, как сейчас. Государство должно зафиксировать, что каждый человек имеет право на жизнь, в конце концов. Значит, каждый имеет право на гарантированный прожиточный минимум. Да, это объективная граница социализма. Дальше работайте, конкурируйте, ищите возможности. Но если вы человек, вы имеете право на жизнь. Соответственно, вся политика должна быть подчинена обеспечению этого права. Для этого нужно порядка триллиона рублей, с учетом всей инфляции. В федеральном бюджете без движения валяется 7 триллионов. И это объективная задача, под которую должна быть переформатирована вся межбюджетная политика. Чтобы не Москва захлебывалась от денег, думала, из какого драгоценного материала выложить тротуар, давайте переложим его в третий раз, а потом придется в четвертый перекладывать. Нет, чтобы деньги распределялись относительно равномерно. Естественно, кто лучше работает, тот должен получать больше, но не безгранично, не бесконечно. И, в конце концов, для того чтобы работать, человек должен быть здоровым. Это значит необходимость нормализации медицины. Потому что здравоохранение должно быть не средством выкачивания из нас денег, а средством излечения людей, как при советской власти. А система образования должна готовить не квалифицированного потребителя (как завещал Фурсенко), который ничего не понимает ни о чем и является объектом эксплуатации, но творца и профессионала, гармонично развитую личность. Вот это наша задача.

Примечания

1

[https://izborsk-club.ru/l 5425](https://izborsk-club.ru/l/5425)

<https://delyagin.ru/articles/187-pozitsija/59601-factory-britanskogo-prevoskhodstva-attention-mnogabukoff>

Таким образом, сетования некоторых отечественных жуликов, уличенных в «нулевые» в завышении рыночной стоимости активов, вносимых ими в капитал организаций, на то, что «а вот в Англии в капитал госбанка вообще внесли дрова полутысячелетней давности, и ничего», имеют отношение к реальности.

Он вникал во все технические и организационные тонкости производства. Совершенствование технологии, открытие 5 временных монетных дворов в других городах и строительство передвижных машин для чеканки денег позволило нарастить выпуск денег почти в 10 раз.

К 1700 году, за 4 года, под руководством Ньютона было отчеканено монет более чем на 5,1 млн. фунтов стерлингов — в полтора раза больше, чем за предшествующие 35 лет с начала машинной чеканки в 1662 году (3,3 млн. фунтов). Из оборота было изъято около 95 % бракованной серебряной наличности.

В 1724–1726 годах работал и учился в типографиях Лондона, в 1757–1770 годах представлял интересы четырех североамериканских колоний в Британии.

<http://russnov.ru/mixail-delyagin-ya-odin-chuvstvuyu-sebya-obmanutym-15-06-2018/>

[https://delyagin.ru/articles/191 — stat- i — i- interv- ju/59348 —](https://delyagin.ru/articles/191-stat-i-i-interv-ju/59348)
zakhlebyvajushhiysja-ot-sverkhdokhodov-bjudzhet-postavil-diagnoz-
umirajushhim-v-nishhete-detjam

http://zavtra.ru/blogs/razvorot_v_nikuda

<https://izborsk-club.ru/15297>

http://zavtra.ru/blogs/burnij_vek

<https://www.kp.ru/daily/26829/3869153/>

<https://izborsk-club.ru/> 5218

<https://izborsk-club.ru/l/5215>

Применение химического оружия в центре собственной страны против граждан России с их последующим похищением и дикой русофобской истерией лишили эту страну права на название с приставкой «Велико-». Хотя формально «Англия» — лишь центральная часть Соединенного Королевства, наряду с Шотландией, Уэльсом и Северной Ирландией, на русском языке так называют и всю страну.

<https://izborsk-club.ru/> 5180

Томас Мальтус- английский священник, экономист и демограф, прогнозировавший голод на Земле в результате перенаселения. — *Прим. ред.*

<https://delyagin.ru/articles/183-novosti/58508-istinnye-i-iskrennie-zhemchuzhiny-liberal-nogo-myshlenija-i-mirovosprijatija>

<https://www.business-gazeta.ru/article/379001>

<http://kuzpress.ru/other/10-04-2018/59391.html>

<https://delyagin.ru/articles/183-novosti/57558-dikiy-lobbizm-tak-zhe-razrushitelen-kak-i-dikiy-rynok>

<https://delyagin.ru/artides/183-novosti/57563-tereza-mjey-gotova-ob-javit-rossii-voynu-otvlekaja-anglichan-ot-massovykh-iznasilovaniy-britanskikh-devochek-migrantami>

http://zavtra.ru/blogs/ahillesova_pyata_rossijskogo_gosudarstva

http://zavtra.ru/blogs/mir_nakanune_bol_shih_peremen

http://zavtra.ru/blogs/chelovechestvo_za_porogom

<http://zavtra.ru/blogs/nuzhna-tolko-volya>

http://zavtra.ru/blogs/fragment_evolyutcii_ot_individual_nogo_soznaniyakkollektivnomu

Отражённая в карикатуре в сборнике «Физики шутят», где бог на жалобу ангела на синтезировавших ещё один трансурановый элемент учёных сурово отвечает: «Ах так? Тогда добавьте ещё один нелинейный элемент в Истинное уравнение единого поля!».

Разумеется, имеются в виду не более или менее убогие интеллектуальные спекуляции и тяжёлый бюрократический бред, расцветшие под этим наименованием в последние десятилетия как на Западе, так и в нашей стране. Философия как наука и стиль жизни — попытка постижения наиболее общих закономерностей всего сущего.

Правда, знание часто оказывается недоступным для организации в силу своей ненужности для неё. Организация решает задачи выживания и развития среди других организаций, и обладание тем или иным конкретным знанием далеко не всегда значимо для неё, даже когда она действует в научной сфере.

Повышение уровня конкуренции (переход от конкуренции между людьми к конкуренции между организациями и, далее, обществами) сопровождался повышением уровня разделения труда: от разделения труда между людьми и, затем, специализирующимися на тех или иных функциях организациями до разделения труда между обществами. Последние в зависимости от своего уровня развития превращаются в коллективных менеджеров, банкиров, учёных, собственников — или в частичных, не способных к самостоятельной жизни наёмных работников, а то и нищих.

<https://www.kp.ru/daily/26775/3808513/>

Организация, запрещенная в РФ.

<https://www.kp.ru/daily/26729.7/3755592/>

<https://www.kp.ru/daily/26726.7/3752223/>

Выходцем из Литвы был прадед Иосифа Волоцкого. — *Прим. ред.*

Крестьянин был прикреплен к земле при Борисе Годунове, а личная крепостная зависимость крестьянина была законодательно закреплена в России при царе Алексее Романове в середине XVII в. — *Прим. ред.*

<https://www.kp.ru/daily/26716.4/3741435/>